АРХИВНЫЙ ОТДЕЛ УВД ИСПОЛКОМА
УЛЬЯНОВСКОГО ОБЛАСТНОГО СОВЕТА ДЕПУТАТОВ
ТРУДЯЩИХСЯ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ
УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ

ИЗВЕСТИЯ НАУЧНОГО СОВЕТА

ВЫПУСК 1-й

Ульяновск
1959

АРХИВНЫЙ ОТДЕЛ УВД ИСПОЛКОМА
УЛЬЯНОВСКОГО ОБЛАСТНОГО СОВЕТА ДЕПУТАТОВ
ТРУДЯЩИХСЯ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ
УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ

ИЗВЕСТИЯ НАУЧНОГО СОВЕТА

ВЫПУСК 1-й

Ульяновск
1959

ЗМ00288 Заказ № 5437. Тираж 450 экз.
Сдано в набор 2/X 1959 г. Подписано к печати 12/III 1960 г.
Формат бум. 60×92 1/16. Объем: 18,5 уч.-изд. л. Цена 6 руб. 50 коп.
Типография Ульяновского областного управления культуры,
г. Ульяновск, ул. Ленина, 114.

СТАТЬИ

Д. Ф. РЕДЬКИН,
начальник Архивного отдела УВД Ульяновской области

АРХИВНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Великая Октябрьская социалистическая революция дала прекрасный размах народному творчеству во всех областях жизни. Советский народ под руководством Коммунистической партии приступил к строительству первого в мире социалистического общества. В развернувшейся грандиозной созидательной работе партия уделяла и уделяет много внимания вопросам архивного строительства.

Показателями постоянного внимания Коммунистической партии и Советского правительства к вопросам архивного дела является декрет Совета народных комиссаров «О реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР», подписанный В. И. Лениным 1 июня 1918 года, и «Положение о Государственном архивном фонде Союза ССР», утвержденное Советом Министров СССР 13 августа 1958 года.

Эти два постановления являются документами, в которых выражены ленинские идеи организации архивного дела в Советском государстве в интересах строительства социализма и коммунизма. Эти два документа, а также ряд указаний ЦК КПСС и Советского правительства по вопросам архивного строительства определили значение и роль советских архив-

ных учреждений в нашей стране, определили практическую деятельность архивных учреждений страны, в частности архивное строительство и в Ульяновской области.

Декрет Совета Народных Комиссаров «О реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР» заложил прочную основу советского архивного строительства.

Ленинский декрет выразил политику Коммунистической партии и Советского правительства в области архивного строительства, наметил его основные научные принципы и структуру и положил начало организации архивных учреждений в центре и на местах.

На основании ленинского декрета все архивы дореволюционных правительственных учреждений как ведомственные, так и частные архивы были ликвидированы, а хранящиеся в них документальные материалы были объявлены всенародным, общегосударственным достоянием и вошли в состав Государственного архивного фонда (ГАФ) СССР. В состав ГАФ вошли также документы, образовавшиеся в процессе деятельности советских учреждений, организаций и предприятий. Для заведования Государственным архивным фондом был создан особый Государственный орган — Главное управление архивным делом. Последующие декреты рабоче-крестьянского правительства по вопросам архивов развивали как принципы, так и организацию архивного дела. В 1919 году В. И. Ленин подписал второй декрет, обязывающий собирать, беречь, приводить в порядок и использовать в интересах государства документальные материалы учреждений Советской власти.

25 сентября 1920 года за подписью В. И. Ленина издано третье Постановление Совнаркома об учреждении комиссии по сбору и для изучения документов по истории Великой Октябрьской социалистической революции и истории Российской Коммунистической партии (большевиков) — Истпарт, ныне Институт марксизма-ленинизма.

Коммунистическая партия и Советское правительство из года в год уделяли и уделяют серьезное внимание вопросам архивного дела, совершенствуя его организацию и постановку архивной работы. Первоначально архивы входили в систему Народного комиссариата по просвещению, затем были в ведении ЦИК СССР, а в 1938 году переданы в систему Народного комиссариата внутренних дел.

В 1931 году было создано специальное высшее учебное заведение по подготовке специалистов архивного дела — Мос-

ковский Государственный историко-архивный институт. Распоряжением СНК СССР от 2 сентября 1945 года центральные, республиканские, краевые и областные Государственные архивы включены в число научно-исследовательских учреждений Советского Союза.

В Симбирске Советская власть установилась 10 декабря 1917 года. В феврале 1918 года Советская власть восторжествовала во всех уездах Симбирской губернии.

Англо-французские и американские империалисты, а также отечественная буржуазия, разочарованные в своих надеждах на скорое падение Советской власти, предприняли все меры к удушению молодой Советской республики, организуя на ее территории саботаж и всякого рода контрреволюционные выступления. К такого рода выступлениям относится и происшедший в мае 1918 года мятеж чехословацкого экспедиционного корпуса, возвращавшегося на родину через Сибирь и Дальний Восток. Белочехи, при содействии внутренней контрреволюции, захватили Пензу, Сызрань, Самару, а несколько позднее Симбирск и большую часть Симбирской губернии.

Во время хозяйничания белогвардейцев и белочехов в Симбирске ценнейшие документальные материалы подвергались варварскому уничтожению.

12 сентября 1918 года Симбирск был освобожден Симбирской Железной дивизией, входившей в состав Первой армии.

После освобождения Симбирской губернии от интервентов и белогвардейцев местные партийные и советские органы приступили к осуществлению декретов Советской власти, в том числе и ленинского декрета об архивном строительстве.

Ленинский декрет от 1 июня 1918 года по архивному делу начал реализоваться в Симбирской губернии с начала 1919 г.

При Губернском отделе народного образования была образована архивная секция в составе трех работников.

Параллельно с ней существовала и Симбирская архивная ученая комиссия, возникшая еще до революции. Секция и комиссия некоторое время работали совместно, а затем комиссия была ликвидирована.

Кроме общих трудностей, организация архивов в Симбирской губернии осложнялась тем, что губерния находилась еще в прифронтовой полосе, исключительно остро стоял вопрос с помещениями, т. к. многие хорошие здания были заняты военными учреждениями, войсковыми частями, военными госпиталями.

В первое время Губернский архив (быв. архивная секция Губоно) занимался выявлением и учетом дореволюционных архивов, в том числе и скрытых царскими чиновниками. Многие архивы были буквально беспризорными, хранились в самых непригодных местах (в сараях, чуланах, на чердаках), а часть расхищалась. Необходимо было спасти их, но пригодных помещений не было.

После многих хлопот Губернскому архиву удалось получить несколько помещений: подвал дома фабриканта Шатрова, помещение бывшей духовной консистории и другие. Позднее архивы были сосредоточены в здании быв. кафедрального собора и в здании быв. германской церкви.

В 1933 году в соборе произошел пожар, уничтоживший много документов советской эпохи. С 1934 года все архивные материалы были сосредоточены в здании быв. германской церкви, где архив находится и в настоящее время.

В 1935—1936 годах проводилось внутреннее оборудование архива и первоначальная разборка находившегося в полном беспорядке огромного количества документальных материалов. Только с 1936 года началась планомерная и организованная архивная работа. С переходом в 1938 году архивной системы в ведение НКВД архивная работа стала все более и более улучшаться и укрепляться. Ульяновская губерния в 1928 году была упразднена. Ее территория вошла в состав Средне-Волжской области с центром в гор. Самаре.

Ульяновский губернский архив с этого времени стал филиалом Самарского областного архива.

Архивная Государственная областная система получила свое современное организационное оформление в 1943 году, т. е. с образованием Ульяновской области.

С 1943 года во главе Государственных и ведомственных архивных учреждений области и города стоит архивный отдел Управления внутренних дел Ульяновского областного Совета депутатов трудящихся.

Начиная с этого года, вся работа архивных учреждений проводится под непосредственным контролем и помощью советско-партийных органов области.

На заседаниях облисполкома неоднократно заслушивались отчеты о работе архивного отдела по самым различным вопросам (о работе райгосархивов, справочная работа в облгосархиве, о помещениях для райгосархивов, о штатах и т. д.). Со дня организации области по сегодняшний день почти в $^2/_3$ рай-

онов области для райгосархивов предоставлены новые благоустроенные помещения.

На подготовку и издания документальных сборников облисполком каждый раз отпускает дополнительно финансовых средств от 10 до 20 тыс. руб.

Вся научно-публикаторская работа архива проводится под непосредственным руководством и контролем областного комитета КПСС.

Главной задачей Архивного отдела является осуществление руководства Государственными архивами и контроль за состоянием и хранением документальных материалов и постановкой делопроизводства во всех учреждениях, организациях и предприятиях Ульяновской области.

Основным государственным хранителем архивных документов в области является Государственный архив Ульяновской области, хранящий в данное время 850.000 дел (не менее 60 миллионов отдельных документов), начиная с 1-й четверти XVII века и до 1958 года, т. е. отражающих феодально-крепостнический, капиталистический и социалистический периоды истории нашего края.

В составе архивных документов областного архива около 60—65 процентов документов советской эпохи и около 35—40 процентов дореволюционного времени.

Со времени своего основания (с 1648 до 1796 года) Симбирск подвергался неоднократным административным преобразованиям, входя то в состав Казанской, то Астраханской губерний, а с 1780 по 1796 годы являлся центром Симбирского наместничества. В 1796 году Симбирск был преобразован в губернский город.

Город Симбирск и Симбирская губерния являются родиной многих замечательных людей, способствовавших развитию нашей страны во многих отраслях культуры и знания. К числу их принадлежат: И. А. Гончаров, Д. Д. Минаев, Н. М. Карамзин, Н. М. Языков, Д. Н. Садовников, Д. В. Григорович, И. М. Сеченов, А. Н. Крылов и многие другие. Симбирская губерния является родиной декабристов Н. И. Тургенева и В. П. Ивашева.

В Симбирске родился гений революции основатель Коммунистической партии и Советского государства Владимир Ильич УЛЬЯНОВ-ЛЕНИН. Здесь прошли детские и юношеские годы великого вождя. 9 мая 1924 года г. Симбирск — родина В. И. Ленина — постановлением Советского правительства был переименован в Ульяновск.

В истории революционного движения в России Симбирск занимает значительное место. В 70-х годах XIX столетия в Симбирске появились кружки народников, а затем и марксистские кружки, в 1903 году создана Симбирская организация РСДРП.

В результате деятельности многочисленных государственных учреждений и торгово-промышленных предприятий в дореволюционном Симбирске откладывались ценные документальные материалы и созданы были ведомственные, учрежденческие и частные архивы.

Симбирская губернская ученая архивная комиссия, учрежденная в 1895 г., занималась собиранием письменных памятников (особенно из помещичьих архивов), и вещей для своего музея и книг. Но это была сословно-ограниченная дворянская организация, что наложило отпечаток и на ее практическую деятельность. Собранные комиссией материалы хранятся в областном государственном архиве и в Ульяновском краеведческом музее.

Документы советской эпохи отражают деятельность Советов губернии и области, земельных, хозяйственных, финансовых, административных, культурно-просветительных и других учреждений; деятельность фабрик, заводов, профсоюзов и общественных организаций. Более полно сохранились документы по вопросам сельского хозяйства и профсоюзной работы. Среди дореволюционных документов хранятся ценные материалы по истории старого Симбирска.

В составе дореволюционных документов наиболее важными фондами являются фонды инспекции и дирекции народных училищ, первым руководителем которых в губернии был И. Н. Ульянов, и Симбирской мужской классической гимназии, воспитанником которой был В. И. Ульянов; фонды учреждений удельной системы, фонд Усольской вотчины графов Орловых-Давыдовых и ряд личных фондов симбирских дворян, в том числе фонд Петра Ивашева (адъютанта Суворова А. В.; отца декабриста Василия Петровича Ивашева), фонд Языковых, фонд князя Баратаева М. О. и т. д.

Ценными источниками являются столбцы покровского монастыря и свитки XVIII века.

В областном архиве имеется ценная научно-справочная библиотека, насчитывающая 17.000 экземпляров исторической, краеведческой и справочной литературы.

Крайние даты изданий 1797—1959 годы. В состав библиотеки входит газетный фонд, который содержит центральные

и местные газеты Симбирской губернии — Ульяновской области с 1865 года по настоящее время. Всего имеется 550 комплектов газет.

Во всех районных государственных архивах сосредоточено 329.000 дел, отражающих советский период истории области, начиная с 1925 и кончая 1958 годами.

И, наконец, в архивах учреждений области временно хранится свыше 500.000 дел. В дальнейшем все эти дела, по истечении известных сроков, поступят на постоянное государственное хранение в областной государственный архив.

Всего, по состоянию на 1 января 1959 года, хранится в Государственных и ведомственных архивах области — 1.679.000 дел.

К сорокалетию со дня подписания В. И. Лениным декрета «О реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР» архивное строительство в Ульяновской области, как и во всей Советской стране, характеризуется рядом показателей, свидетельствующих о неуклонном росте и развитии архивного дела. Внимание партии и правительства к архивным учреждениям находит свое выражение в росте бюджетных ассигнований на архивное дело.

Укрепление архивных учреждений Ульяновской области в финансовом отношении показывают следующие данные: в 1943 г. бюджетные ассигнования на архивное дело составляли 129.600 руб.; в 1945 г. — 166.800 руб., в 1955 г. — 291.600 руб., в 1957 г. — 288.900 руб., в 1958 г. — 331.000 руб. (сведения даются без учета райгосархивов области).

Организационно-методическая работа архивных учреждений Ульяновской области находит свое отражение в неуклонном росте количества документальных материалов, сосредоточенных в областном государственном архиве. Так, на 31 декабря 1919 года в губернском архиве было 273 фонда (количество дел не известно, принимались весом без описей), 1 января 1943 года в областном архиве было 517.016 дел, а на 1 января 1959 года — 850.000 дел.

В результате большой работы, проведенной архивистами Ульяновской области по комплектованию архива документальными материалами и их научно-технической обработке, были созданы условия для научного и практического использования архивных документов. Большая работа была проведена в 1928—1930 годах по выявлению документов, относящихся к жизни В. И. Ленина в Симбирске.

Все выявленные документы (подлинники) отправлены в Институт Ленина (ныне Институт марксизма-ленинизма).

Активизации работы по использованию документальных материалов способствовала подготовка к изданию в 1948 году «Путеводителя по Государственному архиву Ульяновской области» в 2-х томах под редакцией доцента Н. П. Гриценко. Составителями путеводителя являются архивные работники: А. Ф. Варламова, З. П. Перькова, Н. Н. Смирнов.

В 1955, 1957 и 1958 годах сотрудниками архивного отдела, областного государственного архива, партийного архива при содействии научных сил города и под непосредственным руководством областного комитета КПСС подготовлены и изданы три документальных сборника: «Крестьянское движение в Симбирской губернии в период революции 1905—1907 гг.» под редакцией М. А. Бутаева, И. П. Шмыгина, Н. Н. Смирнова (1955), «Борьба за установление и упрочение Советской власти в Симбирской губернии март 1917 г.—июнь 1918 г.» под редакцией М. А. Гнутова (1957 г.) и «Симбирская губерния в период гражданской войны май 1918—март 1919 г.» 1 том под редакцией Ф. В. Герасина, М. А. Бутаева, Н. Н. Смирнова (1958 г.). Этот том вышел в свет к 40-летию освобождения гор. Ульяновска от белочехов, т. е. к 12 сентября 1958 года.

В 1957 году сотрудниками архивного отдела подготовлен и издан «Краткий справочник о содержании архивных фондов и научно-справочной библиотеки Государственного архива Ульяновской области». В 1959 году издан плакат «Берегите архивные документы».

С 1936 года в Государственном архиве для исследователей открыт читальный зал. С 1936 года по 1958 год в этом зале занималось 564 человека, которыми сделано 5740 посещений. За этот период им было выдано 62.803 дела и 4986 комплектов газет и научно-справочной литературы. Исследователям выдано копий на 7143 листах и выписей с документов и печатных изданий на 5794 листах. Главнейшими темами, над которыми работали исследователи, были: «История гор. Симбирска», «Материалы о писателе И. А. Гончарове», «О состоянии образования в Симбирской губернии в 1913 году», «Комитеты бедноты в Симбирской губернии», «Революционное движение в Симбирской губернии в период 1 русской революции», «Декабристы—уроженцы Симбирской губернии», «Историко-экономический очерк Усольской вотчины», «Трудящиеся гор. Ульяновска в годы Великой Отечественной войны», «История большевистской печати в Симбирской губернии», «Столыпин-

ская аграрная реформа», «Литературный Симбирск—Ульяновск», «Кустарные промыслы в Симбирской губернии», «Коллективизация сельского хозяйства в Ульяновской губернии», «Удельные крестьяне Среднего Поволжья», «Здравоохранение в Симбирской губернии» и др.

По материалам областного архива написаны и опубликованы местными и иногородними исследователями около 500 различных работ (брошюры, очерки, книги, журнальные статьи), назову некоторые из этих работ: кандидата исторических наук Гриценко Н. П. «Огарев Н. Б. — выдающийся революционный демократ и публицист», «Очерки по истории гор. Симбирска—Ульяновска и Ульяновской области I часть» и «Из истории прошлого гор. Симбирска—Ульяновска — 1648—1917 гг.»; Кондакова А. И. «Директор народных училищ И. Н. Ульянов»; кандидата филологических наук Бейсова П. С. «Гончаров и родной край»; аспиранта Наумова А. С. «Ишеевская суконная фабрика им. Гимова»; кандидата исторических наук Шмыгина И. П. «Из истории борьбы крестьян села Б. Нагаткино за свободу и землю» и «Из истории крестьянского движения в Симбирской губернии в период I русской революции 1905—1907 гг.»; геолога Кабанова К. А. «Ископаемые богатства Ульяновской области и их использование»; кандидата исторических наук Головчинера Я. М. «Установление Советской власти в гор. Симбирске»; кандидата исторических наук Бутаева М. А. «Симбирские большевики в период I русской революции»; Жаданова Б. Н. «Педагогическая деятельность И. Н. Ульянова и воспитание детей в его семье»; Фирстова И. И. «Мордовия в годы I русской революции»; Каржавина Д. Ф. «Степан Разин в Симбирске»; Герасина Ф. В. «По пути, указанному партией (развитие экономики и культурное строительство в Ульяновской области за 40 лет Советской власти)»; кандидата исторических наук Чевелева А. П. «Патриотическое движение трудящихся гор. Ульяновска в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.»; кандидата экономических наук Трегубова И. Н. «Крестьянский банк» — орудие столыпинской аграрной политики» и «Столыпинская реформа и разложение крестьянства в Симбирской губернии»; ассистента Ромашина И. С. «Кризис вотчинной мануфактуры и развитие капитализма в суконной промышленности Симбирской губернии 1754—1880 гг.» и «Начало формирования и положение рабочего класса и классовая борьба на суконных фабриках Симбирской губернии в пореформенный период 1861—1880 гг.» и

другие. В облгосархиве работало 50 человек с целью написания диссертаций на соискание ученых степеней докторов и кандидатов наук. Многие из них, в том числе и шесть членов нашего научного совета: тт. Бутаев М. А., Головчинер Я. М., Гнутов М. А., Шмыгин И. П. и бывшие члены совета Крупнов С. А., Чевелев А. П. защитили диссертации, им присвоена ученая степень кандидатов исторических наук.

По документальным материалам областного государственного архива сотрудниками архивного отдела, облгосархива и членами научного совета с 1925 года по 1959 год написано и опубликовано около 300 заметок и статей в местной периодической печати и иногородней. Ряд статей был опубликован в журналах: «Исторический архив», «Вопросы истории», «Советская педагогика» и «Народное образование». Несколько статей было опубликовано в «Ученых записках» педагогических институтов гг. Ульяновска, Грозного, Йошкар-Олы, Ставрополя (Ставропольского края). К числу наиболее интересных статей, опубликованных в газетах и журналах, относятся: «Организатор большевиков в г. Карсуне» (Статья посвящена тов. Буторову К. А.); «Большевистская печать нашей области»; «Установление Советской власти в Сенгилеевском уезде»; «Большевик М. А. Гимов» (Статья посвящена председателю Симбирского губисполкома); «Из истории комсомола в г. Симбирске»; «Симбирская—большевистская» — статья посвящена созданию большевистской организации в г. Симбирске 15 сентября 1917 года; «1-е мая 1917 года в Симбирской губернии»; «Материалы Ульяновского архива о А. М. Горьком»; «Декабристы-симбиряне»; «Как жили и боролись в прошлом крестьяне Симбирской губернии»; «Живая память народа»; «Так избирали органы местного самоуправления в Симбирской губернии»; «Драгоценный клад на волжском острове»; «Документы дореволюционной борьбы симбирских крестьян»; «История великих свершений»; «Ценными документами архива надо пользоваться»; «Труд на благо обществу»; «Дикорастущие красильные растения в Ульяновской области» и др.

Около 50 проц. всех написанных статей было передано по радио гор. Ульяновска. Ряд статей был написан заведующими районными государственными архивами области (М. Кляузов «Встреча с М. И. Калининым»; его же «Шел 1918 год» (Павловка); И. Бамзуров, «Хранить архивные материалы — ответственное дело» (Сурск) и др.

В облгосархиве имеется специальная тематическая карто-

тека (578 карточек) на документы, содержащие сведения о полезных ископаемых на территории быв. Симбирской губернии. О составе и содержании данной картотеки доложено облисполкому и совнархозу.

Сотрудниками архивного отдела и облгосархива (Б. Н. Кожевников, Н. Н. Смирнов, И. Ф. Петрова, Д. Ф. Редькин, К. А. Кабанов) на основании документов написано ряд специальных тематических обзоров (о почвах, лесах, водном хозяйстве, полезных ископаемых), которые отосланы заинтересованным учреждениям для сведения и практического использования (совнархоз, обл. управление сельского хозяйства, облисполком, обком КПСС и др.).

Архивные документальные материалы используются также для организации документальных выставок, которые в живой и доступной форме рассказывают о том или другом событии. За период с 1924 по 1959 годы архивными учреждениями было организовано 7 выставок: «Крепостное крестьянство Симбирской губернии до 1861 года» (1924 год); «20-летие со дня 9 января 1905 года» (1925 год); «10-летие Октябрьской революции на родине В. И. Ленина» (1927 г.); «25-летие со дня освобождения Симбирской губернии от белогвардейцев» (1943 год); «300-летие Симбирска—Ульяновска» (1948 год); «40-летие Октябрьской революции на родине В. И. Ленина» (1957 год); «40-летие архивного строительства в Ульяновской области» (1958 год). Документальные выставки организовывались и экспонировались в Краеведческом музее гор. Ульяновска.

Выставку «40-летие Октябрьской революции на родине В. И. Ленина» с 15 августа 1957 года по 30 июня 1958 года посетило 38.300 человек, в том числе 91 экскурсия гор. Ульяновска и городов Поволжья. Кафедра основ марксизма-ленинизма сельскохозяйственного института г. Ульяновска по этой выставке провела занятия с шестью группами.

Выставку «40-летие архивного строительства в Ульяновской области» с 1 по 30 июня 1958 года посетило 7100 человек. В книге отзывов об этой выставке врач-хирург центральной больницы им. Пирогова г. Куйбышева тов. Перфильев сделал следующую запись: «Выставка «40 лет архивного строительства Ульяновской области» (1918—1958 гг.) весьма наглядно, в простой и доступной форме, кратко и сжато повествует о деятельности госархива Ульяновской области и его организации на периферии. Безусловно, надо приветствовать это начинание коллектива архива. Не менее удачно подобра-

ны экспонаты. Хочется от души пожелать славному юбиляру новых успехов в их благородном труде» (3 июня 1958 г.).

Необходимо отметить, что при подготовке и оформлении документальных выставок большую помощь архивным работникам оказывали сотрудники краеведческого музея: тт. Панкова М. С., Васильева Л. Г., Савич М. М., Костина Н. М. и директор музея Валкин М. Х.

За последние 10 лет в читальном зале облгосархива работало по различным вопросам не менее 300 исследователей различных городов: Москвы, Ленинграда, Казани, Куйбышева, Чебоксар, Саранска, Магнитогорска, Йошкар-Олы, Пензы Сызрани.

Сотрудники архива внимательно относятся к запросам исследователей. Стараются подобрать им необходимый материал, чтобы они могли полнее и глубже вскрыть изучаемую тему.

В книге отзывов о работе облгосархива имеется ряд записей исследователей о внимательном обслуживании их в читальном зале архива. Так, доктор филологических наук, член корреспондент Академии Наук Армянской ССР Мариэтта Шагинян сделала следующую запись: «Провела в Ульяновском архиве с огромной для себя пользой два полных дня и горячо благодарю работников архива за их культурное, внимательное, сердечное отношение к посетителям и за их настоящую большую помощь в нашей научной работе! Всех благодарю, от директора и научных сотрудников и до товарищей технических работников» (29 января 1957 г.).

Ученый секретарь Мордовского научно-исследовательского института, кандидат исторических наук И. Фирстов так характеризовал работу коллектива сотрудников архива: «В Государственном архиве Ульяновской области мне пришлось работать трижды. С чувством большого удовлетворения следует сказать о чутком и внимательном отношении к исследователю всего коллектива архива... За 25 дней работы в архиве мною сделана большая работа, и в этом большую помощь оказали Анна Федоровна Варламова, Николай Николаевич Смирнов, Вадим Григорьевич Григорченко и Елена Ивановна Янина. Большое спасибо. Желаю дальнейших успехов в работе коллектива архива» (2 октября 1956 года).

Не менее выразительно сказал об Ульяновском архиве и кандидат исторических наук (докторант) доцент Куйбышевского пединститута Е. И. Медведев: «Как архивный работник считаю работу в архивах интересной и даже увлекательной.

Как приятно, что некоторые сотрудники Ульяновского госархива также с любовью относятся к своей работе. Хочу отметить простоту в отношениях, удобство в работе, чуткость в обслуживании, отсутствие формализма. Приятно, что мое хорошее мнение совпадает с мнением других посетителей, работавших здесь. Каждому сотруднику славного коллектива Ульяновского госархива желаю здоровья, успехов в работе...» (23 марта 1957 года).

Государственный архив Ульяновской области проводит большую работу по выдаче справок (биографические, стажевые) учреждениям, организациям и отдельным гражданам. За время с 1919 по 1958 год выдано 39.570 справок. В 1919 году выдано 2 справки, в 1943 — 149 справок, а в 1958 году — 4.800 справок. Всеми государственными архивами области за 1958 год выдано свыше 10.200 справок.

В адрес архивных учреждений Ульяновской области поступает много писем от трудящихся с выражением благодарности за качественное и своевременное наведение архивных справок, за чуткое отношение к заявителю.

Участник Отечественной войны из Ставропольского края тов. Сазанов Н. прислал в адрес облгосархива письмо следующего содержания: «Благодарю коллектив сотрудников Госархива за чуткое отношение и оперативность в работе, за быстрое исполнение справки о моем трудовом стаже. Желаю коллективу здоровья и успехов в работе» (5 января 1956 года).

Гражданин Баев И., проживающий в Киргизской ССР, прислал в адрес Госархива следующее письмо: «Я восхищен работой Госархива Ульяновской области, который, несмотря на неудачу первых поисков документов о моей работе, сумел все же найти необходимые мне сведения за 1921—1926 годы. Выражаю сотрудникам глубочайшую благодарность за редко добросовестное отношение к кропотливой работе, как архивные изыскания» (август 1957 г.).

Честно относятся к заявлениям трудящихся и заведующие районными государственными архивами области. Так, в октябре месяце 1957 года гражданка Н. Седова, проживающая в г. Куйбышеве, обратилась в Карсунский райгосархив Ульяновской области с просьбой выдать ей справку о ее работе. Положительная справка через несколько дней была отправлена. В ноябре месяце 1957 года Н. Седова прислала в архивный отдел УВД письмо следующего содержания: «Недавно мне пришлось побывать в Карсунском районе, где я раньше работала в кинотеатре. Сейчас я пенсионерка. Для оформле-

ния пенсионного дела мне пришлось вновь побывать там, где я когда-то работала, чтобы собрать нужные документы. Конечно, времени прошло много, и свидетелей мне найти было трудно. Но зав. райгосархивом т. Милованова З. И. была настолько внимательна, что с ее помощью все нужные справки я смогла получить за короткое время. Прошу опубликовать в газете мою сердечную благодарность т. Миловановой З. И. за проявленное ко мне внимание и чуткость».

Просьба гр-ки Седовой выполнена. Статья помещена в газете «На боевом посту» 15 ноября 1957 года.

Аналогичные письма от граждан поступали о работе заведующих райгосархивами Инзенского района т. Марьиной Т. С. и Ст.-Майнского района т. Некрасовой А. М.

Одновременно со справочной работой сотрудниками архивного отдела и областного государственного архива проводится работа по исполнению тематических запросов, поступающих от партийных, советских, научных и общественных организаций, а также от отдельных исследователей. На основании этих запросов с 1936 по 1958 год выдано 235 научных справок. Цифра невелика. Но дело в том, что почти каждая тематическая справка является специальным исследованием научно-исторического порядка. Нет возможности полностью указать все темы, из-за большого количества назову только некоторые.

Больше всего выдано справок по социально-экономическим вопросам Симбирской-Ульяновской губернии.

Ряд справок выдан о жизни и деятельности И. Н. Ульянова и о его сослуживцах, о гимназии, где учился Владимир Ильич; о поэтах Д. Н. Садовникове, Д. Д. Минаеве, о брате писателя И. А. Гончарове, о декабристе В. П. Ивашеве, о товарище М. Ю. Лермонтова по школе гвардейских подпрапорщиков и т. д.

Выдавались справки об оползневых явлениях, о полезных ископаемых на территории Симбирской губернии, о лесах нашего края. Наиболее интересными по тематике справками были следующие:

«О структуре и штатах Симбирского губсовнархоза» — для Ульяновского совнархоза; «О наличии сведений, характеризующих революционную и врачебную деятельность врача З. П. Соколова, бывшего начальника главвоенсанупра и заместителя наркома здравоохранения РСФСР» — для военно-медицинского музея Министерства обороны СССР в г. Ленинграде; «Сведения по экономике Буинского уезда в 1905—1907

годах» — для Архивного отдела МВД Татарской АССР; «Об административном делении территории Симбирской губернии» — для управления милиции Башкирской АССР; «О вотчинном хозяйстве дворян Сабуровых и Самариных» — для Московского государственного исторического архива; «О помощи населения гор. Ульяновска и области г. Сталинграду в 1942—1943 годах» — для Сталинградского обкома КПСС и Сталинградского музея обороны Царицына-Сталинграда; «Справка по истории 24-й Симбирской Железной дивизии» — для Ульяновского горкома КПСС; «Справка о революционной деятельности жителей Симбирской губернии, принимавших активное участие в период первой русской революции 1905—1907 гг.» — для Ульяновского областного комитета КПСС. «Справка об оползневых явлениях на территории Симбирской губернии» — для Ульяновского обкома КПСС и облисполкома; «Сведения о пребывании бабушки М. Ю. Лермонтова и его самого в гор. Симбирске» — для Государственного музея «Домик Лермонтова» в Пятигорске.

Приказ главного архивного управления МВД СССР —1951 г. «Об улучшении научно-методической работы архивных органов и Госархивов СССР» сыграл значительную роль в повышении идейно-политического уровня и качества всех видов работы над документальными материалами архива и оживлению научно-методической работы.

В областном государственном архиве организован методический уголок.

В задачу методического уголка входит: концентрация методических пособий по теории и практике архивного дела, организация использования этих пособий в практической деятельности архивов, проведение консультаций по методике отдельных видов работ и т. д. В методическом уголке собраны обзоры фондов, тематические обзоры. Здесь же находится значительное количество методических пособий, разработанных сотрудниками облгосархива: «Рабочая инструкция по обработке межевых книг» (Н. Н. Смирнов), «Рабочая инструкция по проверке наличия и состояния фондов — Симбирской городской управы и Симбирской городской думы» (Смирнов Н. Н.), «Схема систематизации фондов директора училищ, инспектора — директора народных училищ Симбирской губернии» (Н. Н. Смирнов), «Рабочая инструкция по тематическому выявлению документов в облгосархиве (Смирнов Н. Н.), «Схема систематизации материалов фонда Улья-

новского уисполкома и Ульяновского уездного отдела управления» (В. Г. Григорченко), «Рабочая инструкция по улучшению организации учета документальных материалов в Госархиве Ульяновской области в 1953 г.». (В. Г. Григорченко и Е. И. Янина), «Рабочая инструкция по описанию единиц хранения и оформлению обложек дел советской эпохи» (Смирнов Н. Н.), «Справочник к картотеке сведений по учету документов по теме «Полезные ископаемые Ульяновской области» (К. А. Кабанов, Н. Н. Смирнов и Д. Ф. Редькин), «Обобщение опыта применения в Госархиве Ульяновской области карточного метода при обработке дел» (Н. Н. Смирнов), «Правила по учету источников по истории учреждений Ульяновской области» (Н. Н. Смирнов) и др.

Лучшим методом разрешения методических вопросов, возникающих в процессе повседневной работы сотрудников, являются методические совещания. За период с 1943 по 1958 год проведено 45 совещаний. На методических совещаниях рассматривались вопросы: о научно-технической обработке фондов, о изучении справочной работы, об учете фондов и утверждении рабочих инструкций, а также вопросы, связанные с публикаторской работой и использованием документальных материалов в интересах народного хозяйства. В порядке обмена опытом архивный отдел посылал методические письма и инструкции, разработанные Ульяновскими архивистами, в архивные отделы Куйбышевской, Пензенской, Житомирской областей и в архивный отдел Татарской АССР.

В порядке обмена опытом в работе руководящие и научные сотрудники архивных учреждений Ульяновской области были в Куйбышевской, Пензенской областях и в Татарской АССР. В свою очередь руководящие и научные сотрудники архивных учреждений Пензенской, Сталинградской областей и Татарской АССР были в Ульяновской области. Обмен опытом в работе сыграл положительную роль в деле улучшения организации архивной работы.

Для улучшения организации научно-публикаторской и методической работы при архивных отделах приказом МВД СССР с 1945 года созданы научные советы. На 1 июня 1959 года в научном совете при архивном отделе состоит 28 человек: доктор ветеринарных наук тов. Лубянецкий С. А., кандидаты филологических и исторических наук Бейсов П. С., Бутаев М. А., Шмыгин И. П., Гнутов М. А., Захаров С. П., Ромашин И. С., зам. председателя облисполкома Астапов М. И.,

заведующий сектором информации обкома КПСС Кривов М. И., директор Краеведческого музея аспирант Валкин М. Х., и научный сотрудник музея Панкова М. С., заведующая партийным архивом при обкоме КПСС Шитова Г. Е., и старший научный сотрудник этого же архива Сазонтов Г. А., геолог-краевед Кабанов К. А., главный судебно-медицинский эксперт врач Евдокимов П. П., научный сотрудник филиала Центрального музея В. И. Ленина Капранова А. Н., зав. библиографическим отделом Дворца книги им. В. И. Ленина Никитина Н. И., начальник сектора Ульяновской областной плановой комиссии Михайлова В. М., руководящие и научные сотрудники архивного отдела и облгосархива, а также бывший старший научный сотрудник облгосархива, ныне пенсионер тов. Смирнов Н. Н.

Научный совет ежегодно проводит по 3—4 заседания, на которых рассматриваются вопросы о подготовке документальных сборников, о состоянии работы по выявлению и использованию документальных материалов в интересах науки и народного хозяйства; на заседаниях совета рассматривались также диссертационные работы, перспективные планы научно-публикаторской работы и т. п. Члены научного совета принимают активное участие в рассматриваемых вопросах и дают ценные предложения и советы. Товарищи Бутаев М. А., Бейсов П. С., Кабанов К. А. и Смирнов Н. Н. являются членами совета со дня его организации. О них можно сказать. что, не состоя официально в штате архивных учреждений, они являются штатными работниками облгосархива, т. к. постоянно, сколько им позволяет время, работают в читальном зале архива. Такое же тяготение к архивам имеют тт. Гнутов М. А., Захаров С. П., Сазонтов Г. А. и молодой член совета, ставший энтузиастом архивного исследования, врач П. П. Евдокимов. Нельзя забыть и бывших членов научного совета кандидатов исторических наук, очень активно участвовавших в работе совета: тт. Гриценко Н. П., Чевелева А. П., Крупнова С. А.

На заседаниях научного совета выступали с докладами тт. Бейсов П. С., Бутаев М. А., Гнутов М. А., Лубянецкий С. А., Евдокимов П. П., Кривов М. И., Валкин М. Х., а также руководящие и научные сотрудники отдела и облгосархива: тт. Редькин Д. Ф., Уразманов Ф. А., Смирнов Н. Н., Григорченко В. Г., Варламова А. Ф. и другие. Всего за период с 1945 по 1 июня 1959 года проведено 47 заседаний научного совета.

В последние два — три года установился контакт в работе научного совета архивного отдела и ученого совета краеведческого музея им. И. А. Гончарова. Совместно были проведены юбилейные заседания этих советов, посвященные 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции и 40-летию со дня подписания В. И. Лениным декрета «О реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР». Эти заседания, к которым были приурочены и соответствующие выставки, созданные архивом и музеем, способствовали объединению краеведческих сил, привлечению внимания общественности к работе архива.

Показательно в этом отношении юбилейное торжественное объединенное заседание ученого совета Ульяновского областного краеведческого музея им. И. А. Гончарова и научного совета при архивном отделе УВД Ульяновской области, посвященное 40-летию Великого Октября, состоявшееся 3 ноября 1957 года[1].

На заседании присутствовали члены ученого совета Ульяновского краеведческого музея и научного совета при архивном отделе УВД.

Были приглашены на заседание старые большевики, активные участники борьбы за установление и упрочение Советов в г. Симбирске и губернии тт. Т. Ф. Аверьянов, А. Р. Андрианов, А. М. Звирбуль (Рослат), И. Я. Сыромятников, М. И. Каталичук, а также представители партийных, советских, профсоюзных, комсомольских органов и общественных организаций города и области.

Всего присутствовало на заседании свыше 100 человек.

Торжественное заседание открылось небольшой вступительной речью председателя заседания, директора педагогического института — кандидата исторических наук, доцента И. П. Шмыгина.

«Отмечая 40-ю годовщину Великой Октябрьской социалистической революции, — сказал И. П. Шмыгин, — мы с величайшим уважением чествуем товарищей, которые непосредственно участвовали в вооруженном перевороте 1917 года.

Здесь присутствует небольшая группа товарищей, которые активно участвовали в Октябрьской революции, в установлении Советской власти в г. Симбирске и губернии.

Мы приветствуем от души и тех товарищей, которые, к

---

[1] Отчет об этом заседании написан В. Г. Григорченко, старшим научным сотрудником архива.

нашему сожалению, не могут разделить с нами всенародную радость, тех, кто пролил кровь, кто отдал свою жизнь с оружием в руках в Великие Октябрьские дни».

Председатель юбилейного заседания просит почтить вставанием светлую память погибших. Затем предоставляет слово старшему преподавателю Ульяновского педагогического института И. С. Ромашину для доклада.

Доклад «Установление Советской власти в Симбирской губернии» выслушан присутствующими с большим вниманием и интересом. По окончании доклада со своими воспоминаниями выступили участники борьбы за установление Советской власти в г. Симбирске и Симбирской губернии.

Первым взял слово тов. Прытков Иван Дмитриевич, член КПСС с 1917 г., бывший член Симбирского губернского комитета партии, который в своем выступлении рассказал о незабываемых днях борьбы против Временного правительства. В родной гор. Симбирск он прибыл в начале декабря 1917 г. В это время в Совете было засилие эсеров, которые занимали основные командные посты, поэтому симбирским коммунистам приходилось вести трудную борьбу за свое правое дело.

Далее тов. Прытков останавливается на чехословацком восстании, которое захватило Симбирскую губернию, в результате чего гор. Симбирск был взят белочехами. Местная партийная организация вынуждена была перейти на казарменное положение, а затем выступить на фронт, на помощь Самаре, на борьбу против белочехов.

Тов. Сыромятников Иван Яковлевич, член КПСС с 1919 г., симбирский красногвардеец. В 1916 году он работал на чугунолитейном заводе в поселке Туть. Тов. Гимов работал слесарем, а он работал токарем.

Тов. Сыромятников рассказывает, что в этот период (1916 г.) на заводе тт. Гимов, Жуков, Никитин проводили серьезную агитационную работу среди рабочих. В этом же году по инициативе коммунистов местной партийной организации была организована маевка. На этой маевке выступали и говорили о международной солидарности рабочего класса, о прекращении империалистической войны, о 8-часовом рабочем дне, о свержении царского самодержавия и о местных вопросах: о непорядках в расценках, о грубости мастеров. В мае месяце 1917 г. был создан фабрично-заводской комитет, председателем которого был избран Гимов, а секретарем Сыромятников.

Далее тов. Сыромятников говорит об организации Красной гвардии в Симбирске, первым организатором которой был кузнец Вавилов.

Товарищ Андрианов Андрей Романович в своем выступлении рассказал о своих детских и отроческих годах, о своем отношении к Февральской буржуазной революции, о своем активном участии в Октябрьской революции.

Далее тов. Андрианов рассказывает о своем приезде в Симбирскую губернию в 1918 г. в момент взятия гор. Симбирска чехами. Проживал он в этот период времени в с. Тагае, Симбирского уезда, на нелегальном положении.

12 сентября 1918 г. гор. Симбирск был освобожден от белочехов, и Губисполком поручил А. Р. Андрианову навести революционный порядок в Тагайской волости, где было засилие кулаков. В тяжелых условиях приходилось создавать Советскую власть. Ему пришлось взять на себя организацию партийной, советской, а также культурно-массовой работы, хотя он был малограмотным. Он был в это время единственным коммунистом на всю волость. Затем тов. Андрианов рассказал об участии коммунистов Тагайской волости в подавлении кулацкого восстания в с. Карсуне в марте 1919 г.

В дальнейшем тов. Андрианов был членом уездного исполкома, заведующим земельным управлением, общим отделом.

Слово предоставляется тов. Корицкому Николаю Ивановичу, бывшему начальнику штаба 1-й армии Восточного фронта. Тов. Корицкий рассказывает, как по заданию партии в армии — на фронте проводилась партийная пропаганда и как тов. Фрунзе постепенно своими разговорами привел его (Корицкого) к большевикам.

Тов. Карпухин Николай Алексеевич рассказывает свои автобиографические данные и в основном останавливается на своей работе в г. Симбирске — в Губисполкоме, вспоминает работников Губисполкома тт. Гимова, Варейкиса, их огромную работу по укреплению советского аппарата. Характеризует с положительной стороны Варейкиса, который ликвидировал муравьевщину.

Звирбуль (Рослат) Яков Мартынович начинает свое выступление с автобиографических данных о себе.

После заключения Брестского мира т. Звирбуль прибыл в Симбирск и был назначен комендантом города. Вел борьбу с дезертирами с фронта.

Тов. Каталичук М. И. рассказала о работе комсомола Симбирской губернии в первые годы Советской власти.

После выступлений старых большевиков председатель собрания от имени всех присутствующих выразил им благодарность и поблагодарил за те ценнейшие сведения, которые они сообщили.

Таким же интересным было объединенное заседание Советов, посвященное 40-летию архивного строительства. Эту связь необходимо всемерно укреплять и расширять.

В связи с 40-летием архивного строительства Российской Федерации и за активное участие в работе научного совета при архивном отделе УВД, решением облисполкома от 5 июня 1958 года за № 511/14 пять его членов М. А. Бутаев, П. С. Бейсов, С. А. Лубянецкий, М. И. Кривов, К. А. Кабанов награждены Почетными грамотами облисполкома.

Значительное место в работе архивного отдела занимают районные архивы. В каждом районе области имеется районный государственный архив. Основными задачами заведующего районным архивом являются: инспекторская работа по учреждениям района, прием документальных материалов от учреждений, выдача по документальным материалам райгосархива согласно запросам учреждений и отдельных граждан архивных справок, выделение документальных материалов с истекшим сроком хранения в макулатуру и т. д.

Работа каждого райгосархива проводится планово. Их годовые планы рассматриваются и утверждаются архивным отделом. По истечении года они составляют годовые отчеты. Архивный отдел ежегодно обследует все районные государственные архивы. При этих обследованиях не только проверяется их работа, но и оказывается методическая и практическая помощь. Ряд заведующих райгосархивами работает свыше 10 лет: Милованова З. И. (Карсунский район), Бамзуров И. М. (Сурский район). Они хорошо освоили вопросы архивного дела, добились неплохих результатов по сохранности и научно-технической обработке документальных материалов по учреждениям района, качественно и быстро выдают архивные справки, среди руководителей учреждений они пользуются авторитетом и уважением. Заведующие райгосархивами обеспечены необходимыми инструкциями по архивному делу, а также всеми перечнями со сроками хранения документальных материалов. Начиная с 1950 года, заведующие районными государственными архивами два раза в год вызываются в архивный отдел: первый раз в январе месяце с годовым отчетом, второй раз в октябре месяце — на семинарские занятия по повышению деловой квалификации.

В связи с 40-летием архивного строительства по Российской Федерации за долголетнюю и безупречную работу в архивных учреждениях решением облисполкома от 5 июня 1958 года за № 511/14 награждены Почетными грамотами облисполкома заведующие райгосархивами семи районов области: Тереньгульского, Сурского, Мелекесского, Павловского, Инзенского, Карсунского, Старо-Майнского.

Осуществляя руководство и контроль за работой архивов учреждений и предприятий, архивный отдел добился некоторого улучшения по упорядочению и хранению в них архивных документальных материалов. Заметные улучшения в этой работе произошли за последние три года. Неплохих результатов в упорядочении своих архивов добились руководители учреждений — педагогического института, ремонтно-механического завода, центральной сберкассы № 107, городской нотариальной конторы, весо-ремонтного завода, Дворца книги им. В. И. Ленина.

Начиная с 1955 года, в областной газете «Ульяновская правда» нами дается объявление, в котором указывается, что руководители учреждений обязаны в срок до 1 июня закончить приведение архивных документальных материалов в требуемый научно-технический порядок за прошлый год и по описям сдать в архив учреждения.

В 1957 году архивным отделом разработано методическое письмо на тему «О наведении порядка в сохранности документальных материалов, хранящихся в учреждениях, организациях и предприятиях, и составлении номенклатуры дел текущего делопроизводства» и разослано по учреждениям области.

Начиная с 1950 года, отдел проводит по 2—3 совещания в год с освобожденными работниками (архивариусами) и ответственными лицами за архивы учреждений и предприятий. Общее число участников совещаний достигает 100—110 человек. На этих совещаниях рассматриваем вопросы, связанные с обеспечением сохранности, научно-технической обработкой архивных материалов и т. д. Указанные мероприятия способствуют лучшему сохранению и обработке документальных материалов по учреждениям города Ульяновска. Начиная с 1943 года, архивным отделом сделано свыше 1800 инспекторских проверок учреждений гор. Ульяновска.

Партия и правительство уделяют большое внимание сохранности архивных документальных материалов, имеющих историческое, научное и практическое значение. Однако не

все материалы имеют такое значение и поэтому сроки их хранения разные. Одни материалы хранятся постоянно, другие — до 25 лет, третьи имеют временный срок хранения, после чего они подлежат уничтожению. Чтобы определить значимость документов и не допустить их преждевременного уничтожения, при архивном отделе существует постоянно действующая экспертно-проверочная комиссия, на которую и возложены эти задачи. Экспертно-проверочная комиссия архивного отдела за 15 лет провела большую работу по экспертизе научной ценности документальных материалов, хранящихся в государственных и ведомственных архивах учреждений Ульяновской области. За это время проведено 689 заседаний ЭПК, на которых рассмотрено 9485 отборочных списков, с общим количеством включенных дел 3.845.000. Экспертно-проверочной комиссией рассмотрены все отборочные списки и дана санкция на уничтожение 3.504.000 дел, а остальные дела оставлены на хранение по различным причинам. Члены ЭПК уделяют большое внимание экспертизе документальных материалов и с этой целью систематически проводят совещания с членами экспертных комиссий учреждений и организаций.

Кроме этого, сотрудниками архивного отдела в 1957 году подготовлено и отпечатано в типографии «Руководство по организации и методике проведения экспертизы документальных материалов в учреждениях, организациях и предприятиях Ульяновской области» и разослано по всем учреждениям Ульяновской области.

В результате проведенной работы удалось пресечь практику уничтожения в отдельных учреждениях документальных материалов без разрешения ЭПК архивного отдела.

В целях повышения деловой квалификации сотрудников архивных учреждений области проводятся следующие мероприятия: для руководящих и научных сотрудников отдела и облгосархива специальные занятия по изучению приказов, инструкций и обзоров Министерства внутренних дел СССР и РСФСР, Главного архивного управления МВД СССР и Архивного управления МВД РСФСР, а также отдельные статьи из бюллетеней главного архивного и архивного управления. Кроме этого, проводятся занятия по научно-публикаторской работе. Для заведующих районными государственными архивами области проводятся ежегодно 6—10-дневные занятия по теории и практике архивного дела, по изучению приказов и обзоров; для архивно-технических сотрудников проводятся занятия по изучению вопросов обеспечения сохранности доку-

ментальных материалов, научно-технической обработке, справочной работе, о порядке выдачи документальных материалов из архивохранилищ в читальный зал и т. д.

За годы Советской власти архивистами Ульяновской области сделано немало. Среди них есть люди, глубоко любящие свое дело и давно работающие в архивах. К числу таких работников относятся научные сотрудники областного архива Варламова А. Ф., Кукарина З. Г., Григорченко В. Г.; в архивном отделе научные сотрудники Петрова И. Ф., Васильева И. М., ст. инспектор Янина Е. И. Из молодых работников облгосархива следует отметить Маслову Л. А. и Дерябину А. И.

Научные и архивно-технические сотрудники отдела и архива за хорошую работу неоднократно поощрялись руководством управления внутренних дел Ульяновской области.

Сотрудники архивного отдела и госархива Ульяновской области принимают деятельное участие во всех общественно-политических мероприятиях, проводимых руководством Управления внутренних дел, партийным комитетом и профсоюзной организацией.

Однако в работе архивных учреждений области, наряду с положительными результатами, имеются еще и серьезные недостатки. Слабо используются документальные материалы в научно-исследовательских целях, для краеведения, истории местного края; слабо боремся за наведение порядка и сохранности документальных материалов в учреждениях области; сотрудники отдела и архива мало читают лекций по архивным материалам в учреждениях города и области; мало готовим методических пособий по архивной работе.

Решения XXI съезда КПСС определили творческую деятельность советского народа, целенаправили ее на построение коммунистического общества.

«Советский народ под руководством партии, — говорится в докладе товарища Н. С. Хрущева на XXI съезде КПСС, — достиг таких вершин, осуществил такие грандиозные преобразования во всех областях экономической и общественно-политической жизни, которые дают возможность нашей стране вступить теперь в новый важнейший период своего развития — период развернутого строительства коммунистического общества». Советские архивисты, руководствуясь этими решениями, должны внести свой вклад в выполнение грандиозных задач, стоящих перед советским народом в этот исторический период. В передовой статье журнала «Вопросы архивоведе-

ния» (№ 2, 1959 г.) «Задачи советских архивных учреждений в свете решений XXI съезда КПСС» указаны эти задачи, стоящие перед архивистами.

Важнейшей задачей является использование документальных материалов в интересах развития народного хозяйства, науки, культуры, просвещения, необходимо поставить их на службу партии и народу.

Все практические мероприятия в работе архивных учреждений нашей области должны быть подчинены осуществлению этой высокой и благородной задачи.

Н. Н. СМИРНОВ,
член научного совета

ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ НАУЧНОГО СОВЕТА В УЛЬЯНОВСКЕ

В 1945 году областные и краевые государственные архивы по решению правительства включены в сеть научно-исследовательских учреждений. В этом же году при областных и краевых архивных отделах организованы научные советы — коллективные консультанты архивных органов.

Первоначально работа научных советов регламентировалась «Временным положением», затем в сентябре 1946 года было издано первое «Положение» о советах, постепенно уточнявшееся, и, наконец, с 13 августа 1958 года они работают на основе нового «Положения о Государственном архивном фонде Союза ССР».

Научные советы конструируются из числа представителей гуманитарных и естественных наук, представителей ведущих партийных органов, краеведов и других лиц, интересующихся архивами, и в той или другой мере знакомых с архивной работой, а также из научных работников самих архивных учреждений.

Являясь совещательными органами при руководящих архивных учреждениях, научные советы могут рассматривать все принципиальные вопросы архивной практики (за исключением административно-хозяйственных).

Основным содержанием деятельности научных советов,

как архивных учреждений, является организация наилучшего использования документов в интересах коммунистического строительства, исторических исследований, местной истории.

Выводы и заключения научных советов формально носят рекомендательный характер, но мнения и консультации научных советов, безусловно, и активизируют и улучшают архивную работу, помогают архивам найти правильное решение в тех или иных затруднительных случаях, исправить те или другие ошибки.

Научные советы организуются не для формы, а для живого дела. Разумеется, живое начало само по себе не появится, если архивные органы формально и равнодушно будут относиться и к подбору его состава и к его работе, если не приложат старания и сил для организации дружного и работоспособного консультативного коллектива.

Архивные органы вправе ожидать от научных советов большой и хорошей помощи. В свою очередь научные советы в таком же праве видеть реальное исполнение своих решений архивными органами.

Решения — рекомендации научных советов становятся обязательными после утверждения их руководством МВД—УВД. Председателями научных советов являются лица не выборные, а административные. Если они сумеют тактично и умело направлять работу советов, то рекомендации советов всегда будут утверждаться.

Невниманием, бестактностью всегда можно дезорганизовать всю работу советов, расхолодить его участников, превратить живое дело в мертвечину.

Организация и работа научных советов носит двухсторонний характер: архивные органы обязаны перед научными советами, советы обязаны перед архивными органами.

Если эта взаимосвязь действенна, то и результаты ее — действенны.

В составе первого научного совета Ульяновской области (1945 г.) было 11 членов: кандидаты наук П. С. Бейсов, Н. П. Гриценко, доценты М. А. Бутаев, Н. М. Никольский, заведующий Ульяновским городским отделом народного образования Б. Н. Афанасьев, директор краеведческого музея П. И. Краденов, научный работник Дома-музея В. И. Ленина Медведева, директор Дворца книги Е. В. Перухина; архивные работники: Б. К. Кожевников, начальник архивного отдела; Д. Ф. Каржавин, начальник Государственного областного архива; научный сотрудник архива Н. Н. Смирнов.

В дальнейшем состав совета неоднократно изменялся в силу тех или других причин: отъезда, заболеваний, безучастного отношения членов совета, расширения его состава и т. д.

В 1958 году состав совета — 28 человек. В него входят представители обкома КПСС, высших учебных заведений, краеведческого музея, областной библиотеки и других культурно-просветительных учреждений, краеведы, работники архивных учреждений.

П. С. Бейсов, М. А. Бутаев, Н. Н. Смирнов являются членами научного совета с первых дней его существования. Немного их моложе, по участию в совете, геолог-краевед К. А. Кабанов.

Первое заседание научного совета состоялось 15 мая 1945 г.

«Временное положение» о научных советах, естественно, не могло дать сразу конкретной программы действий советов, оно только намечало содержание их работы, устанавливало предварительно общие организационные и методические начала.

Несмотря на неопределенность «Временного положения», оно все же указывало, что основным в деятельности советов должна быть организация использования документов.

По предложению архивного отдела совет и начал свою работу с главного.

Научный совет обсудил два плана исторических исследований: один, предложенный архивными органами, другой — членом совета Б. Н. Афанасьевым.

На совет были вынесены конкретные вопросы. Но суждения совета свелись, в конце концов, тоже к вопросам: с чего и как начать научно-исследовательскую работу, в чем целеустремленность деятельности научного совета? Вопросы эти — закономерное следствие новизны. Новое было в том, что центральное архивное руководство, организуя научные советы и привлекая внимание научной общественности к архивам, искало формы этой организации в местном научном творчестве, предоставляло возможность развитию местной научной самодеятельности.

На первом же своем заседании научный совет по единодушному мнению пришел к выводу, что история родного края исследована крайне слабо, что в работах по местной истории есть неправдивость, необоснованность, скороспелые выводы и субъективные суждения. Член совета П. С. Бейсов указал на серьезные пробелы и ошибки в местных исторических иссле-

дованиях. В 70—80-х годах прошлого века в Симбирске жила семья Ульяновых, но эти десятилетия не изучены.

Бытует неправильное мнение об организации и деятельности Карамзинской библиотеки, как независимого от каких-либо течений в русской общественной мысли просветительного института. В действительности же библиотека возникла не случайно, не по какой-то произвольной прихоти местных дворян — «попечителей просвещения». Открытие библиотеки связано с Московским отделением общества славянофилов, и ее деятельность шла и развивалась под сильным влиянием славянофильства.

В условиях глухой неграмотной губернии открытие библиотеки — факт очень большого прогрессивного порядка. Но этот прогрессивный факт был использован симбирским дворянством для воспитания в духе «староисконных» русских начал.

Неправильно судят о творчестве поэта Д. Д. Минаева, считая его «Губернскую фотографию» только поэтической шуткой о симбирских правителях и хозяевах. В действительности же это не шутка, а резко сатирическая поэма, борьба симбирской революционной демократии с дворянской стариной, с хранителями тех самых исконных русских начал, что имели место и в деятельности Карамзинской библиотеки.

Необходимость изучения родного края — бесспорная истина. Речь идет не об этом, а о том, как наладить, как соединить и координировать усилия для серьезного последовательного, а не бесплодного, безрезультатного изучения местной истории.

«Мною, — закончил свое выступление П. С. Бейсов, — при содействии студентов-общественников, по материалам периодических изданий составлен библиографический сборник «Наш край», но он только бесконечно анализируется».

Член научного совета М. А. Бутаев, полностью разделяя мнение П. С. Бейсова, указал, что вне зависимости от глубокого, последовательного изучения истории родного края, или изучения ее в отдельных частностях, нужно не только наметить программу своих работ, но и конкретно ее реализовать.

П. И. Краденов подчеркнул необходимость изучения современной действительности. Но и забывать далекое прошлое нельзя. И в каких гранях вести исторические исследования? Ограничиваться ли только историей города или не нужно забывать и историю всего края? — закончил такими вопросами свое выступление П. И. Краденов.

Архивные работники Б. К. Кожевников, Д. Ф. Каржавин и Н. Н. Смирнов, констатируя очень оживленный обмен мнениями по повестке заседания научного совета, отметили во всех суждениях большое число вопросительных знаков, естественных при начале любого нового дела.

На втором заседании, 14 сентября 1945 года, научный совет продолжил обсуждение тематики научно-исторических исследований, откорректированной по рекомендациям первого заседания. На этом же заседании научный совет уже рассмотрел и одобрил исследование Д. Ф. Каржавина «Степан Разин в Симбирске», рекомендуя его опубликование после некоторой доработки.

По решению совета 15 тем по истории Симбирского края, с момента его образования до 1945 года, были распределены между 20 авторами (тт. Гриценко, Каржавин, Буров, Бейсов, Комаров, Стежинская, Бутаев, Кабанов, Смирнов, Афанасьев, Фомин, Белоусов, Надольский, Горецкий, Дедюхин, Краденов, Селиванов, Трегубов, Медведева, Неронова). Но только трое — Н. П. Гриценко, П. С. Бейсов, Д. Ф. Каржавин выполнили поручение научного совета — написали исторические исследования. Другие, в лучшем случае ограничились опубликованием статей того или иного достоинства в местной печати, а третьи — решительно ничего не сделали.

На 3-м заседании научного совета 20 ноября 1945 г. снова остро обсуждаются вопросы краеведения.

Суть доклада «Писатели-земляки о родине» раскрывается в словах докладчика: «Раньше изучение родного края не было, да и не могло быть полным, широким. Никогда еще вопросы познания родного края не ставились так, как ставятся сейчас. Краеведение становится родиноведением. Оно поставлено на службу социалистическому строительству. Изучая историю края, нельзя забывать писателей-земляков, их патриотических высказываний. Живой интерес к историческим судьбам Родины, к ее славному прошлому мы находим в творчестве молодого Н. Языкова, Д. Минаева, поэта-партизана, «бойца чернокудрявого с белым локоном на лбу» — Дениса Давыдова, в песнях певца Волги Дмитрия Садовникова. В их произведениях национально-героическая тема связана с народным эпосом, изображение героических подвигов народа — с воспеванием могучего народа и могучей Волги. Национальная гордость поэтов-патриотов сочеталась с пламенной ненавистью к деспотизму и гнусному крепостническому про-

изволу, борьбе с которыми посвятили свои жизни Н. Тургенев и Ивашев.

Как понятны и как многое говорят нам слова нашего земляка, партизана Отечественной войны 1812 года: «Огромна наша мать Россия! Изобилие средств ее дорого уже стоит многим народам, посягавшим на ее честь и существование: но не знают еще они всех слоев лавы, покоящихся на дне ее. Еще Россия не подымалась во весь исполинский рост свой и горе ее неприятелям, если она когда-нибудь подымется». Советская Россия поднялась во весь свой исполинский рост и сломала хребет кровожадному фашистскому зверю. Мы боролись с врагом не только силою оружия, но и своей духовной силой. Истоки этой духовной мощи — в народе, в его истории, в его литературе. Писатели-патриоты были с нами в этой борьбе. Писатели-земляки любили Россию, «с благоговением и любовью произнося это священное имя», они любили и свой родной край. В их патриотических высказываниях было величие души народа родного края. Мы не можем забыть эти славные имена, связанные с историей нашей Советской Родины».

Слова эти были сказаны 14 лет назад, в небольшом коллективе. С волнением и интересом я прочитал в 1958 году слова писателя Вл. Лидина на страницах газеты «Литература и жизнь» (№ 15, 11 мая 1958 г.): «Приехав в незнакомый город, — пусть это будет даже не областной, а лишь районный центр — я прежде всего стараюсь узнать, какова его культурная история. В этой истории его душа, а что может быть глубже, чем познать душу? Кто из деятелей культуры — писателей, ученых, краеведов, исследователей, путешественников — жил в этом городе или районе, какой был оставлен след в великой книге культурного развития России, какие трудные, а иногда поистине мученические пути прошли они, утверждая в глухие времена прошлого свое славное, зачастую уже полузабытое имя?.. Мне всегда представляется, что нет ничего грустнее судьбы забытого писателя». Писателя забыли не потому, что он плохо писал, а потому, что он был скромен. А ведь — он когда-то приложил огромные силы, чтобы «растолкать глухие дебри в прошлом, пробудить в людях живую мысль, сделать для них книгу необходимостью, заставить понять, что в культурной истории России сыграли свою роль Тобольск или Петровский завод, Рязань или Тамбов, Ярославль или Вологда!..»

Незаметные родники, небольшие ручейки и речки, преодоле-

вая препятствия, сливаются в могучие реки, величаво несущие сквозь степи, леса и горы свои воды в моря и океаны.

Труд и творчество и выдающихся и рядовых людей, питая культуру городов, краев и областей, создают прогресс всей страны. Об этом и пишет в своей статье «Родники» Лидин.

Именно любовь к родному краю, — говорит он, — желание прославить его, вера в его будущее руководили теми, имена которых с благодарностью вспоминаем мы ныне.

История любого края нашей великой Родины подтверждает раздумья писателя.

311 лет прошло с 1648 года, со дня основания Симбирска до современного нам Ульяновска.

За эти три столетия феодальное хозяйство и власть в России сменились капиталистическим хозяйством и властью капиталистов, уничтоженной в Октябре 1917 года рабочими и крестьянами, руководимыми Коммунистической партией.

Тяжело жилось при феодалах народам России, не стало легче и при капиталистах.

Много крови пролили, много горя и невзгод перенесли русские и нерусские народы Симбирского края, много обид, унижений перетерпели они от своих господ и хозяев-феодалов, помещиков, купцов и фабрикантов и все же, даже до Октября 1917 года, в глухие времена, много славных дел сделано симбирцами-крестьянами, рабочими, земскими врачами, народными учителями, мастерами-умельцами, потомственными самородками и самоучками. В культуру своего края, в общий прогресс России простые симбирские люди внесли свой вклад.

За годы советской жизни, социалистического строительства самоотверженный труд, трудовые подвиги стали обычным явлением. Век нынешний социалистического Ульяновска и век минувший капиталистического Симбирска несопоставимы.

В корне изменилась вся жизнь бывшего Симбирска и губернии, а главное — изменились люди. Когда-то забитые, покорные рабы помещиков и других господ стали хозяевами своего труда, стали творцами-строителями новой жизни.

* * *

За 14 лет своей работы научный совет собирался 47 раз и обсудил 88 вопросов, из них 61 об организации использования архивных документов и об интересах научного исследования истории родного края.

Кроме названных выше работ Д. Ф. Каржавина и П. С. Бейсова, научный совет обсудил целый ряд других исследо-

ваний: «Большевики Симбирской губернии в первой русской революции» (кандидатская диссертация М. А. Бутаева); «Прокламации Симбирской организации РСДРП(б)» — сборник документов, работа М. А. Бутаева и М. И. Кривова; «Комитеты бедноты Симбирской губ.» (кандидатская диссертация С. А. Крупнова); ряд работ П. С. Бейсова о Гончарове, Минаеве, Садовникове, устном народном творчестве («Гончаров и родной край», «Новые материалы к биографии Гончарова», «Симбирская фотография» Д. Д. Минаева, «Новые материалы о Садовникове», «Устное народное творчество Ульяновской области» и др.); «Борьба за установление Советской власти в Симбирской губ.» кандидатская диссертация М. А. Гнутова; ряд работ К. А. Кабанова о природе и о полезных ископаемых в Симбирской губ.: «Богатства недр Ульяновской области», «Сырьевые ресурсы Ульяновской области», «О фосфоритах», несколько сообщений об организации и проведении работ по тематическому выявлению документов о полезных ископаемых в фондах, хранящихся в Государственном архиве Ульяновской области; документальные сборники — «Крестьянское движение в Симбирской губ. в 1905—1907 гг.» под редакцией М. А. Бутаева, И. П. Шмыгина, Н. Н. Смирнова и «Борьба за установление и упрочение Советской власти в Симбирской губ.» под редакцией М. А. Гнутова; «Сентябрьский Пленум ЦК КПСС в 1954 г. и задачи архивных органов» — сообщение доктора ветеринарных наук С. А. Лубянецкого; «Об отражении в хранящихся в Госархиве документах вопросов истории труда и социальной помощи в дореволюционное время»; «Об изданных архивными органами документальных публикациях» (по обзорам Главного архивного управления СССР); «Об издании летописи областного города Ульяновска» и ряд других сообщений Н. Н. Смирнова; «О реализации в Ульяновской области нового закона о государственных пенсиях и о практической помощи архивных органов области органам социального обеспечения при проведении в жизнь этого закона (выдача справок трудящимся)» — сообщение заведующего пенсионным отделом облсобеса т. Кондрашова и ст. научного сотрудника Госархива А. Ф. Варламовой; «О подготовке к 40-летию Октябрьской революции» — сообщения Д. Ф. Редькина, М. Х. Валкина, М. А. Гнутова, С. А. Лубянецкого; «О подготовке к 40-летию архивного строительства в СССР» — сообщение Д. Ф. Редькина; «40 лет Октябрьской социалистической революции» — доклад старшего преподавателя Ульяновского государственного педа-

гогического института И. С. Ромашина на торжественном объединенном заседании ученого совета краеведческого музея и научного совета и выступления на этом заседании с воспоминаниями старых большевиков; «Об административно-территориальном делении Ульяновской области, со дня основания г. Симбирска» — сообщение Ф. А. Уразманова; «О жизни и деятельности профессора А. А. Кадьяна в Симбирске» — сообщение врача П. П. Евдокимова; «100 лет со дня рождения В. В. Кашкадамовой, близкого друга семьи Ульяновых, героя труда» — сообщение А. Л. Карамышева, аспиранта Академии педагогических наук, на объединенном заседании ученого совета краеведческого музея и научного совета.

Сообщения, заслушанные научным советом, а также работы, опубликованные членами совета в центральных и местных изданиях, дают основание сказать, что история родного края советом не забыта.

Научный совет не ограничивался только обсуждением научно-исторических исследований, только вопросами научно-публикаторской работы. Немало времени уделено научным советом подготовке документов для использования, обсуждены вопросы организации, методов и приемов хранения, комплектования, научно-технической обработки и других вопросов методики архивного дела.

Немало помог научный совет архивным органам своими коллективными рекомендациями и консультациями. По рекомендации совета проведено в Госархиве усовершенствование обработки фондов дирекции народных училищ Симбирской губ. и Ульяновского уисполкома, приведены в порядок межевые книги, коллекция графических документов — межевых и землеустроительных планов, планшетов схем и других чертежей. По рекомендациям совета уточнена организация тематического выявления документов в Госархиве о полезных ископаемых, написаны тематические обзоры фондов и разосланы руководящим партийным, советским и хозяйственным учреждениям. Эти обзоры также посланы архивным отделам Татарии, Чувашии, Мордовии и Куйбышевской области.

По рекомендациям научного совета все более расширяется его состав, а через членов совета расширяются связи архивных органов с институтами, краеведческим музеем, областным издательством и другими учреждениями.

Многое научным советом сделано неплохо, положительно, конкретно. Но есть и обратное — неположительное, некон-

кретное. Некоторые рекомендации научного совета не реализованы.

В свое время научный совет активно отнесся к предложению президента Академии наук СССР С. И. Вавилова об участии во втором издании Большой советской энциклопедии и стал исполнять свои решения по этому делу; затем, по каким-то неведомым причинам, активность заглохла.

Умерла мысль научного совета и об издании документального сборника об удельных крестьянах. Была попытка решить вопрос об издании сборника об устном народном творчестве Симбирской губ., о былинах, пословицах, сказках, песнях, что рассказывают о радостях и горестях, о взлетах и падениях, о муках и страданиях, о подвигах и геройстве, о талантливости и способностях, о труде и жизни народной. Попытка эта получила полное одобрение научного совета и только. А между тем, Владимир Ильич, ознакомившись с полученными от Вл. Бон-Бруевича былинами, народными сказками и песнями сказал: «Я бегло просмотрел вот эти книжки, но вижу, что не хватает, очевидно, рук или желания все это обобщить, все это просмотреть под социально-политическим углом зрения, ведь на этом материале можно было бы написать прекрасное исследование о чаяниях народных. Смотрите, в сказках Н. Е. Ончукова, которые я перелистал, — ведь здесь есть замечательные места. Вот на что нам нужно было бы обратить внимание наших историков литературы.

Это — доподлинное народное творчество, такое нужное и важное для изучения народной психологии в наши дни»[1].

Нелегко, конечно, написать очерк и неизмеримо сложнее подготовить документальную публикацию о крестьянском движении или о первых годах власти Советов в Симбирской губ., но об этом пишется, сборники документов издаются.

А вот о жизни какого-нибудь села, деревни, фабрики, завода или о жизни какого-нибудь крестьянина или рабочего, участника трех революций, многих войн и мирного социалистического труда не найти ни одного более или менее основательного рассказа. У нас нет ни одной работы по истории села или деревни, за исключением редких небольших газетных статей и одной работы И. П. Шмыгина «Из истории борьбы крестьян с. Б. Нагаткино за свободу и землю», 1957 г.

Из числа неоднократных рекомендаций научного совета

---

[1] Вл. Бонч-Бруевич. В. И. Ленин об устном народном творчестве. Цитируется по брошюре «Памятка юного фольклориста». Ульяновск, 1957.

о написании статей, о сообщениях по радио и в различных коллективах по истории края и о пропаганде архивного дела — реализована только «большая малость».

В декабре 1957 года научный совет полностью одобрил организацию работ по написанию летописи г. Ульяновска, но об этом уже забыто.

Были рекомендации совета организовать тематическое выявление документов не только о полезных ископаемых, но и о сельском хозяйстве, в частности о животноводстве.

Не один раз в научном совете говорилось о научно-историческом контроле над местными историческими и историко-литературными изданиями, так как эти публикации нередко искажают историю. И эта живая мысль не получила своего осуществления.

Трудно решить, почему живые мысли научного совета становятся мертвыми. Не то совет дает свои рекомендации без учета реальных сил и возможностей их осуществления, не то архивные органы, соглашаясь с рекомендациями совета, к исполнению их относятся равнодушно, а то и просто не исполняют их. А может быть, и то и другое вместе взятое.

Исполнение рекомендаций научного совета зависит прежде всего от архивных органов. Им об этом очень нужно задуматься, тем более нужно задуматься, что содержание работы совета повышается, а следовательно, будут повышаться его рекомендации и необходимость их исполнения.

Высшей ступенью развития деятельности научного совета является его рекомендация о периодическом издании материалов совета, а также сообщений и исследований[1].

Это издание, по мнению научного совета, должно быть в Ульяновске еще одним источником по краеведению области, освещать наиболее характерное и значимое из практики архивных учреждений, бороться за реальность рекомендаций научного совета и за их осуществление. Инициативная, живая мысль совета о контрольном вмешательстве научной общественности в местные работы — очерки, статьи, доклады и другие формы по истории родного края, — должна не формально занять место на страницах «Известий научного совета». Эта мысль должна быть беспокойной, организуя научный коллектив на расширение своего влияния в сфере исторической, привлекая внимание научной общественности

[1] Намечаемое издание решено назвать: «Известия научного совета».

на борьбу с недостатками в местных исторических и историко-литературных публикациях (любых форм). Что греха таить, бывает и так, что «солидные», по внешности, местные издания написаны не пером и чернилами, а «созданы» ножницами и клеем.

Разве мимо такого «творчества» допустимо проходить научному совету?

Недавно в «Ульяновской правде» была опубликована статья главного архитектора города тов. Митина о благоустройстве Ульяновска. Статья очень хорошо рассказывает о том, что было в городе, какие допущены нескладности в архитектурных формах, конструкциях, ансамблях, композициях и т. д. и о том, что должно быть, говорит даже о тонкостях и изысках архитектурных.

Спорна или безупречна эта архитектурная ориентировка со стороны чисто архитектурно-технических законов и правил, сказать трудно, но со стороны эстетической, мне думается, она далеко не безупречна. Любое искусство без исторической конкретности — пустотело, пустопорожне.

В архитектурный ансамбль входят и памятники старины, бережно хранимые.

А учтена ли в архитектурном благоустройстве возможность каким-то образом архитектурно оттенить исторический облик города?

В наше советское время ищутся и создаются новые формы изящного и бережно сохраняется изящное, созданное мастерами прошлого, бережно сохраняется история, исторически значимое и в большом и в малом.

А названия улиц? Мне кажется, что люди, ведающие благоустройством городов, в какой-то мере причастны и к этому делу. Допустим ли здесь произвол? Названия улиц не пустяк.

«Еще в 1918 году Владимир Ильич указывал на громадную роль «пропаганды надписями на улицах». Улицы — это жизненные артерии города, они должны жить тем, чем живут люди, населяющие этот город. Поэтому улицы и могут стать своеобразными пропагандистами и воспитателями». («Литература и жизнь», № 42, 13 июля 1958 г. Передовая).

Есть в Ульяновске улица Краснознаменная, на ней здание быв. кадетского корпуса, где в 1918 г. помещался первый Симбирский губернский исполком. Почему бы названием этой улицы не сохранить память об этом историческом событии. Ведь первый рабоче-крестьянский Совет в любом городе — событие немалое.

Почему памяти первых коммунаров отведен переулок, расположенный не в той зоне, где был первый губком партии? Почему память о Ст. Разине отмечена в том месте, где Разин не был или был меньше всего, тогда как северная, западная и восточная части города, бывшие главной ареной, главными местами осады Разиным Симбирского кремля, оставлены без внимания. Существует улица Льва Толстого, начинающаяся зданием с мемориальной надписью о выступлении в этом здании М. И. Калинина. Никто, конечно, не будет возражать против памяти Льва Толстого, но все же эту улицу уместнее было бы назвать улицей Калинина, чем память о нем хранить где-то на задворках города, отведя его имени какую-то захудалую уличку. Существует улица Островского, а какого — Александра или Николая? Почему нет улиц Алексея Толстого, Василия Ивашева, Николая Тургенева, поэтов Садовникова, Дениса Давыдова и других знаменитых уроженцев Симбирской губ., нет улиц 1-й и 5-й армий Восточного фронта. Почему улицы Ворошилова, Чапаева, Буденного разъединены с улицами Красногвардейской и Красноармейской и т. д. и т. п.? Почему нет улицы Профсоюзов?

Если пройтись по городу и внимательно присмотреться к названиям улиц, то можно наглядно убедиться в поразительной вакханалии, неисторичности. Но зато можно убедиться в административном усмотрении, какой-то ограниченности и, наконец, просто в прихоти, прочтя такое, например, нелепое название, как «Западный пригород», данное маленькому переулочку, или увидеть 1-й, 2-й, 3-й такие-то переулки и т. д. Неужели жизнь и события Ульяновской области, не говоря уже вообще об истории СССР, оставили столь мало значимого, что о них и память беречь не стоит? Неужели лучше улицы и переулки канцелярски зарегистрировать входящими и исходящими номерами? Такое название улиц даже чисто в практическом отношении негодно. Нелегко иногда добраться даже жителю Ульяновска до нужного дома в зоне бывших «кирпичных сараев», «болтаевских ям», «бутырок» и т. д.

Почему бы научному совету не вмешаться в присвоение названий улицам, переулкам, площадям города или почему бы не мотивировать установление памятных надписей об исторических событиях и именах?

Почему бы аргументированно не доказать необходимость мемориальных отметок не только в областном городе, но и во всех других местах области, где происходили исторические события или где жили и творчески работали симбирцы-улья-

новцы, вкладывая свою лепту в общественную и культурную историю СССР?

И почему бы при установлении мемориальных надписей не проводить объединенных заседаний научного архивного и ученого краеведческого советов в клубах тех сел, где жили революционные деятели, писатели?

Автор статьи ставит ряд вопросительных знаков, но это не знаки сомнения или иронии. Они говорят о некоторых реальных возможностях развития историко-краеведческой работы.

Скажут на это: «Да ведь только несколькими страницами выше установлено, что многое хорошее, живое, о чем думал, что предлагал научный совет, не исполнено».

Действительно, было так, но не должно быть так. Известно, что растение по-хорошему можно вырастить только при хорошем уходе. А таким уходом за мнениями научного совета будет организация действенного контроля за выполнением рекомендаций совета, возложение этого контроля на людей не равнодушных, а на людей, любящих родной край не по циркулярам, а душевно. Может быть, для действенного контроля нужна постоянная комиссия, так как заседания научного совета бывают редко?

Для реализации рекомендаций научного совета нужны силы. В протокольных материалах совета найдем немало страниц о консолидации сил, о координации действий научных сил, заинтересованных в исследовании, изучении местной истории. Научному совету необходимо, не либеральничая, рекомендовать в первую очередь архивным органам, а затем и каждому члену совета активно участвовать в исполнении решений совета.

Говорилось не раз на научном совете о привлечении к исследовательской работе научных сил, не являющихся активом архивных учреждений. Говорилось и о вовлечении студентов в краеведческую работу. И попытки были, и студенты приходили, но... и уходили скоро. Уходили потому, что они были предоставлены самим себе, что это серьезное дело было пущено на самотек. Нужно было помогать молодежи, а помогая и руководя, внимательно прислушиваться не только к студенту, но и к школьнику-пионеру.

Не может быть, чтобы в Ульяновске не нашлось сотни студентов, юношей, пионеров, любящих историю. И они станут работать при условии, если с ними работать.

А разве в Ульяновске нет пенсионеров, искренне интере-

сующихся историей родного края? Почему бы не привлечь пенсионеров (вне зависимости от их рангов и учености) к историко-исследовательской работе?

Почему не вспомнить о такой давней форме коллективного изучения истории как «Исторические чтения» и не организовать их по-хорошему, привлекая и молодежь и пенсионеров?

* * *

Само собой разумеется, что работа научного совета и в крупных делах и в расширении его влияния может быть успешной только при поддержке областной, городской и других организаций КПСС.

С этого, с постановки вопроса перед партийными органами о широкой, но конкретной, творческой организации научно-исторической самодеятельности и следует начать. Пропаганда, воспитание широкой историей — историей страны, историей родного края, труда, природы, историей науки, литературы, искусств, всей культуры — может дать большие результаты.

История и ее основная фактическая опора — архивные первоисточники нужны всем. Ими пользовались и древние летописцы, и Белинский, и Пушкин, и Чернышевский, и Мусоргский, и Репин, и Горький, и Шолохов, и Леонов, и академики Скобельцын, и Туполев, и всем самым большим и рядовым творческим работникам были нужны, нужны сейчас и будут нужны история и архивы.

Трудно, кропотливо добывать исторические факты в архивных пластах. Но археологи по черепкам, по остаткам древнейших культурных слоев восстанавливают жизнь глубокой седой древности. Производить же архивные разыскания много проще и легче.

И велика здесь обязанность архивных органов и роль научного совета.

Имеются остроотточенные орудия для поднятия архивных пластов — это знание истории и знание основ государственного права тех лет, за которые хранятся материалы в архивах, это знание истории учреждений и, наконец, знание содержания фондов. Но, к сожалению, до сих пор архивные работники избегают оттачивать эти орудия, небрежно относятся к ним.

Впереди у архивных органов большие задачи по всестороннему использованию документальных богатств. Архивным

органам и научному совету очень и очень нужно об этом не только думать, но и делать.

Эти задачи определяются решениями последнего съезда нашей партии. В статье «Задачи советских архивных учреждений в свете решений XXI съезда КПСС», напечатанной в «Вопросах архивоведения» (1959, № 2), справедливо сказано: «Сотрудникам архивных учреждений нельзя ни на минуту забывать о тех грандиозных задачах, которые поставлены семилетним планом перед работниками советской науки, в частности перед работниками общественных наук, к которым следует отнести и историков-архивистов. Задачи эти сводятся к тому, чтобы в ближайшие годы создать фундаментальные труды, обобщающие закономерности общественного развития и практику социалистического строительства, и разработать проблемы, связанные с постепенным переходом к коммунизму. В решении этих больших задач ученые нашей страны будут опираться на документальные источники и прежде всего на архивы нашей советской эпохи; они вправе рассчитывать на серьезную и квалифицированную помощь работников архивных учреждений». Вправе научные работники рассчитывать и на помощь ульяновских архивистов.

В 1960 году будет отмечаться 90 лет со дня рождения Владимира Ильича, а через 8 лет наступит пятидесятилетие Великой Октябрьской социалистической революции.

В этой связи следует уже сейчас приступить к конкретной организации научного исследования истории родины Ленина, поставив этот вопрос перед областным комитетом партии.

Главными источниками, родниками для изучения истории нашего края будут архивные документы, естественно, поэтому архивным учреждениям и научному совету нужно быть застрельщиками в этой большой работе.

Мне думается, что совет должен начать ее с тщательной разработки перспективного тематического плана исторических и историко-литературных исследований. Мне также думается, что при разработке такого плана совету нужно обратить особое внимание на тематику будущих исследований по истории советского периода. Вот примерная тематика: «Октябрь на родине В. И. Ленина». «История Симбирской—Ульяновской организации КПСС». «Комсомол родины Ильича». «Первые шаги Советов в Симбирске». «Период гражданской войны». «Восстановление народного хозяйства и деятельность Губсовнархоза». «Перестройка сельского хозяйства

и создание новой промышленности». «Ликвидация неграмотности». «Развитие народного образования» и другие вопросы просвещения и культуры — театр, печать, литературная деятельность и т. д.». «Ульяновцы в Великой Отечественной войне и в мирном социалистическом строительстве». «Молодые Ульяновцы в боях за Родину», «Первые бригады коммунистического труда на родине Ленина». Здесь снова уместно подчеркнуть то, что вопросы истории советского времени нашего края глубоко еще не подняты. Ставя эти вопросы на первое место, научный совет не должен обойти молчанием и дореволюционную историю Симбирской губернии.

Наиболее актуальные периоды этой истории не затронутые ее моменты и вопросы необходимо включить в план исследования. В настоящее время имеется довольно обширная литература (очерки, статьи, воспоминания) о жизни семьи Ульяновых в Симбирске. Но нет исследований об экономике Симбирской губ., о положении крестьянства в 70—80-х годах XIX в., об общественной жизни в Симбирске в эти же годы.

Если по истории 1905—1907 годов Симбирской губ. создан ряд работ, то последующие годы после подавления революции ждут своих исследователей, особенно важно исследование политического и экономического состояния губернии перед Октябрьской революцией (1913—1916 гг.).

Нельзя забывать и отдельных людей, тех, кто в глухие времена стремился растолкать глухие дебри, боролся с косностью, с невежеством, будоражил сонную жизнь огоньком своих дум и надежд, бодрил других... Нужно вспомнить и о мученических путях, какими иногда приходилось идти просветителям, передовым людям — нарушителям спокойствия сытых и довольных.

Тематика исследования — только начало большого дела, требующего вполне работоспособного, творческого, дружного коллектива исполнителей, где бы мог не формально, а искренне участвовать каждый желающий.

Вопрос создания такой творческой организации — наисерьезнейший вопрос, архивным органам и научному совету нужно его не только обдумать, но, главное, конкретно, по-серьезному решить. Без привлечения внимания общественности такого вопроса не решить. Необходимо поэтому еще более расширить и укрепить связи с партийными организациями, высшими учебными заведениями, партийным архивом, краеведческим музеем, издательством, установить связи с

отделением Общества по распространению политических и научных знаний, другими культурно-просветительными организациями, с обкомом комсомола, школьными историческими кружками, юными краеведами.

И последний серьезный вопрос — это вопрос готовности самих архивных учреждений к такой большой работе. Архивный отдел должен направить максимум своих сил на то, чтобы фонды исторически значимых организаций и учреждений и в областном городе и в районах были подготовлены для использования.

Нельзя будет провести творчески и в широком плане исследования, если в Государственном областном архиве и в районных государственных архивах не будет приведенных в порядок документов, например, строительных организаций по строительству моста через Волгу, Ульяновского речного порта, заводов, жилищ и других строительств. Фонды крупных промышленных предприятий, транспортных организаций, высших учебных заведений, областных учреждений, колхозов, совхозов, МТС и РТС и документы всех других исторически значимых учреждений должны быть в порядке вне зависимости от того, будут ли эти документы храниться в государственных или учрежденческих архивах. Не меньшая обязанность возникает и перед областным государственным архивом. Коллектив архива должен в широком плане организовать изучение хранящихся в архиве фондов и знать по-серьезному содержание этих фондов. Достаточно известно и проверено опытом, как много сберегается времени, труда и сил у исследователей, если работники архивов хорошо знают свои материалы.

В общем, — побольше делового беспокойства и поменьше формальности, номерно-циркулярного отношения к живым родникам родного края.

«Родники не только наше прошлое, но и наше будущее, ибо они вечно живут, движутся и образуют многоводные реки». (Вл. Лидин).

А через наш край протекает великая русская река, кормилица Волга. Течет Волга перед родным городом Ленина, разбудившего весь мир, поднявшего достоинство человека и веру его в себя и в свои силы.

«Живая вера и прогресс и — ее следствие, сознание своего человеческого достоинства — вот плоды изучения истории, вот великое значение великой науки» (Белинский).

Без фактов, без документов, свидетельств подлинных, исторические исследования легковесны.

Ибо «человеческий документ это ведь и есть сама жизнь».

Наступил период развернутого строительства коммунистического общества. Дружными коллективными усилиями, творческим трудом мы обязаны внести свою долю в общий труд семилетнего плана, в культуру нашей Родины, в культуру родного края В. И. Ленина.

Ф. А. УРАЗМАНОВ,
начальник Государственного архива
Ульяновской области

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Государственный архив Ульяновской области основан в 1919 г. В начале 1919 г. при Симбирском губернском отделе народного образования была создана особая архивная секция, на которую была возложена задача проведения в жизнь в Симбирской губернии подписанного В. И. Лениным декрета от 1 июня 1918 г. «О реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР». В этом же 1919 году образовалось Управление Симбирским губернским архивным фондом (Губархив).

За время своего существования Госархив неоднократно менял организационную структуру и название. Свое последнее наименование архив получил в 1943 г. при образовании Ульяновской области[1].

Государственный архив Ульяновской области состоит из отделов: дореволюционных фондов, фондов Октябрьской революции и социалистического строительства, научно-справочной библиотеки и читального зала.

В Государственном архиве области хранятся документы о прошлом Симбирской—Ульяновской губернии и области с

[1] Ульяновская область образована Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 января 1943 г.

первой половины XVII века до наших дней. Здесь сосредоточены материалы, отражающие исторический процесс Симбирской—Ульяновской губернии, округа и области за более чем трехсотлетнее существование последней. В настоящее время в Госархиве имеется около 850 тысяч дел, из которых пятьсот тысяч дел советского периода.

* * *

Ранний период истории Симбирского края (XVII—XVIII вв.) представлен в архиве рядом отдельных документов, свитков и дел. Эти документы относятся к периоду развития и укрепления централизованного Московского государства и феодальной монархии с боярской думой, к периоду перехода к абсолютизму и к дворянской империи.

По разновидности и содержанию документы являются жалованными, наказными грамотами, указами, челобитьями, выписями из отказных, писцовых, межевых и других книг, купчими крепостями, заемными, закладными, выводными записями, различными отписями и другими разнообразными актами, отражающими, главным образом, хозяйственно-имущественные отношения помещиков. Имеются сведения о различных налогах и сборах, податях, оброках, размерах налогов, взимания их, о займе денег, о стоимости земли, сельскохозяйственных продуктов, рабочей силы (продажа, покупка крестьян) и т. д. Хронологические границы документов — 1619—1773 гг. Несмотря на то, что большинство документов является актами хозяйственно-имущественных отношений, содержание документов рассказывает, если не обо всем, не обо всех делах, то о многом из симбирской действительности феодального времени.

Упоминаются в документах различные события: крестьянская война 1670—1671 гг. под водительством Степана Разина, мор (эпидемии), голод, пожары и т. д. В архиве имеются некоторые сведения о крестьянской войне 1773—1775 гг. под руководством Е. И. Пугачева.

XIX—XX века представлены значительным числом документов, отражающих деятельность дореформенных учреждений и учреждений пореформенного периода: административных, судебных, межевых и землеустроительных, финансовых, хозяйственных, народного образования, учреждений крестьянского управления, земского и городского самоуправлений, сословных управлений, учреждений удельного и других ведомств.

Крепостное право, крепостное хозяйство отражены в фондах дореформенных учреждений. Упоминаются в документах сведения о симбирском ополчении 1812 года.

Большое число фондов (свыше 180) подробно отражает с конца XVIII века до Октября 1917 г. жизнь и деятельность симбирского удельного хозяйства, самого крупного в России, извлекавшего доходы на содержание царской семьи путем использования наилучших земель, лугов, лесов и других угодий и беззастенчиво эксплуатировавшего крестьянство в течение 120 лет[1].

В фондах инспектора и директора народных училищ Симбирской губернии имеются материалы, характеризующие деятельность выдающегося русского педагога Ильи Николаевича Ульянова, занимавшего с 1869 по 1886 год сначала должность инспектора, а затем директора народных училищ Симбирской губернии. В этих фондах имеется 2430 дел, из которых непосредственно к периоду деятельности И. Н. Ульянова относится свыше 1270 дел.

Документы убедительно показывают, как Илья Николаевич, контролируя народные школы, неутомимо разъезжал по всему Симбирскому краю. Организуя учительские съезды и курсы, Илья Николаевич пропагандировал прогрессивные педагогические идеи К. Д. Ушинского. Служебные отчеты этого передового человека и педагога своего времени касаются решительно всех сторон школьной жизни. Творческая, многостороняя работа И. Н. Ульянова не ограничивалась только контролем и наблюдением за жизнью начальных школ губернии. Илья Николаевич был активным организатором школьного дела, строил школы, настойчиво добивался средств на их постройку и оборудование. Ему нередко приходилось решать очень сложные хозяйственные дела, выходить из весьма трудных положений, создавая женские и мужские, сельские и городские школы. Опираясь в своей деятельности на передовые педагогические идеи, И. Н. Ульянов всегда стремился внедрить новые, живые начала педагогики как в учебную, так и воспитательную работу школ. Особо обращая внимание на сознательное усвоение учениками учебных предметов, на умственное развитие учеников, он в то же время заботился и о правильном физическом воспитании школьников.

---

[1] Уделы учреждены Павлом I в 1797 г. Категория удельных крестьян возникла в связи с законом Российской империи 5 апреля 1797 г. «Учреждение об императорской фамилии».

При осуществлении этих мероприятий Илье Николаевичу приходилось преодолевать огромные препятствия: его работа протекала в исключительно тяжелых условиях, созданных властью и господством помещиков и богачей.

В Архиве хранится фонд Первой Симбирской мужской классической гимназии. В этой гимназии учились дети Ильи Николаевича — Александр, Владимир и Дмитрий. Владимир Ильич обучался в гимназии с августа 1879 г. по июнь 1887 г. В фонде находятся материалы, относящиеся как непосредственно к В. И. Ленину, так и к его учителям, школьным товарищам, а также материалы об учебной, воспитательной, организационной, финансово-хозяйственной деятельности гимназии с 60-х годов XIX в. до 1917 г. включительно.

Фонды инспектора и директора народных училищ и Симбирской классической гимназии являются особозначимыми фондами, имеющими общесоюзное значение. Фонды содержат более пяти тысяч дел.

Имеются на хранении фонды Первой Симбирской женской гимназии, учрежденной Т. Н. Якубович и второй гимназии, организованной В. В. Кашкадамовой[1].

Группа личных и семейных фондов включает, главным образом, материалы ряда помещиков Симбирской губернии. Особенно крупным по объему фондом (свыше 18 тысяч единиц хранения) является фонд Усольской вотчины графов Орловых-Давыдовых. Документы фонда отражают крупнейшее помещичье хозяйство и его эволюцию с XVIII века до Октябрьской революции[2].

В фонде помещиков Самариных находятся документы имущественно-хозяйственного порядка и некоторая личная переписка.

В фонде Языковых имеются материалы, относящиеся к трем столетиям (XVII—XIX вв.), содержащие сведения о положении крепостных крестьян, крепостного хозяйства и по истории быта города Симбирска и губернии.

В личном фонде Кикиных имеются царские грамоты, наказы воеводе Ивану Федоровичу и стольнику Василию Петро-

---

1 Жизнь и педагогическая деятельность Веры Васильевны Кашкадамовой (1858—1931) была тесно связана с жизнью большой и дружной семьи Ульяновых. С первого до последнего дня своей общественно-педагогической деятельности она оставалась верна высоким идеалам своего учителя И. Н. Ульянова.

2 Перед 1917 г. во владении Орловых-Давыдовых было 79.000 десятин земли.

вичу Кикиным, государственным деятелям и дипломатам XVII в. Документы фонда отражают историю посольства Кикина к гетманам Войска запорожского и особенно к Богдану Хмельницкому.

Из других личных фондов выделяется фонд П. Н. Ивашева, образованного человека своего времени, отца декабриста В. П. Ивашева. Генерал П. Н. Ивашев в течение 8 лет состоял сначала адъютантом, затем начальником штаба генералиссимуса А. В. Суворова, доверием которого Ивашев гордился всю жизнь; Ивашев участвовал в штурме Измаила и Очакова, строил южные крепости и город Одессу.

Материалы фондов канцелярии симбирского губернатора, прокурора окружного суда, дворянского депутатского собрания, жандармерии, полиции и других отражают революционные выступления рабочих, аграрные выступления крестьян, выступления учащихся в 1905—1907 гг., происходившие на территории всех 8 уездов Симбирской губернии: Алатырского, Ардатовского, Буинского, Карсунского, Курмышского, Сенгилеевского, Симбирского и Сызранского.

Документы, относящиеся к первой русской революции, разнообразны и по форме и по содержанию. Это донесения, телеграммы, рапорты уездных исправников, жандармских чинов симбирскому губернатору, приговоры сельских сходов крестьян, документы о связи губернатора и жандармов с Департаментом полиции и Министерством внутренних дел, прошения и письма заводовладельцев и помещиков и т. д.

В этих фондах имеются сведения о деятельности Симбирской большевистской организации, о революционной работе в Симбирской губернии Д. И. Ульянова, члена большевистской фракции в IV Государственной думе М. К. Муранова и др.

В Архиве имеются документы, характеризующие работу большевиков среди рабочих и крестьян, бывшей многонациональной Симбирской губернии, районов, ныне входящих в состав Татарской, Чувашской, Мордовской АССР, Ульяновской и Куйбышевской областей.

Период Временного правительства (свыше 70 фондов) представлен материалами местных административных и продовольственных организаций.

* * *

В настоящее время в Государственном архиве содержится около пятисот тысяч дел советского периода. Хронологические

границы документальных материалов этого периода 1917—1958 гг.; большинство из них материалы, относящиеся к 1917—1940 гг. Документальные материалы сконцентрированы в фондах Симбирского — Ульяновского губернского, окружного исполнительного комитета и их отделов, уездных, волостных и районных исполкомов, Симбирского губернского и уездных Советов народного хозяйства, губернского революционного трибунала, губернского военного комиссариата, продовольственных комитетов Симбирской — Ульяновской губернии, профессиональных организаций и в других фондах.

Документальные материалы советских фондов отражают установление и упрочение в губернии Советской власти, классовую революционную борьбу рабочих и крестьян за Советскую власть, за хлеб, организацию и работу комитетов деревенской бедноты (комбедов), строительство советского аппарата, восстановление народного хозяйства и его развитие, социалистическую перестройку сельского хозяйства, организацию сельскохозяйственных коммун, колхозов, совхозов, машинно-тракторных станций; состояние и развитие местной промышленности, строительство заводов, природные богатства, сырьевые ресурсы, культурное строительство: высшие учебные заведения, профессиональные школы и техникумы, средние и начальные школы, театры, кино, радио, клубы.

Большая группа фондов освещает деятельность профсоюзных организаций от фабрично-заводских и местных комитетов до межсоюзных объединений (Губернский совет профессиональных союзов, уездные бюро профессиональных союзов и др.).

В документах отражается контрреволюционная деятельность врагов революции, авантюра левого эсера Муравьева, ее ликвидация в г. Симбирске, захват белочехами гор. Симбирска в июле 1918 г. и некоторых территорий губернии, разгром белочехов, освобождение Симбирска 12 сентября 1918 г., восстановление деятельности Советской власти на оккупированных белогвардейцами территориях. Имеются материалы о кулацких мятежах в Сенгилее, Карсуне, Тереньге и ликвидации их; о голоде в 1921 г. и о борьбе с ним в губернии.

В фонде Симбирского губернского исполнительного комитета (1918—1921 гг.) хранятся телеграммы руководителей партии и правительства: В. И. Ленина, М. И. Калинина, В. В. Куйбышева, Я. М. Свердлова и других. В документах этого и других фондов отражена деятельность видных партийных и советских работников губернии: М. Д. Крымова, И. М. Варей-

киса, М. А. Гимова, В. Л. Вишнякова, С. Л. Репинского, К. А. Бутырова, С. С. Гафурова, А. В. Швера и других.

К числу наиболее значимых документальных материалов советского периода следует отнести материалы, относящиеся к организации и деятельности Симбирского — Ульяновского губернского совета народного хозяйства 1918—1922 гг., Ульяновского окружного отдела местного хозяйства 1928—1930 гг., учреждений народнохозяйственного планирования и учета, в которых впервые были практически воплощены ленинские принципы управления народным хозяйством.

В архивных фондах учреждений, организаций, предприятий системы Симбирского — Ульяновского совета народного хозяйства и фондах учреждений народнохозяйственного планирования и учета Симбирской — Ульяновской губернии и округа за 1918—1930 гг., имеется более 16 тысяч дел, из которых непосредственно к деятельности Симбирского губсовнархоза относятся 1556 дел, уездных советов народного хозяйства губернии — 910 дел, Ульяновского окружного отдела местного хозяйства — 276 дел и т. д.

В фондах системы Губсовнархоза имеются декреты, постановления, распоряжения СНК СССР и РСФСР, постановления, циркуляры, инструкции, распоряжения, протоколы и журналы заседаний ВСНХ, народного комиссариата финансов, Поволжского областного совета народного хозяйства, Ульяновского губисполкома Советов, губсовнархоза и его отделов, губернской плановой комиссии, губернского экономического совещания, коллегии губернского комиссариата земледелия по организационным, финансовым, производственным, учетно-контрольным вопросам; протоколы и материалы 1-го Всероссийского съезда строителей и изыскателей железнодорожников (1918 г), съездов советов народного хозяйства в 1918—1920 гг., 1-го и 2-го губернских съездов директоров промышленных предприятий губернии, а также дела, сведения, доклады, переписка по вопросам организации, восстановления и развития промышленности (в том числе и кустарной) в губернии, о дорожном строительстве, о регистрации уставов трудовых обществ, артелей, союзов потребительских обществ, о военных заказах, о реквизиции и конфискации товаров строительных и других материалов у торговцев и т. д.

Документы свидетельствуют об огромном внимании, которое уделяли партия и правительство вопросам хозяйственного строительства с первых дней социалистической революции. Впервые в мире строилось социалистическое государство,

новая, нигде еще не существовавшая система хозяйственного управления. Чтобы справиться с этой задачей, потребовались поиски форм и методов хозяйствования, практическое испытание пригодности различных экономических органов. Советская система управления хозяйством постоянно совершенствовалась партией на основе обобщения творческой деятельности масс, неоднократно перестраивалась по мере роста социалистической экономики.

Следует отметить, что в имеющихся архивных документах Симбирского — Ульяновского совнархоза немало ценных для нашего времени документов. Мы еще не можем сказать, что эти архивные источники достаточно изучены и использованы.

В фондах губернского, окружного, городских, районных и сельских исполкомов Советов и других фондах имеются материалы о борьбе партии и правительства за индустриализацию страны и коллективизацию сельского хозяйства, помощи рабочего класса деревне, образовании МТС, организационно-хозяйственном укреплении колхозов и совхозов и другие.

В фондах периода Великой Отечественной войны имеются материалы о самоотверженной работе и трудовых подвигах рабочих, крестьян и интеллигенции города Ульяновска и области, о помощи фронту, заботе о раненых и больных, о помощи семьям фронтовиков, инвалидам Отечественной войны и эвакуированному населению и т. д.

Документы послевоенного периода отражают руководство партии и правительства по ликвидации последствий войны, состояние сельского хозяйства области, строительство новых промышленных предприятий и другие вопросы.

Нужно отметить, что развернувшаяся на территории Симбирской губернии гражданская война, временный захват Симбирска белогвардейцами и белочехами в июле—сентябре 1918 года, неоднократные перемещения Архива до 1934 года, а также пожар 1933 г. гибельно отразились на сохранность архивных материалов, значительно сократили число документов. От пожара серьезно пострадали фонды губисполкома, губплана, окрисполкома, некоторые отделы губсовнархоза.

* * *

В научно-справочной библиотеке Государственного архива сосредоточено около 17 тысяч экземпляров исторической, экономической, политической, справочной и др. литературы и 550 комплектов газет. Крайние годы изданий 1797—1959 гг.

Библиотека является самым крупным в Ульяновской об-

ласти собранием книг историко-краеведческой тематики. Здесь имеются работы местных краеведов как по дореволюционному, так и по советскому периодам истории местного края.

Среди дореволюционных изданий значительное место занимают издания Симбирской губернской ученой архивной комиссии. В отдельных работах и журналах заседаний комиссии отражены вопросы археологии Симбирской губернии, истории губернского, уездных городов, сел, церквей, монастырей и т. д.

В печатных источниках библиотеки имеются сведения, где отмечаются выдающиеся деятели культуры и видные уроженцы нашего края: известный писатель и историк Н. М. Карамзин, критик-беллетрист, первый издатель Пушкина — П. В. Анненков, видный писатель И. А. Гончаров, крупный ученый-геолог П. М. Языков, поэт-сатирик Д. Д. Минаев, поэт-партизан Денис Давыдов, декабристы В. П. Ивашев, Н. И. Тургенев, поэт-революционер И. И. Гольц-Миллер, друг и соратник Герцена, выдающийся поэт-патриот Н. П. Огарев, просветитель чувашского народа И. Я. Яковлев и другие выдающиеся люди.

Многотомные издания Симбирского земского и городского общественных управлений — журналы заседаний, отчеты губернской земской управы, городской думы и других земских и городских учреждений губернии и ее уездов отражают деятельность земских и городских учреждений Симбирской губернии, историю губернского и уездных земств, жизнь городов и др. Весьма важным источником для изучения экономики крестьянства Симбирской губернии до 1917 г. являются материалы (8 выпусков) подворной переписи крестьянского населения губернии, проведенной Симбирским земством в 1910—1911 гг.

В библиотеке имеются отчеты И. Н. Ульянова о состоянии начальных народных училищ Симбирской губернии за 1871—1880 гг.

Библиотека располагает значительным количеством статистических и справочных изданий: историко-статистическими описаниями Симбирска и Симбирской губернии, списками селений по уездам, сведениями о природных ресурсах и т. д.

Стенограммы заседаний и другие материалы Государственной думы 3-го и 4-го созывов характеризуют тяжелую жизнь России, внешнюю и внутреннюю политику царского правитель-

ства 1907—1915 гг., доведшего страну до катастрофического состояния.

В большом комплекте правовой литературы дореволюционного времени находятся Полное собрание законов Российской империи (первое, второе и третье издания), Своды законов, своды военных и удельных постановлений, собрания узаконений и распоряжений правительства, решения кассационных департаментов (уголовного и гражданского) Сената, отдельные монографии по вопросам права и другая юридическая литература. Некоторые из названных изданий, например, первое Полное собрание законов (1649—1825 гг.), изданное под непосредственным руководством известного законоведа М. М. Сперанского, являются библиографической редкостью.

Литература по истории революционного движения и социалистического строительства в Симбирской — Ульяновской губернии и области состоит из собрания сочинений В. И. Ленина, материалов съездов партии, конференций, постановлений, отчетов местных исполнительных комитетов и др.

В местных периодических изданиях отражена деятельность Симбирского — Ульяновского совнархоза.

Из законодательных источников советского периода имеются: Собрания узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР и Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР. Собрание узаконений РСФСР издавалось отдельными выпусками с декабря 1917 г., с 1939 г. вместо СУ РСФСР издаются собрания постановлений и распоряжений правительства. Собрания законов СССР выходили отдельными выпусками с сентября 1924 г. до 1938 г., а затем были заменены Собраниями постановлений и распоряжений правительства.

В составе библиотеки имеются центральные и местные периодические издания — газеты и журналы Симбирской губернии — Ульяновской области с 1865 г. до настоящего времени: «Симбирские губернские ведомости» с 1865 г. по 1917 г., «Известия Симбирского губисполкома» — 1917—1919 гг., «Экономический путь» — 1919—1923 гг., «Пролетарский путь» — 1923—1943 гг., «Ульяновская правда» с 1943 г., «Ульяновский комсомолец» с 1951 г., большинство районных газет, а также центральные газеты: «Правда» с 1919 г., «Известия» с 1919 г. Часть периодических изданий сохранилась не полностью.

Сотрудники Государственного архива, архивных учреждений области и исследователи широко используют литературу библиотеки в своей практической работе.

* * *

За пять последних лет (1954—1958) в читальном зале архива работало по различным вопросам 200 исследователей как города Ульяновска, так и других городов (Москвы, Ленинграда, Казани, Куйбышева, Чебоксар, Саранска, Пензы, Магнитогорска). Зарегистрировано 2181 посещение читального зала. За эти пять лет исследователям было выдано: дел, книг, комплектов, газет и других материалов около 14 тыс. единиц хранения, копий и выписей более 12000 на 10109 листах.

По материалам архива выполнен ряд научных работ и защищено несколько кандидатских диссертаций. Защищены диссертации: т. Макаровым М. П. «И. Н. Ульянов и просвещение чуваш», т. Бутаевым М. А. «Симбирские большевики в революции 1905—1907 гг.», Шмыгиным И. П. «Крестьянское движение в Симбирской губернии в первой русской революции», Гнутовым М. А. «Установление и упрочение Советской власти в Симбирской губернии», Крупновым С. А. «Борьба большевиков Симбирской губернии за крестьянство в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции», Чевелевым А. П. «Патриотическое движение трудящихся города Ульяновска в годы Великой Отечественной войны» и др.

По материалам Государственного архива Ульяновской области членами научного совета и другими исследователями, а также научными сотрудниками архивных органов области за последние пять лет написано и опубликовано 89 очерков, сборников, лекций и газетных статей в объеме около 150 печатных листов. В 1955—1958 гг. сотрудниками архивного отдела, облгосархива и партархива подготовлено три документальных сборника. Разработана справка по административно-территориальному делению Ульяновской области (машинопись) и другие пособия.

Научными сотрудниками тт. Смирновым Н. Н., Варламовой А. Ф. и Перьковой З. И., под редакцией кандидата исторических наук Гриценко Н. П. в 1948 г. подготовлен Путеводи-

тель по Государственному архиву Ульяновской области (машинопись), в объеме 754 страниц, который дает общую ориентировку о составе каждого отдельного фонда или группы отдельных фондов дореволюционного и советского периодов. К Путеводителю прилагаются краткий обзор научно-справочной библиотеки и указатели: предметно-тематический, географический, личных имен. В 1960—1961 гг. Путеводитель будет переработан, дополнен и издан.

Государственный архив проводит большую работу по выдаче справок государственным учреждениям, общественным организациям и гражданам. За время с 1919 по 1958 г. было выдано 39.570 архивных справок. Особенно большая работа проделана сотрудниками Госархива в 1956—1958 гг., когда с опубликованием Закона о государственных пенсиях наведены справки по 13.684 заявлениям.

Важным в работе архивных органов нашей области является организация в послевоенный период при архивном отделе научного совета, в состав которого входят научные силы города, краеведы, хорошо знакомые с историей нашего края и архивной работой. Научный совет оказывает большую помощь в работе Государственного архива в смысле общения с научными силами города и советской общественностью. На заседаниях научного совета обсуждаются вопросы архивного строительства в области, вопросы методики архивного дела, обсуждаются научные работы отдельных членов. Научный совет консультирует и направляет научную работу архивных органов.

Решения XXI съезда КПСС, февральские постановления партии и правительства по архивному делу (1956 г.) и новое Положение о государственном архивном фонде Союза ССР, утвержденное Советом Министров СССР 13 августа 1958 г., положены в основу работ облгосархива. Новое Положение о Государственном архивном фонде с исчерпывающей полнотой определяет состав, организацию и порядок комплектования Государственного архивного фонда Союза ССР, а также систему всестороннего использования документальных материалов.

В свете этих решений в облгосархиве организована и проводится работа по выявлению документов о полезных ископаемых. Эта работа проводилась и до этого, сейчас же она ведется в более широком плане, выявляются документы не только о полезных ископаемых, но и по гидрогеологии и гидротехнике области, о производстве строительных материа-

лов и о предприятиях, работавших или работающих на местном ископаемом сырье.

Работа над исследованием материалов в облгосархиве сосредоточена в читальном зале. По ранее существовавшему положению ряд формальных требований ограничивал допуск для исследования материалов и самую работу исследователя в читальном зале. В настоящее время Государственный архив организует свою работу так, чтобы значительно улучшить условия для более широкого использования архивных материалов в народнохозяйственных и научных целях.

За последние годы облгосархивом проводится работа по улучшению организации использования документальных материалов в научных целях: создан научно-справочный аппарат и ведется работа по его дальнейшему усовершенствованию, шире стала проводиться информация о документальных материалах, выявленных в Госархиве и т. д.

В настоящее время закончена разработка технического проекта на расширение и реконструкцию существующего здания облархива, вместимостью 1,5 миллиона единиц хранения. Мы хорошо понимаем, что благоустроенное здание областного архива даст возможность коренным образом улучшить режим хранения документальных материалов и их всестороннее использование в интересах Советского государства.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ[1]

1. **«Путеводитель по Государственному архиву Ульяновской области»**, под редакцией Н. П. Гриценко, научно-справочная библиотека ГАУО, машинопись, 1948, 2 тома, 754 стр.

2. **«Наш край»** (библиографический указатель), под редакцией П. С. Бейсова, научно-справочная библиотека ГАУО, машинопись, 1944, 898 стр., см. стр. 47—49.

3. **«Государственный архив Ульяновской области»** «Краткий справочник), под редакцией Д. Ф. Редькина, Ульяновск, 1957, 23 стр.

4. **«Государственные архивы СССР»** (Краткий справочник), под редакцией Г. А. Белова и А. И. Логиновой, Москва, 1956, стр 206—208.

5. Гриценко Н. Хроникальная статья **«Государственный архив Ульяновской области»**, журнал «Вопросы истории», № 3, 1951, стр. 135.

6. Уразманов Ф. **«Обзор фондов советской эпохи, хранящихся в**

[1] В данном перечне названы статьи, сборники, справочники, в которых дана характеристика материалов Государственного архива.

Государственном архиве Ульяновской области», научно-справочная библиотека ГАУО, машинопись, 1955, 11 стр.

7. Варламов Н. **«Ценнейшие документы»** (о печатных фондах Ульяновского Госархива). «Пролетарский путь», 1936, 22 июня.

8. Кожевников Б. **«Архивные материалы на службу народного хозяйства»** (к 25-летию архивного дела в РСФСР), «Ульяновская правда», 1943, 29 мая.

9. Уразманов Ф. **«Документы борьбы»** (Краткий обзор документов, вошедших в сборник «Крестьянское движение в Симбирской губернии в период революции 1905—1907 гг.»), «Ульяновская правда», 1956, 15 января.

10. Захаров С. **«Документы революционной борьбы симбирских крестьян»**, «Ульяновская правда», 1956, 11 февраля.

11. Уразманов Ф. **«Документы о В. И. Ленине в архивах Ульяновска»**, «Ульяновская правда», 1956, 20 апреля.

12. Бейсов П. **«Материалы Ульяновского архива о Горьком»**, «Ульяновская правда», 1956, 7 июня.

13. Уразманов Ф. **«Документы о деятельности И. Н. Ульянова»**, «Ульяновская правда», 1956, 28 июля.

14. Родин А. **«Живая память»** (Репортаж о документальных богатствах и о сотрудниках Ульяновского облгосархива), «Ульяновская правда», 1957, 9 февраля.

15. Редькин Д. и Петрова И. **«Исторические богатства архивов»** (о составе фондов областного, районных и ведомственных архивов области), «Ульяновская правда», 1957, 9 апреля.

16. Уразманов Ф. **«Драгоценные документы»** (о документах, отражающих деятельность И. Н. Ульянова и ученические годы В. И. Ленина), «Ульяновская правда», 1957, 20 апреля.

17. Редькин Д. и Петрова И. **«В архив пришел исследователь»**, «Ульяновская правда», 1957, 14 июня.

18. Редькин Д. и Кабанов К. **«Ценными документами архива надо пользоваться»** (о природных богатствах области), «Ульяновская правда», 1957, 25 октября.

19. Горбачева А. **«История великих свершений»** (о выходе в свет документального сборника «Борьба за установление и упрочение Советской власти в Симбирской губернии»), «Ульяновская правда», 1957, 26 ноября.

20. Уразманов Ф. **«Документы славных дней»** (Краткий обзор документов, вошедших в сборник «Борьба за установление и упрочение Советской власти в Симбирской губернии в 1917—1918 гг.»), **«За родину»** (Куйбышев), 1958, 7 февраля.

Г. А. САЗОНТОВ,
научный сотрудник партийного архива
Ульяновского обкома КПСС

ПАРТИЙНЫЙ АРХИВ УЛЬЯНОВСКОГО ОБКОМА КПСС

1 июня 1958 г. архивные органы и учреждения СССР отметили свое сорокалетие. В этот день в 1918 году В. И. Лениным был подписан Декрет Совета Народных Комиссаров «О реорганизации и централизации архивного дела».

Уже одно то, что указанный Декрет был издан в первый же год существования Советского государства, когда в стране еще разгоралась гражданская война, и казалось было не до заботы об архивах, свидетельствует о том, какое большое значение В. И. Ленин придавал архивам.

Архивы, это не только хранилища сокровищ объективной истории, в них концентрируется опыт, накопленный человечеством, который имеет практическое значение для построения коммунистического общества.

Не мешает напомнить некоторым руководителям наших учреждений, нерадиво относящимся к архивам, пункт 5 этого Декрета: «Правительственные учреждения не имеют права уничтожать какие бы то ни было дела и переписку или отдельные бумаги без письменного разрешения Главного управления архивными делами. Нарушители сего запрещения будут привлечены к судебной ответственности».

За сорок один год своего существования архивы сконцентрировали огромнейшее количество документов, накопили боль-

шой опыт постановки архивного дела (в систематизации, хранении, публикации архивных материалов).

Советское правительство и Коммунистическая партия всегда уделяли и уделяют большое внимание архивам, направляют работу архивных органов, помогают им.

* * *

Партийный архив Ульяновского обкома КПСС еще молодой. Он был создан осенью 1944 г., а фактически работа по концентрации архивных материалов началась с осени 1945 г., но за этот период архив сконцентрировал большое количество архивных материалов.

Партархив хранит материалы Ульяновского (Симбирского) губкома ВКП(б), губкома ВЛКСМ, Карсунского, Мелекесского, Сенгилеевского и Ульяновского укомов ВКП(б) и ВЛКСМ, Заволжского райкома г. Ульяновска, некоторых волкомов партии, комсомола этих уездов, партколлективов, ячеек и фракций ВКП(б), ячеек ВЛКСМ, губернской контрольной комиссии ВКП(б), комиссии по чистке партии 1921 г., Ульяновского окружкома и ОКР КК ВКП(б), окружкома ВЛКСМ, Ульяновского и Мелекесского горкомов КПСС и райкомов КПСС и ВЛКСМ, входящих ныне в Ульяновскую область, районных контрольных комиссий, Ульяновского обкома КПСС и обкома ВЛКСМ, первичных партийных и комсомольских организаций области.

Фондов дооктябрьского периода и личных фондов партархив не хранит. Но существовавшим в свое время Истпартом Ульяновского губкома[1] было собрано порядочное количество документов-экспонатов, отражающих революционное прошлое Симбирской губернии.

Среди них листовки, печатные и гектографированные издания Симбирской группы, Центрального, Петербургского, Московского, Самарского, Казанского и других комитетов РСДРП, листки и издания школьных и студенческих организаций, партии эсеров и других либеральных и реакционных организаций за 1903—1917 гг.

В фонде Истпарта имеются царские манифесты, правительственные сообщения, циркуляры и обзоры департамента полиции, в которых отображается деятельность революцион-

[1] Истпарт существовал с 1922 г. по 1938 год.

ных организаций в дореволюционный период, сообщения о покушении Каракозова на жизнь царя Александра II в 1866 г., о покушении народовольцев на жизнь царя Александра III в 1887 г. и о казни в числе других осужденных за покушение А. И. Ульянова.

Отдельные документы Симбирского губернатора, губернского жандармского управления освещают революционную борьбу в Симбирской губернии в период революции 1905—1907 гг. и в годы 1-й мировой войны.

Документы губернского комиссара и местных органов Временного правительства, Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и других организаций раскрывают борьбу трудящихся в период от февраля к октябрю.

Дореволюционный период истории Симбирской большевистской организации и борьба под ее руководством трудящихся с самодержавием и властью буржуазного Временного правительства, за власть Советов освещается в воспоминаниях старых большевиков Рябикова В. В., Горчаева М. Д., Крыловой Р. А., Фокеева Г. А. и др.

В документах Истпарта, в фондах Симбирского губкома, Ульяновского горкома и других нашли отражение важнейшие события в истории нашей Родины в период гражданской войны: борьба с белочехами, белогвардейско-эсеровским Самарским комитетом членов Учредительного собрания («Комучем»), образование Восточного фронта, I Армии, славной Симбирской Железной дивизии, ликвидация авантюры командующего Восточным фронтом эсера Муравьева, ликвидация кулацких мятежей («чапанки»), борьба с Колчаком.

Имеются документы, свидетельствующие о пребывании в Симбирске выдающихся деятелей партии и Советского государства — М. И. Калинина (май 1919 г.), В. В. Куйбышева (июнь — июль 1918 г.), М. В. Фрунзе (июль — август 1919 г.), военных деятелей — Н. И. Подвойского, М. Н. Тухачевского, С. С. Каменева; материалы о героях гражданской войны — Г. Д. Гае, В. Г. Пеньевском, И. С. Космовском и других.

В материалах фондов Губкома, горкома ВКП(б) и других отражена руководящая роль и деятельность местных большевистских организаций в упрочении Советской власти, в организации отпора врагам, в проведении мобилизации в Красную Армию, в проведении хлебной монополии и заготовок хлеба, в организации первых коммунистических субботников и воскресников; отражена деятельность в Симбирске в 1918 — 1920 гг. одного из видных партийных работников И. М. Ва-

рейкиса, местных большевиков — М. А. Гимова, М. Д. Крымова и других.

Строительство Красной Армии, героическая борьба трудящихся Симбирской губернии в годы гражданской войны и иностранной интервенции описаны в многочисленных воспоминаниях участников гражданской войны, в том числе члена Реввоенсовета 1 Армии О. Ю. Калнина, начальника штаба 1-й Армии Н. И. Корицкого.

Проведение новой экономической политики и восстановление народного хозяйства в губернии, проведение генеральной чистки и укрепление партийных рядов, борьба с голодом и ликвидация последствий голодного года, борьба с троцкизмом, усиление руководства партийных организаций советами, профессиональными, кооперативными и хозяйственными организациями и добровольными обществами, усиление работы среди женщин, среди нерусских национальностей, усиление работы с беднотой, отражены во всех основных партийных фондах периода 1921—1928 гг.

Борьба партии за индустриализацию страны и коллективизацию сельского хозяйства, борьба с правым оппортунизмом на идеологическом фронте и преодоление правого оппортунизма в практике на местах, ликвидация кулачества как класса, помощь рабочего класса промышленных центров деревне, роль «25-тысячников», развитие социалистического соревнования и ударничества отражены в фондах Ульяновского окружкома и райкомов ВКП(б) за соответствующий период.

Материалы о роли политотделов МТС и совхозов, созданных по решению ЦК ВКП(б) от 11 января 1933 года, об организационно-хозяйственном укреплении колхозов и совхозов, можно найти в фондах политотделов МТС и совхозов.

Борьба партии за завершение строительства социалистического общества в СССР в предвоенные годы, укрепление оборонной мощи СССР, дальнейшее развитие социалистического соревнования и ударничества, рост материального благосостояния и культуры трудящихся отражены во всех фондах горкомов, райкомов, первичных организаций ВКП(б).

В информационных материалах парткомов, поступивших от советских, профсоюзных, хозяйственных, кооперативных организаций, учреждений культуры, просвещения и здравоохранения, можно найти сведения о деятельности этих учреждений, организаций и добровольных обществ, о состоянии экономики и культуры в губернии, в округе, в городах и в районах области за все годы послеоктябрьского периода.

Материалы об организующей, руководящей, мобилизующей и вдохновляющей роли партии, о великих подвигах народа в годы Великой Отечественной войны имеются во всех фондах горкомов, райкомов и первичных организаций партии и комсомола, а обобщающие — в фонде Ульяновского обкома КПСС.

Наиболее полно сохранились документы послевоенного периода. В них исследователь найдет материалы о руководстве партии в ликвидации последствий войны — запущенности сельского хозяйства и дальнейшим подъемом сельского хозяйства, стройками новых промышленных предприятий, и работами, связанными со строительством Куйбышевской ГЭС и образованием Жигулевского моря.

История и деятельность комсомольских организаций отражена в фондах Ульяновского губкома ВЛКСМ, в фондах Ульяновского, Мелекесского укомов, Ульяновского горкома, Ульяновского окружкома, райкомов ВЛКСМ, Ульяновского обкома ВЛКСМ (с 1943 г.) и большого количества первичных комсомольских организаций.

В фондах комсомольских органов находит отражение история и деятельность пионерских организаций.

Исключительный интерес представляет фонд Дома-музея В. И. Ленина и Ульяновского филиала Центрального музея В. И. Ленина. В нем отложились материалы с 1923 г., раскрывающие историю возникновения музеев, меры, предпринятые по реставрации и консервации уникального памятника — дома Ульяновых, документы, свидетельствующие о помощи в восстановлении внутреннего и внешнего вида и обстановки дома, оказанной Анной Ильиничной Елизаровой-Ульяновой, Дмитрием Ильичем Ульяновым, современником и другом семьи Ульяновых В. В. Кашкадамовой.

Свыше десятка томов книг записей впечатлений посетителей Дома-музея В. И. Ленина в Ульяновске свидетельствуют о беспредельной и неугасимой любви советского народа к своему мудрому учителю В. И. Ленину и ленинской партии, к советской Родине, в ней излили свои чувства простые люди и государственные деятели, крестьяне и рабочие, рядовые служащие и работники искусств, школьники и учителя, малограмотные труженики и ученые, солдаты и генералы, студенты, дети и престарелые, пионеры и комсомольцы, беспартийные и коммунисты; жители из Ленинграда и Владивостока, из Якутии и Казахстана, из Заполярья и Закавказья, представители всех народов нашей Родины.

Чувства пролетарской солидарности и верности делу Ленина изъявили в этой книге делегации зарубежных рабочих.

Даже официальные представители капиталистического мира с благоговением осматривали это святилище русского народа, в котором зрел мировой гений.

Исследователь найдет в этой книге записи Анны Ильиничны Елизаровой-Ульяновой, Марии Ильиничны и Дмитрия Ильича Ульяновых, К. Е. Ворошилова, А. С. Бубнова, Г. Д. Гая, исполнителя роли Ленина в пьесах «Человек с ружьем», «Кремлевские куранты» и других, М. Головина, заслуженной артистки республики М. Максаковой, писателя С. Михалкова, героев челюскинской эпопеи А. В. Ляпидевского, М. Водопьянова, матери Героя Советского Союза Зои Космодемьянской и многих других известных людей.

В небольшой научно-справочной библиотечке партархива имеются «Известия ЦК ВКП(б)» за 1920, 1921, 1924—1927 гг. (неполный комплект), перепечатка Истпартотдела ЦК ВКП(б) газет «Искра», «Вперед», «Пролетарий», несколько номеров газеты «Пролетарий» (подлинников), издания истпартотдела Ульяновского губкома ВКП(б), материалы и постановления губернских и уездных партконференций, постановления местных партийных, советских и комсомольских органов, сборники документов, воспоминаний, очерки центральных и местных изданий и другая литература.

В партархиве за этот период работало немало исследователей. По материалам партархива было написано и защищено несколько диссертаций на соискание ученой степени, написан и опубликован ряд работ и статей по местной истории.

За последние годы партархив развернул публикаторскую деятельность.

В 1951 г. был выпущен сборник «Прокламации Симбирской организации РСДРП (1904—1907 гг.)», составители М. Бутаев и М. Кривов.

К сорокалетию Октябрьской революции издан сборник воспоминаний «Борьба за власть Советов в Симбирской губернии», под редакцией кандидата исторических наук Н. Д. Фомина.

Совместно с Госархивом Ульяновской области подготовлен сборник документов «Борьба за установление и упрочение Советской власти в Симбирской губернии», 1957 г., под редакцией кандидата исторических наук М. А. Гнутова.

Партархив совместно с Госархивом выпустил в 1958 году сборник документов по периоду гражданской войны «Симбир-

ская губерния в годы гражданской войны (май 1918—март 1919), т. I, под редакцией кандидата исторических наук Ф. В. Герасина.

Партархив совместно с обкомом ВЛКСМ издал к 40-й годовщине комсомола сборник воспоминаний «Комсомольская юность», под редакцией М. И. Кривова.

Партархив ведет большую справочную работу. Тысячи трудящихся получили справки о своей трудовой деятельности, помогшие им в оформлении права на получение пенсии. Немало выдано партархивом справок и по другим вопросам.

Но материалы партархива используются далеко еще не полностью.

Общественность должна больше уделять внимания архивам и полнее использовать архивные материалы в практической деятельности.

К. А. КАБАНОВ,

геолог, краевед

О РАБОТЕ УЛЬЯНОВСКОГО ГОСАРХИВА ПО УЧЕТУ ДАННЫХ ОБ ИСКОПАЕМОМ СЫРЬЕ

Декрет «О реорганизации и централизации архивного дела», подписанный 1 июня 1918 года В. И. Лениным, положил начало широкой и плодотворной деятельности Государственных архивов. Выработанные твердые указания о передаче всех ведомственных архивов в государственные хранилища обусловили сосредоточение там многочисленных и разносторонних фондов, содержащих неисчерпаемые источники для научной обработки. В них содержатся исторические сведения о различных событиях, материалы об экономической и хозяйственной деятельности учреждений дореволюционного и послеоктябрьского времени и проч.

В хранилищах Ульяновского Госархива сосредоточены многие сотни тысяч дел за время с XVII века и до настоящего времени. Одновременно с поступлением туда документов от ведомственных архивов, непрерывно производится их научная обработка, которая с каждым годом расширяется. Кроме систематизации документов, производится составление картотек и различных путеводителей и указателей, что значительно облегчает использование фондовых материалов.

В фондах учреждений, которые занимались различной хозяйственной деятельностью, встречается много ценного материала о разнообразных отраслях производства, о сельском

хозяйстве, об использовании в прошлом природных богатств, в основном — ископаемых и т. п.

После Октябрьской революции, непрерывно возрастающее развитие социалистической промышленности требовало все большего и большего количества разного рода сырья и в первую очередь — ископаемого. Успешное выполнение пятилетних планов развития народного хозяйства в значительной степени зависело от широкого использования сырьевых ресурсов.

Там, где в прошлом еще недостаточно проводились геологоразведочные работы, успешному выполнению мероприятий по использованию ископаемого сырья способствуют, с одной стороны, новые широкие исследования, а с другой — те сведения, которые можно почерпнуть из материалов, хранящихся в Государственных архивах. Однако следует отметить, что до недавнего времени повсеместно были систематизированы и использованы в основном архивные документы, которые касались истории, экономики, литературы и близких им наук, сведения же о природе, о естественных богатствах, в том числе об ископаемом сырье, были учтены очень слабо и почти не обработаны.

Ввиду важности всестороннего освещения вопроса об ископаемом сырье, Главное архивное управление Министерства внутренних дел предложило в 1954 году приступить к планомерной работе по выявлению хранящихся в территориальных Государственных архивах документов, в которых содержались те или иные сведения о полезных ископаемых и о местоположении сырьевых баз.

Это мероприятие должно было оказать большую практическую помощь в деле дальнейшего исследования недр. Нередко случалось, что эксплуатировавшиеся ранее месторождения оказывались в настоящее время забытыми, другие же, упоминаемые в архивных материалах, до сего времени остались нетронутыми. Такие данные с успехом можно положить в основу вновь намечаемых исследований.

Вследствие того, что мероприятия по учету архивных документов, содержащих сведения об ископаемых богатствах, стали проводиться в организованном порядке впервые, возникла необходимость выработать форму учетной карточки и создать наиболее простой и удобный порядок расположения добытых сведений в соответствующей картотеке. Обе эти задачи были успешно решены научными работниками Ульяновского Госархива. Выработанная система учета оказалась

практически совершенной, поэтому она была одобрена Главным архивным управлением.

Учетная карточка содержит следующие разделы: наименование ископаемого, ссылку на источник, из которого почерпнуты сведения, виды изделий, которые изготовляются из данного сырья, территориальная принадлежность месторождения по старому и новому административному делению края и, наконец, исковые данные соответствующего документа.

Бывшая Симбирская губерния занимала площадь, границы которой не совпадают с границами современной Ульяновской области. Вследствие этого часть архивных материалов б. Симбирской губернии касается тех площадей, которые отошли в настоящее время к соседним крупным административным единицам, а именно: к Татарской, Чувашской и Мордовской АССР и к Куйбышевской и Пензенской областям. Кроме того, некоторые организации, как, например, Удельное ведомство делились на округа, превышающие по площади б. губернии, поэтому Симбирский удельный округ, в отдельные периоды включал территории соседних губерний.

Было решено учесть по документам Ульяновского Госархива сведения, относящиеся как к территории современной Ульяновской области, так и территориям, отошедшим к соседним административным единицам, а это обстоятельство обусловило двоякий порядок расположения карточек в картотеке. Сведения о полезных ископаемых, относящиеся к территории Ульяновской области, были разделены на группы по видам сырья: о глинах, о песках и т. д. Внутри каждой из этих групп карточки были расположены в алфавитном порядке наименований районов, а внутри последних — по алфавиту названий отдельных селений. В основу порядка расположения сведений о месторождениях сырья за пределами нашей области был положен территориальный признак, а затем уже шла группировка данных отдельно по каждому виду сырья.

Принятая схема учета сведений облегчала использование их как местными, так и иногородними исследователями.

Кроме того, было решено одновременно учитывать также сведения о геологическом строении, материалы по гидрогеологии, об оползнях и других геофизических явлениях, свершавшихся в различное время, о предприятиях, работающих на местном сырье, и проч. Такого рода сведения тесно связаны с основными вопросами об использовании сырья и о проведении хозяйственных мероприятий.

В начале работы были проанализированы те неполные и

слабо систематизированные сведения, которые были отмечены ранее, а затем были предприняты новые шаги к обнаружению соответствующих материалов по фондам тех учреждений, в делах которых скорее всего можно было ожидать встретить требуемые данные.

Специальная работа по учету сведений о сырьевых базах и по выявлению различных данных, касающихся того или иного раздела геологии, прошла по времени три этапа: она была начата в 1954 году, затем выбор сведений был продолжен в конце 1955 и начале 1956 года и, наконец, — период окончания 1957-й и начало 1958 годов. Одновременно научными работниками Госархива систематически отмечались соответствующие сведения, встречаемые ими при обработке различных фондовых материалов.

Брались на учет не только прямые указания о разрабатывавшихся месторождениях, но и все прочие, часто косвенные, данные, например, сведения о перевозке сырья с упоминанием пункта, откуда таковое вывозилось; ходатайства о кредитовании организуемого предприятия (кирпичного завода, меломольного или известкового производства и др.), сырье для которого добывалось на месте его переработки; сведения о случайно обнаруженных кем-нибудь месторождениях, до сего времени не разрабатываемых и т. д.

Геологическая картотека Ульяновского Госархива содержит на 1 июля 1958 г. — 574 карточки, из которых 392 заключают в себе сведения, относящиеся к территории Ульяновской области, сведения же, имеющиеся в остальных 182 карточках, касаются площадей, отошедших к соседним административным единицам.

Из материалов дореволюционного времени более подробно были просмотрены фонды удельного ведомства, Симбирской губернской земской управы, канцелярии симбирского губернатора и др. Из документов послеоктябрьского периода были использованы фонды Симбирского губстатотдела, губфо, губсовнархоза, Ульяновского строительного участка Куйбышевского мелиоводстроя, Ульяновского горкоммунотдела и проч.

Основная масса сведений о полезных ископаемых и по общей геологии была почерпнута из документов дореволюционного времени. Это объясняется тем, что фонды того времени наиболее обширны и содержат много данных об эксплуатации местных природных богатств. Некоторые крупные ведомства, как, например, удельное, получали значительные доходы от

регулярной сдачи различным предпринимателям так называемых оброков на разработку ископаемого сырья. Составляемые при этом правовые документы содержат подробные указания о территориальной принадлежности месторождений. Губернское земство, с одной стороны, давало кредиты на организацию промышленных предприятий, а с другой — вело некоторые исследования и небольшие разведки. Канцелярия губернатора собирала для различных министерств сведения по вопросам об использовании природных богатств в губернии.

В послеоктябрьский период повсюду широко развернулись различные разведочные и исследовательские работы, и, казалось бы, что за это время должно было сосредоточиться в хранилищах Госархива много ценного материала, однако в действительности получилось обратное явление. Это объясняется тем, что разведка и другие исследования велись в подавляющем большинстве иногородними организациями, увозившими за пределы нашего края сведения о полученных результатах работ, поэтому таких данных не содержится в делах ульяновских учреждений, документы которых поступают в местный Госархив. В фондах советских учреждений содержатся только случайные данные, полученные ими в результате запросов, или в статистическом материале, или же, наконец, в сообщениях отдельных специалистов.

Более интересные сведения за данный период можно встретить только в тех редких случаях, когда работы производились ульяновскими организациями или по заданиям ульяновских учреждений, например, горкоммунотдела.

Работа по выявлению сведений для геологической картотеки только еще началась. В Ульяновском Госархиве сосредоточено громадное количество документального материала, и в дальнейшем можно ожидать обнаружения новых ценных сведений. Фонды крестьянского поземельного банка, Усольской вотчины Орловых-Давыдовых и различных других дореволюционных учреждений и организаций, а также послеоктябрьские фонды Симбирского губсовнархоза, треста силикатной промышленности, губстатотдела и пр., их подробное изучение, безусловно, обогатит существующую картотеку.

Среди выявленных материалов следует отметить большое количество сведений о месторождениях таких важных видов сырья, как глины, песчаники, мел.

Только из документов Симбирского губернского земства удалось получить сведения о наличии 101 месторождения кирпичной глины на той части территории б. Симбирской губер-

нии, которая входит в пределы современной Ульяновской области. В то же время сейчас на территории нашей области имеется пока лишь около семидесяти кирпичных заводов, причем часть их расположена на площадях, не входивших ранее в Симбирскую губернию, например в Заволжье. Из сказанного видно, что в нашей области можно построить несколько десятков новых кирпичных заводов, предварительно использовав архивные данные о месторождениях кирпичных глин. В будущем придется заняться лишь определением запасов и исследованием качества таковых в тех пунктах области, которые наиболее удобны территориально, не затрачивая средства и время на специальные поиски месторождений.

В настоящее время перед нами стоит весьма важный вопрос о водоснабжении сельского населения. В связи с этим могут оказаться полезными сведения по гидрогеологии. При постройке водопроводов потребуется много водопроводных труб, для чего с успехом применяются гончарные трубы, а в фондах горкоммунотдела имеется документ, свидетельствующий об изготовлении гончарных труб артелью «Строитель» из гончарных глин, залегающих около с. Сухой Карсун, Карсунского района, славящихся своими превосходными качествами.

С успехом могут быть использованы также при планировании новых разработок многочисленные сведения о разрабатывавшихся ранее месторождениях песчаника, мела и других видов сырья.

В архивных документах есть указания о существовании в середине прошлого столетия небольших стекольных заводов на территории Барышского района. Согласно этим данным работниками Ульяновского краеведческого музея было обследовано место, где ранее был один из упомянутых заводов. Найденные там материалы свидетельствуют об удовлетворительном качестве изделий. Теперь, при применении новых, усовершенствованных технологических процессов, изготовления стекла, качество стекла из барышских песков может быть повышено. Хотя в настоящее время нам известно о громадных запасах «ташлинских» кварцевых песков, залегающих в Тереньгульском районе, на базе которых можно широко развернуть стекловарение, однако и в Барышском районе стекольное производство может быть опять возобновлено. Далее, имеются полезные сведения о разведке альбских фосфоритов, производившейся в 1916 году Симбирским губернским земством. Эти фосфориты, залегающие в Сенгилеевском районе,

известны под названием «шиловских» или «сенгилеевских». Они не требуют перед употреблением специальной заводской переработки и пригодны в качестве удобрения всего лишь после тонкого помола, действие же их, в отношении повышения урожайности, аналогично действию суперфосфата. В документах о них есть сообщение о результатах успешного применения их в качестве удобрения.

Согласно указаниям, содержащимся в пятилетних планах развития народного хозяйства, для поднятия урожайности полевых культур необходимо повсюду применять местные удобрения. Без сомнения в ближайшие годы будет организовано детальное изучение упомянутых ценных разновидностей фосфоритов, и архивные данные о них будут положены в основу первичного ознакомления с этим вопросом.

Из фонда горкоммунотдела большое значение имеют документы с описанием буровых работ, производившихся в двадцатых годах на территории городов Ульяновска и Сенгилея, а также данные о химическом анализе вод из буровых скважин, пробуренных в различных пунктах гор. Ульяновска (82 анализа — 1923 г.). В этом же фонде имеются заключения геологов Рогозина И. С. и Туруновского В. А. по вопросам, касающимся гидрогеологии и борьбы с оползнями.

Последние материалы важны в том отношении, что дают возможность учесть все изменения, которые произошли под влиянием оползневой деятельности в строении поверхностных пластов за тридцатилетний промежуток времени. Сравнивая современное состояние оползневых участков с тем, которое было в момент производства научных исследований (1927—1929 годы), можно в некоторых случаях учесть совершившиеся изменения и сделать приблизительный прогноз на будущее, а также проверить эффективность проведенных противооползневых мероприятий.

Среди документов удельного ведомства за 1912 год встречено краткое указание о существовании на территории б. Симбирской губернии крупной магнитной аномалии. По-видимому, серьезные помехи, наблюдавшиеся во время топографических съемок на удельных землях в районе Присурского массива, были настолько серьезны, что обратили на себя внимание межевых работников. Местонахождение аномалии точно неизвестно, сказано лишь, что она находится в «Присурье». Однако при современных геофизических методах разведки точное нахождение всякой магнитной аномалии обнаружить не трудно. Если при проверке данное сообщение под-

твердится, это будет иметь большое научное, а может быть, и практическое значение.

Сведения о постройке Сенгилеевского цементного завода и о первых годах его эксплуатации, содержащиеся в материалах Симбирского губернского земства, также имеют не только историческое значение, в них есть много сведений, которые могут оказаться полезными при современных обследованиях цемзавода и прилегающей к нему площади. Наших соседей должны заинтересовать те сведения, которые касаются ископаемого сырья, залегающего на отошедших к ним территориях.

Сделанный краткий обзор показывает, что уже проделана полезная работа, однако ее следует неослабно продолжать, учитывая важное практическое значение документальных данных, для каждого нового исследователя или производственника.

Однако, к сожалению, приходится констатировать, что большинство местных работников, руководящих планированием новых исследований и стоящих во главе производства, работающего на местном сырье, недооценивает значение архивных документальных материалов и не интересуется проводимой работой по регистрации геологических сведений. Отмеченными в картотеке данными до сего времени пользовались преимущественно иногородние специалисты, местные же — обычно ограничиваются бумажными запросами по отдельным вопросам, не утруждая себя просмотром самих документов.

Нередко можно также слышать, что архивные сведения устарели и потеряли свою ценность. Действительно, сведения о запасах и о качестве сырья во многих случаях требуют проверки и дополнения, но таких сведений имеется немного, основная же масса документов содержит указания о территориальной принадлежности месторождений сырья, а такие данные весьма важны и никогда не могут устареть. В частности, имеют большое значение те из них, которые касаются сырья, разрабатывавшегося ранее, а теперь лежащего без внимания.

Сведения о геологическом строении области, о данных буровых работ, по гидрогеологии, по борьбе с оползнями и т. п. также не утратили своего значения, а последние напротив могут, как говорится выше, осветить совершающиеся процессы и помочь более правильно разработать план предупредительных противооползневых мероприятий на будущее.

По-видимому, в дальнейшем необходимо будет усилить

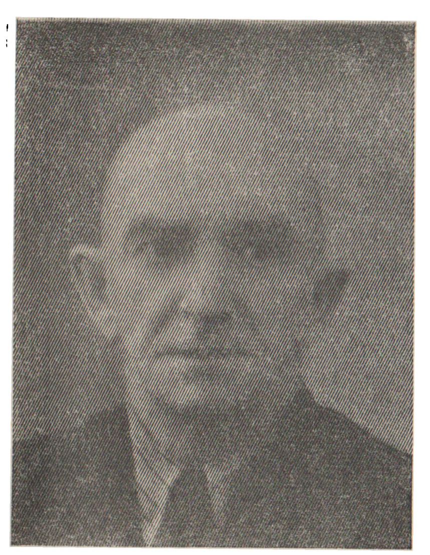
разъяснительную работу среди руководителей ульяновской промышленности для преодоления существующей предубежденности к архивным данным о местном сырье.

Для дальнейшего привлечения сведений о новых разведках весьма важно обязать на будущее всех руководителей разведочных и исследовательских организаций, работающих на территории нашей области, представлять экземпляр утвержденного отчета о результатах произведенной работы. Вместе с тем Госархиву необходимо также по возможности разыскать и скопировать отчеты о разведке за истекшее время.

Весь информационный материал по геологии целесообразнее всего сосредоточивать в хранилище Госархива, т. к. при реорганизациях различных ведомств наблюдается распыление накопленных материалов. В то же время Госархив по своим основным функциям является единственной стабильной организацией по хранению документов за истекшее время. Нужно также помнить, что некоторые геологические документы разрешены только для служебного пользования, а по линии архивных органов этот вопрос разработан подробно.

Дальнейшие исследования фондовых документов по геологии и широкое накопление новых специальных материалов по исследованию недр, с одной стороны, будет способствовать более широкому использованию нашего ископаемого сырья для нужд ульяновской промышленности, а с другой — поможет изжить непроизводительное расходование государственных средств, времени и рабочих рук на повторные исследования, аналогичные производившимся ранее, что иногда имело место на территории нашей области. Такие нездоровые явления в большой мере зависят от недостаточной осведомленности руководящих работников, планирующих исследовательские работы. При наличии обильно накопленных сведений, соответствующий запрос в Госархив о месте намечающихся исследований может внести ясность и устранить параллелизм в работе.

СТАРЕЙШИЙ РАБОТНИК АРХИВА

Имя Николая Николаевича Смирнова известно каждому исследователю, работавшему в Ульяновском государственном архиве. Глубокое знание архивных фондов, знание истории учреждений, истории местного края, археографии, а самое главное любовь к своему делу и юношеское увлечение этой работой делают его незаменимым консультантом не только для тех, кто впервые пришел в архив, но и для людей, имеющих опыт архивной работы. И то и другое мы знаем по своему личному опыту.

Николай Николаевич начал работать в Ульяновском Госархиве с апреля 1936 года и работал, с небольшим перерывом, до августа 1958 года, до ухода на пенсию. За эти годы он зарекомендовал себя как человек, любящий и знающий архивное дело. За двадцать лет работы в архиве он оказал квалифицированную помощь многим исследователям. Ему принадлежит ряд методических разработок по архивной работе, которыми пользуются сотрудники архива. С момента создания научного совета по настоящее время Н. Н. Смирнов является постоянным деятельным членом совета, выступая на его заседаниях с научными сообщениями, докладами. Неутомимая деятельность старейшего архивного деятеля нашей области не ограничивалась работой только в архивных учреж-

дениях. Он выступал в печати. За 1937—1958 гг. в «Пролетарском пути», «Пути Ленина», «Ульяновской правде» опубликован не один десяток статей Н. Н. Смирнова на исторические, краеведческие и социально-экономические темы, в которых он выступает как деятельный пропагандист и поборник социалистической культуры.

Кроме этого, Н. Н. Смирнов принял деятельное участие в подготовке документальных сборников. Он является составителем и членом редакционной коллегии сборников: «Крестьянское движение в Симбирской губернии в период революции 1905—1907 гг.» (1955), «Борьба за установление и упрочение Советской власти в Симбирской губернии» (1957), «Симбирская губерния в годы гражданской войны» (1958). В настоящее время Н. Н. Смирнов работает над «Летописью города Ульяновска и Ульяновской области».

За многолетнюю и безупречную работу в архиве Н. Н. Смирнов, в связи с уходом на пенсию, был награжден Почетной грамотой Министерства внутренних дел РСФСР, Почетной грамотой Ульяновского облисполкома и ценными подарками. Но и после ухода на пенсию Н. Н. Смирнов продолжает поддерживать постоянную связь с архивом, являясь членом научного совета, членом редакционной коллегии по подготовке документальных сборников. Сотрудники архива попрежнему учатся у него и пользуются его разносторонними знаниями.

Горячо поздравляя Николая Николаевича с праздником архивистов, мы дружески желаем ему здоровья и дальнейшей творческой жизни.

П. С. БЕЙСОВ — кандидат филологических наук, доцент Ульяновского пединститута.

М. А. БУТАЕВ — кандидат исторических наук, доцент Ульяновского сельхозинститута.

М. Х. ВАЛКИН — директор Ульяновского краеведческого музея.

М. А. ГНУТОВ — кандидат исторических наук, доцент.

Н. П. ГРИЦЕНКО — кандидат исторических наук, доцент Грозненского пединститута.

С. П. ЗАХАРОВ — кандидат исторических наук, доцент Ульяновского пединститута.

И. С. РОМАШИН — кандидат исторических наук.

СООБЩЕНИЯ И МАТЕРИАЛЫ

М. А. ГНУТОВ,
кандидат исторических наук

СЫЗРАНСКОЕ БОЛЬШЕВИСТСКОЕ ПОДПОЛЬЕ (1912—февраль 1917 гг.)

Город Сызрань — административный центр самого южного уезда Симбирской губернии — занимал выгодное положение. Он был расположен на важной водной магистрали — Волге и на стыке трех железнодорожных линий: Сызрано-Вяземской, Московско-Казанской и Самаро-Златоустовской. Волжская водная магистраль и железнодорожные линии не только связали Сызрань с центральными районами страны и промышленным Уралом, не только втягивали ее в общий всероссийский рынок и способствовали экономическому и культурному росту города. Они создавали благоприятные условия для роста пролетарских сил и революционного движения в городе.

В 1912 г. население Сызрани составляло 48.000 чел. Рабочих, кроме железнодорожников, насчитывалось в городе свыше 1000 чел., половина которых была занята на 6 крупных мукомольных мельницах и гвоздильном заводе. Железнодорожных рабочих насчитывалось до 1500 чел. Кроме того, имелось довольно значительное число грузчиков (до 200 чел.), занятых на 8 волжских пристанях, и приказчиков (500 чел.). Сызрань известна была так же, как крупная приволжская биржа сельскохозяйственного труда. Даже в обыкновенное

время здесь на рынке можно было всегда найти от 50 до 200 рабочих. В весеннее же время число их доходило до 500—800 чел., в июне — от 1000 до 1500, а в страдную пору — до 2000 чел. В годы империалистической войны Сызрань превратилась в тыловую базу, где готовились воинские пополнения для фронта. В городе были дислоцированы 3 пехотных и 1 кавалерийский полки, команда инженерного склада и штаб 166 пехотной дивизии. Общее количество войск, дислоцированных в Сызрани, достигало до 50.000 чел. Это были, главным образом, рабочие и крестьяне, одетые в солдатские шинели.

Большевистская организация в г. Сызрани возникла в 1904 г. С самого начала своей деятельности она стала во главе рабочего движения. Помимо широкого распространения революционной литературы, большевистская организация втягивала в революционное движение рабочие массы, демократические слои, проводила ряд митингов, собраний, массовок, демонстраций, забастовок. По отзыву некоторых партийных работников, сызранская большевистская организация в период революции 1905—1907 гг. была наиболее сплоченной и самой сильной в Симбирской губернии. Она пользовалась бесспорным влиянием среди различных слоев трудящихся города, особенно среди рабочих. Ее деятельность охватывала не только город Сызрань, но и весь Сызранский уезд, часть Карсунского и Сенгилеевского уездов.

Под непосредственным руководством сызранской большевистской организации проходили все революционные события в городе и уезде в период первой русской революции. В октябре 1905 г. она становится во главе всеобщей политической стачки в городе, создав забастовочный комитет, а при выборах во II Государственную думу она сумела так организовать широкие трудящиеся массы, что провела от Сызрани своего депутата.

Однако наступившая в стране столыпинская реакция подорвала силы сызранской большевистской организации, ее активная деятельность на время фактически прекратилась. В начале июня 1907 г. повсеместно в России были произведены обыски и аресты. В Сызрани аресты носили массовый характер. Арестовано было сразу 24 чел. — членов социал-демократической организации. 18—19 июня 16 чел. было освобождено за отсутствием улик, а остальные преданы суду и сосланы в Вологодскую губернию на три года.

Обыски и аресты продолжались в течение всего 1907 г. Работу в городе вести становилось все труднее. В ночь на 30

апреля 1908 г. многие члены большевистской организации Сызрани вновь подверглись обыскам. В начале сентября обыски повторились. Многие активные члены организации были арестованы, осуждены и подверглись высылке в Вологодскую и Енисейскую губернии.

1908—1911 гг. — годы самой тяжелой реакции. Всякая активная организационно-политическая работа большевиков в Сызрани была подавлена. В 1910 г. часть большевиков, уцелевших после арестов и продолжавших вести революционную работу в глубоком подполье, пыталась собрать распыленные большевистские силы, объединить их и повести работу под прикрытием легальной организации. Центром этой работы намечалось сделать «Общество приказчиков»[1], при клубе которого был организован «Кружок разумных развлечений» для постановки систематических лекций, докладов, спектаклей и т. п. На май 1910 г. в этом кружке было свыше 80 членов.

Полиция увидела в кружке большую угрозу для существующего общественного порядка. 19 апреля 1910 г. ротмистр Иевлев доносил начальнику симбирского жандармского управления, что «из легальных организаций, которая может сыграть весьма серьезную роль в деле воссоздания Российской социал-демократической рабочей партии, является возрождаемый в гор. Сызрани при клубе общества приказчиков кружок любителей разумных развлечений, в который в последнее время вошло значительное число членов его.

Судя по агентурным сведениям последнего времени, из числа членов его вербуются лица, как работники будущей деятельности в группе Демократической партии гор. Сызрани, чем занята председательница этого кружка жена местного купца Ашанина Анна Ивановна»[2].

Полиция вскоре закрыла «Кружок разумных развлечений»

---

[1] «Общество приказчиков» в Сызрани существовало с 1897 г.; сначала оно носило характер общества вспомоществования своим членам в случае болезни, смерти и проч. В августе 1907 г., сохранив свое название, оно приняло устав профессиональной организации, поставив целью защищать интересы приказчиков, бороться за улучшение их быта и материального положения. Еще в первый период своего существования Общество сумело накопить значительные средства и имело возможность развить довольно ощутимую деятельность: приобрело собственный дом, имело клуб на Большой улице, библиотеку, начальную школу, вносило плату за обучение детей-сирот, выдавало небольшие ссуды и проч. В клубе любителями ставились спектакли, устраивались концерты, вечера и т. п.

[2] Государственный архив Ульяновской области (ГАУО), ф. 855, д. 93, л. 23.

и отказала в разрешении на устройство даже самых невинных концертов и вечеров в клубе, мотивируя это тем, что в число членов клуба вошли лица политически неблагонадежные, которые желают использовать в революционных целях организовавшийся при клубе «Кружок разумных развлечений». Так, 4 ноября правление общества приказчиков обратилось с просьбой поставить в клубе литературный вечер, посвященный памяти Л. Н. Толстого, но полицмейстер отказал в просьбе, мотивируя свой отказ тем, что организаторы вечера не представили текста вступительной речи. Действительная же причина отказа состояла в том, что полиция опасалась сплочения всех левых оппозиционных элементов под вывеской легального учреждения.

В августе 1911 г. со станции Михнево, Рязано-Уральской железной дороги, на станцию Сызрань Т. Г. Паниным был отправлен ящик с «домашними вещами» весом в 2 п. 9 ф. на имя брата М. Т. Елизарова Павла Тимофеевича, служившего в должности управляющего сызранским банком. Но вышла какая-то история с накладной, и груз не был вовремя взят. Полиция конфисковала ящик с «домашними вещами», обнаружив при вскрытии его нелегальную литературу. Большевики всячески пытались спасти груз, в чем принимали участие также Марк Тимофеевич и Анна Ильинична Елизаровы, жившие в Саратове, но спасти литературу не удалось.

В конце 1911 г. социал-демократы решили издавать свою газету под названием «Сызранский труженик», но первый номер ее от 25 декабря был полицией конфискован, а редактор-издатель подвергнут штрафу в размере 500 руб.[1]

В 1912 г. большевики выступают более активно. Общий революционный подъем, начавшийся в стране, захватывает и Сызрань. У населения стали все больше проявляться антиправительственные настроения. В жандармских донесениях из Сызрани все чаще высказывались опасения, говорилось о том, что отклонение влево заметно во всех слоях населения.

Большевики еще не восстановили своей организации, но чувствуется, что они выступают уже как коллектив. Они ведут работу среди приказчиков, мельничных рабочих и служащих, среди железнодорожников, ремесленников и других демократических слоев города, выступают совместно со всеми действительно революционно-демократическими элементами, организуя их, идя во главе их. В своей работе боль-

---

[1] ГАУО, ф. 76, д. 975, 37.

шевики используют все легальные и нелегальные возможности для укрепления связи с массами, начиная с общества приказчиков и кончая публичными лекциями.

Как сообщается в жандармских донесениях, в начале 1912 г. в Сызранском обществе приказчиков состояло около 150 членов. «В числе членов его, — сообщал 30 мая 1912 г. симбирский губернатор в Департамент общих дел, — находилось двадцать два человека заведомых социал-демократов и примыкающих к левым партиям, а семеро из членов общества подвергались ранее обыскам и отбывали уже тюремное наказание по суду или административную высылку за противоправительственные выступления. Плотно основавшись в обществе, эта Сызранская социал-демократическая группа, лишенная после разгрома революционных организаций в 1906—1907 гг. возможности организоваться другим способом, решила использовать для своих целей названное общество, открыв при нем клуб, сцену для спектаклей, библиотеку, благодаря каковым учреждениям получилась возможность доступа в помещение общества всем желающим, путем же постановки пьес известного направления, чтения лекций, подбора книг в библиотеке явилась возможность оказывать известное влияние уже на более широкие слои местного населения»[1]. «Вне всяких сомнений, что лица эти (имеются в виду социал-демократы, члены общества. — **М. Г.**) вполне сознательно, последовательно и неуклонно направляют общество к сближению с социал-демократическими группами»[2].

К числу наиболее активных членов, руководителей общества относились: **Ашанин Константин Николаевич** — мещанин гор. Кузнецка, доверенный фирмы «Товарищество Ашанин и К° в гор. Сызрани», человек прогрессивного направления, вполне разделяющий взгляды социал-демократов (председатель правления общества приказчиков);

Вовк-Росохо Николай Константинович — юрист, социал-демократ (член правления);

Кураев Владимир Емельянович — крестьянин с. Нижнего Облязова, Кузнецкого уезда, приказчик, социал-демократ (член правления);

Федоров Николай Петрович — мещанин гор. Самары, бухгалтер Репьевских мельниц в гор. Сызрани, социал-демократ (член правления);

---

[1] ГАУО, ф. 76, оп. I, д. 975, лл. 35, 78.
[2] Там же, л. 38.

Зубцов Яков Николаевич — юрист, в 1907 г. высланный из Пензы в Сызрань за принадлежность к социал-демократической партии (член правления);

Жегалов Степан Павлович — крестьянин с. Нижнего Облязова, Кузнецкого уезда, приказчик, социал-демократ (член правления);

Ерамасов Алексей Иванович — мещанин гор. Сызрани, социал-демократ (член правления);

Стрелков Александр Михайлович — техник-строитель, в 1907 г. выслан из Пятигорска в Сызрань за принадлежность к социал-демократической партии (член правления);

Тверитин Николай Васильевич — мещанин гор. Балашова, социал-демократ, ранее отбывал наказание в Вологодской губ., куда был сослан в 1907 г. (член правления);

Кажаев Василий Астапович — крестьянин с. Баевки, Хвалынского уезда, конторщик городского банка, социал-демократ (член правления).

Наиболее видную роль среди членов этой группы играл Н. П. Федоров. Он имел связи с партийными кругами в центре, с редакцией газеты «Звезда», получал руководящую партийную литературу. Ведя нелегальную работу, он часто выступал в легальной форме в газетах, на собраниях общества приказчиков, на родительских комитетах в школах и проч. с оппозиционными речами.

В феврале 1912 года из Самары в Сызрань переселился бухгалтер Константин Гаврилович Мясков. По определению жандармов, К. Г. Мясков «убежденный эс-дек и личность в политическом отношении весьма вредная.., осторожный, но энергичный и опытный пропагандист»[1]. В Сызрани Мясков вскоре примкнул к группе Федорова. По его инициативе начали устраиваться публичные лекции на различные темы с целью изыскания средств для помощи политическим ссыльным и заключенным. Мясков не ограничивался только легальными формами работы. Он создал из конторщиков и приказчиков кружок, с членами которого занимался у себя на квартире, проводя под видом занятий по счетоводству пропагандистскую работу.

В конце февраля 1912 г. в Сызрань приехала из Самары административно высланная туда из Петербурга Александра Степановна Тимофеева. В Сызрани она быстро установила

[1] ГАУО, ф. 885, оп. I, д. 1166, лл. 55, 56.

связи с Федоровым и Мясковым и на квартире у себя организовала занятия с частью членов кружка Мяскова.

Под влиянием большевиков в феврале 1912 г. приказчики г. Сызрани объявили протест против удлинения их рабочего дня. Собрание приказчиков по этому вопросу, состоявшееся 29 февраля, носило ярко выраженный революционный характер. Поводом к созыву собрания послужил законопроект комиссии Государственного совета об увеличении рабочего дня торгово-промышленным рабочим и служащим с 13 до 15 часов в будничные дни и о допущении торговли в праздники по 5 часов, а также обращение по этому вопросу Ярославского общества приказчиков. На собрании присутствовали до 300 чел. С резкими речами против законопроекта на собрании выступили Федоров, Стрелков, Вовк-Росохо и др. Выступавшие говорили, что «не просить, а требовать нужно сокращения рабочего дня, что просить бесполезно, только борьбой, а не просьбами можно добиться трудящимся равноправия, надо самим, могучим напором свергнуть сразу всех поработителей, выкинуть всех дармоедов, сидящих в Государственном совете».

Почти единогласно собрание приняло резолюцию следующего содержания:

«Общее собрание торгово-промышленных служащих города Сызрани **29 февраля 1912 года** в помещении общества приказчиков, обсудив предложения ярославского общества приказчиков от 7 февраля 1912 года об обращении к председателю и отдельным членам Государственного совета с ходатайством об оказании содействия на проведение через Государственный совет закона, нормирующего отдых торгово-промышленных служащих в смысле сокращения будничной торговли не более 12 часов и совершенного недопущения торговли в праздники, и принимая во внимание:

во-первых, что комиссия Государственного совета, рассматривавшая предварительно законопроект, постановила увеличить будничную торговлю до 15 часов в день и допустить торговлю в праздничные дни до 5 часов;

во-вторых, что Государственный совет, как и его комиссия, состоят из природных крепостников, привыкших, чтоб на них и дни и ночи работали крепостные, которых они до сих пор видят как в рабочих, так и в приказчиках и что члены Государственного совета принимают подобные решения совершенно сознательно;

в-третьих, что ходатайства перед подобными господами являются не достигающими никакой цели и унижающими наше достоинство, — постановило: выразить возмущение и протестовать против постановления комиссии Государственного совета и обратиться с просьбой о протесте в социал-демократическую фракцию Государственной думы и сообщить настоящую резолюцию ярославскому обществу приказчиков»[1].

Под резолюцией подписалось 273 человека. Копии ее были направлены социал-демократической фракции III Государственной думы и правлению ярославского общества приказчиков.

Вскоре же после собрания на общество приказчиков посыпались репрессии. 17 февраля симбирский губернатор телеграфно запросил сызранского полицмейстера: «Немедленно доставьте подробные сведения собрании 29 февраля клубе приказчиков, обратившемся, как официально донесено жандармским офицером, незаконный митинг, котором произносились речи явно революционного характера. Представьте объяснение, какие меры принимаются для привлечения виновных законной ответственности. Почему ни Вас, никого из полицейских чинов не было на собрании, когда о нем объявлялось «Сызранском утре»[2].

В ответ на эту телеграмму, сызранский полицмейстер 20 марта представил губернатору подробный рапорт о ходе и характере собрания. В свое оправдание полицмейстер писал: «Так как в городе никаких разговоров собрание не вызвало, то я за массою дел совершенно о нем забыл, в противном случае не преминул бы об этом случае поместить в отношении на имя Канцелярии Вашего превосходительства 11 марта...[3], так как резолюция собрания, подлинником при сем прилагаемая, может служить данным для закрытия означенного общества, пока не проявляющего открыто преступной деятельности, но которым не преминут воспользоваться преступные левые элементы во время будущих выборов в Государственную думу»[4].

В справке о сызранском обществе приказчиков, составлен-

---

[1] ГАУО, ф. 76, оп. I, д. 975, л. 30.

[2] Там же, л. 21.

[3] В отношении от 11 марта 1912 г. сызранский полицмейстер давал подробные сведения о деятельности общества приказчиков и его наиболее активных членах, принадлежащих к социал-демократической партии.

[4] ГАУО, ф. 76, оп. I, д. 975, лл. 23—24.

ной канцелярией симбирского губернатора в марте 1912 г., отмечается: «В данное время общество представляет из себя сплоченную организацию и требует за собою весьма тщательного наблюдения, так как в состав общества и его клуба вошло довольно значительное число лиц, сочувствующих революционному движению, всегда готовых, под прикрытием легального учреждения, вести противоправительственную пропаганду и стремящихся, по-видимому, использовать эту организацию в целях агитации при предстоящих выборах в Государственную думу... В связи с этим губернатор предложил общество закрыть»[1].

У ряда лиц, руководителей общества приказчиков Федорова, Стрелкова, Кажаева, Ашанина, Вовк-Росохо были произведены обыски. Против Стрелкова и Кажаева возбудили судебное преследование, обвинив их в выступлении с антиправительственными речами. Однако на суде жандармам не удалось подтвердить предъявленное обвинение. Все выставленные ими свидетели из приказчиков, которых на предварительном следствии удалось запугать и заставить подписать заранее сфабрикованные показания, на суде встали на защиту подсудимых, и последние были оправданы. Тем не менее Ашанин и Вовк-Росохо порядочное время просидели в тюрьме. Стрелков на непродолжительное время был отправлен в ссылку, а общество приказчиков и клуб при нем решением Симбирского губернского по делам об обществах присутствия от 5 апреля были закрыты.[2] Губернатор не разрешил даже собрать общее собрание для избрания ликвидационной комиссии. Ликвидация имущества и дел общества была поручена полиции. И только тогда, когда она не смогла справиться с оставленными обществом долгами, губернатор разрешил создать «благонадежную» ликвидационную комиссию.

В своем отношении в Департамент общих дел симбирский губернатор 30 мая 1912 г. сообщал: «29 февраля сего года, со стороны руководителей общества последовало открытое выступление социал-демократического характера, каковым и было вызвано закрытие общества. Несомненно, имея соответствующие директивы от Центрального Комитета Российской социал-демократической рабочей партии, сызранские представители названной организации Вовк-Росохо, Ашанин, Стрелков и прочие открыли, ввиду близящихся выборов в IV

---

[1] ГАУО, ф. 76, оп. I, д. 76, лл. 35, 38.
[2] Там же, л. 48.

Государственную думу, подготовительную кампанию к этим выборам. Первая попытка их в этом направлении — издание социал-демократической газеты «Сызранский труженик» (первый же номер которой был конфискован)... Потерпев такую неудачу в газетной пропаганде, сызранские социал-демократы решили использовать, в целях устной пропаганды, обсуждавшийся в Думе и Государственном совете вопрос о нормировке рабочего дня»[1].

Наиболее активная часть членов закрытого общества приказчиков обращалась в Сенат, к министру внутренних дел, к членам Государственной думы, пытаясь добиться разрешения на возобновление деятельности общества. Но в просьбе было отказано. Была также сделана попытка организовать новое «Профессиональное общество торгово-промышленных служащих г. Сызрани». Но и она не увенчалась успехом: власти не разрешили.

Дело было, конечно, не только в собрании 29 февраля. Гораздо страшнее для центральных и местных царских властей было то сплочение общественных сил, которое происходило вокруг общества приказчиков. Особенно власти стремились разбить это сплочение общественных сил перед новыми выборами в конце 1912 г. в IV Государственную думу.

С закрытием общества приказчиков большевики лишились важной легальной трибуны. Это лишение легальной трибуны особенно было ощутимо в период предвыборной и выборной кампании в IV Государственную думу. В одном из своих писем Н. П. Федоров закрытие общества приказчиков объясняет исключительно предвыборным маневром властей. Общество, указывал он, особенно дорого было к моменту избирательной кампании: оно располагало большим помещением для собраний, вокруг него могли группироваться оппозиционные элементы, которые рассчитывали провести своего кандидата по второй городской курии. Эту опасность прекрасно учитывали и местные власти. В 1912 году жандармский ротмистр неоднократно сообщал в губернский центр из Сызрани: рабочие к думе не расположены, население полевело и что местные избиратели во второй курии будут голосовать за левых.

Это предсказание, как увидим ниже, частично оправдалось, несмотря на все ухищрения местных властей.

Руководствуясь решением Пражской партийной конферен-

---

[1] ГАУО, ф. 76, оп. I, д. 975, лл. 80—81.

ции, большевики Сызрани, несмотря на огромные трудности, приняли активное участие в избирательной кампании в IV Государственную думу. Они выставили своего кандидата в выборщики по второй избирательной курии, выступали на предвыборном собрании избирателей. В газете «Сызранское утро» Н. П. Федоров поместил статью «Исповедь избирателя», призывавшую голосовать за большевистского кандидата. Большевики вели борьбу против кадетов.

Правда, по второй курии большевикам не удалось провести своего выборщика, но все же их кандидат собрал около 300 голосов из 800 голосовавших, что свидетельствовало о переходе большого количества избирателей от кадетов к большевикам. По рабочей курии в депо Сызрано-Вяземской железной дороги удалось провести выборщиками двух левых рабочих Черных и Каштанова, числившихся, по сведениям жандармов, агитаторами.

Работа большевиков Сызрани в период выборов в IV Государственную думу укрепила их связи с массами. Все свои усилия они направляют на то, чтобы организационно оформить большевистскую организацию. Запрашивают помощи у ЦК и большевиков Петербурга.

В 1913 г. работа большевиков г. Сызрани значительно оживилась. Продолжал нелегально работать кружок Мяскова-Тимофеевой. По инициативе Мяскова устраивались лекции, сборы от которых шли на помощь политическим ссыльным и заключенным. Организация лекций имела не только материальные цели, но и агитационно-пропагандистские. Так, например, Благовещенский читал лекцию на тему «Фальсификация главных предметов потребления и меры борьбы с ней». Название темы было маскировкой ее содержания, так как лектор говорил и о неминуемой гибели капиталистического строя, излагал основные положения экономического учения К. Маркса. В газете «Сызранское утро» было помещено письмо в редакцию Н. П. Федорова по поводу лекции Благовещенского, в котором еще раз повторялись основные мысли лекции. В № 166 газеты «Сызранское утро» была помещена статья «Август Бебель» за подписью П. Л.-в.

В этом же году, по имеющимся у жандармов сведениям, Н. П. Федоров собирал конспиративно деньги и отправлял их на имя И. К. Муранова для нужд партии большевиков. К 1913 году относится начало издания и распространения в г. Сызрани революционных прокламаций.

Первая прокламация была посвящена трехсотлетию ро-

мановской династии. Центральные и местные власти тщательно готовились к этому празднику, надеясь провести его в спокойной обстановке. Начальник саратовского губернского жандармского управления 13 февраля предупреждал начальника симбирского губернского жандармского управления: «В районе получены сведения о возможности в дни торжеств демонстративных выступлений революционно настроенных элементов. Ставя об изложенном в известность, прошу Ваше высокоблагородие, по соглашению с администрацией, принять меры к недопущению каких-либо выступлений учащейся молодежи и рабочих как 21 сего февраля, так и последующие дни торжества и о последующем не отказать ставить в известность район»[1].

Меры были приняты, но предупредить выступлений не удалось. В ночь на 21 февраля в г. Сызрани появились прокламации под названием «Романовский юбилей» (без обозначения организации). Ниже приводится полный текст этой прокламации:

«Романовский юбилей

В скором времени мы принуждены праздновать юбилей 300-летия дома Романовых. Что же дал нам этот паршивый род Романовых? Можем ли мы сердечно радоваться такой продолжительности и желать продолжения его и в будущем? Нет! Безусловно, нет! Татарщина, деспотизм, произвол — вот основные принципы правления. Невежество, темнота и бедность народа, мрак, царящий над землей, муки и страдания народа в течение 300 лет — вот его результаты. Вспомним мы те бесчисленные жертвы каприза и бессмысленного самодурства наших государей, которые заставляли погибать миллионы людей на далеких чужеземных полях, окропляя русской кровью чужие земли. Вспомним Крымскую войну, войны Павла и Екатерины и, наконец, позорную Японскую войну. Вспомним казни стрельцов при Петре. Вспомним все казни, пытки и застенки, начатые с древнего времени и до пыток и истязаний жандармами в наше время. Вспомним мы о избиениях 9 января, октябрьские дни усмирения. Все кровь и кровь без конца. Льется невинная кровь народа-страдальца. Земля вся пропитана кровью. Кровь невинных взывает к небу об отмщении. Вспомним мы все это и невольное чувство

[1] ГАУО, ф. 855, оп. 1, д. 1147, л. 18.

негодования злобы и ненависти закипает у нас в груди. Хочется остановить все и вернуть эти погибшие 300 лет. Хочется крикнуть на весь мир: «Довольно!» 300 лет вы мучили нас! Триста лет вы пили нашу кровь! Преклоните же теперь, проклятые вампиры, свои головы перед грядущей свободой, которую вы держали в застенках столь долгое время — И ДА ЗДРАВСТВУЕТ СВОБОДА!»[1].

Вначале жандармы считали, что прокламации «Романовский юбилей» завезены из другого города. Составители ее были найдены случайно через два месяца. Ими оказались члены кружка, которые группировались вокруг А. С. Тимофеевой. В конце апреля жандармский ротмистр получил сведения о том, что лица, находящиеся в тесных связях с А. С. Тимофеевой готовят первомайскую прокламацию. В ночь на 30 апреля был произведен обыск у А. С. Тимофеевой, ученика 7 класса реального училища Ю. С. Щеглова, приказчиков В. И. Воронцова, и Г. И. Верховцева и у конторщика С. И. Бугровского. У Тимофеевой был найден 1 фунт глицерина, очевидно, припасенный для изготовления гектографической массы, записная книжка, заметки, рукописи и переписка; у Воронцова — книги и переписка; у Бугровского — книга «Аграрный вопрос», заметки, рукописи и записки; у Щеглова — гектограф листового формата, только что залитый гектографической массой, невполне затвердевшей, стеклянная банка, наполненная гектографической массой, флакон гектографических чернил, приготовленная для печатания прокламаций чистая бумага, гектографированные 3 номера (1, 2, 3) ученической газеты под названием «ГАЗЕТА» (с припиской в скобках: «Советуем в училище не носить»), один экземпляр прокламации «Романовский юбилей» и один экземпляр прокламации с девизом «Смело, товарищи, в ногу, духом окрепнем в борьбе, в царство свободы дорогу, грудью проложим себе!»

«Давно уже не раздавался у нас этот могучий призыв, — заявлялось в этой прокламации, — и болото нашей жизни постепенно заглохло и поросло мохом и травой. Оно, конечно, жить сытой, спокойной буржуазной жизнью очень приятно, но проводить свой век в ничего неделании, заниматься флиртом и пустяками в то время, когда за стенами льется кровь, когда народ стонет от уже невыносимых страданий, когда за решетками и в цепях томятся сотни мучеников за народное

---

[1] ГАУО, ф. 855, оп. 1, д. 1175, л. 2.

дело, всю жизнь свою посвятивших служению народу — это подло, это низко и не достойно для порядочного человека. Ну что мы можем сделать? Нас мало, наше дело еще не пришло, — скажете вы, оправдываясь, как бы не потревожили вашего буржуйского спокойствия. Нет! Нас много! За нами пойдет свежих ратников строй! Мы — грядущая сила и правительство с тайным опасением и ужасом смотрит на нас. К чему все эти аресты и обыски среди молодежи и рабочих в последнее время? Разве это не указывает, что правительство чувствует себя слабым и что оно боится новой революции? Ободритесь, будьте увереннее в своих силах, вас боится правительство, на вас с надеждой на освобождение смотрят из-за решеток тюрьмы ваши братья! Знайте! Блеснет вдалеке молния, грянет гром и разразится страшнейшая гроза. Напрасно будут стараться заключить эту грозу в рамки, напрасно будут противодействовать этой народной буре, она все сомнет, все уничтожит.

Горе тому, кто попытается идти против нея, ее ничто не может удержать, но горе и тому, кто не проснется от своего тяжелого кошмарного сна для новой жизни!»[1].

Такие же прокламации были найдены и у Верховцева. Не являясь большевиком, Юрий Щеглов был тесно связан с Тимофеевой и другими большевиками, работал по их заданию. Можно полагать, что тексты прокламаций составлялись Тимофеевой с помощью Верховцева, Воронцова и других, а печатались они на квартире Щеглова и им же, по-видимому, разбрасывались в разных местах города.

Группа Тимофеевой была разгромлена. Воронцов, Бугровский и Щеглов были заключены в сызранскую тюрьму. Правда, вскоре их освободили впредь до окончания судебного следствия, а в отношении Тимофеевой и Верховцева симбирский губернатор 26 июля возбудил перед министром внутренних дел ходатайство об административной высылке их из пределов Симбирской губернии. Министр внутренних дел это ходатайство утвердил: над Тимофеевой и Верховцевым устанавливался на два года гласный надзор полиции, в избранном ими самими месте жительства, за исключением столиц и Симбирской губернии. Тимофеева избрала местом жительства г. Кузнецк, а Верховцев — г. Самару, куда они во второй половине октября 1913 г. и выехали[2].

---

1 ГАУО, ф. 855, оп. 1, д. 1178, лл. 1—2, 23, 32, 97.
2 Там же, лл. 2, 101, 108, 109.

Летом 1913 г. в Москве состоялся съезд представителей торгово-промышленных служащих. Делегатом из Сызрани на него был послан Н. П. Федоров. Как видно из жандармской переписки, Федоров во время работы съезда был арестован за принадлежность к социал-демократической организации. После пребывания в течение нескольких недель в тюрьме, он был выслан в Сызрань.

В августе 1913 г. в Сызрани, по примеру других городов, была организована больничная касса рабочих-мукомолов, переименованная позднее в больничную кассу мельничных рабочих и служащих. С первых же дней организации в больничной кассе большим влиянием пользовались большевики. Председателем кассы был избран К. Г. Мясков, секретарем — А. Е. Ананьев, а председателем ревизионной комиссии — Н. П. Федоров. Страховая кампания в Сызрани прошла от начала до конца под руководством большевиков.

Петербургский комитет РСДРП, пользуясь связями, старался на должности секретарей больничных касс направлять своих членов. Отвечая на неоднократные просьбы большевиков Сызрани о помощи, Петербургский комитет РСДРП в ноябре 1913 г. направил в Сызрань Анну Никифоровну Никифорову. Это была активная и опытная работница, член социал-демократической организации Петербургского городского района большевиков-ленинцев, организатор и член подпольной организации «Красного Креста» помощи политическим ссыльным и заключенным. Несмотря на свои 22 года, она уже дважды (в 1912 и 1913 гг.) подвергалась тюремному заключению в Петербурге. Хороший агитатор и организатор, Никифорова по приезде в Сызрань вступила в должность секретаря больничной кассы и сразу же принялась за партийную работу.

В «Записке отделения по охранению общественной безопасности и порядка в столице» на имя директора департамента полиции 30 ноября 1913 г. сообщалось: «По полученным агентурным сведениям, в настоящее время в г. Сызрани проживает, высланная в текущем году из С. Петербурга социал-демократка... Анна Никифоровна Никифорова, 22 лет, которая ныне состоит секретарем в больничной кассе какого-то завода или фабрики в Сызрани и является агентом Центрального Комитета Российской социал-демократической рабочей партии для городов Сызрани и, кажется, Симбирска или Самары»[1]. В дневнике агентурных сведений по г. Сызрани за 1913 г.

[1] ГАУО, ф. 855, оп. 1, д. 1168, л. 47.

значится: «29.XI. В последнее время в Сызрань из Петрограда прибыла на жительство Анна Никифоровна Никифорова.., выписана она через социал-демократическую фракцию Государственной думы специально заведовать больничной кассой и состоит в правлении общей больничной кассы сызранских мукомолов секретаршей; Никифорова — убежденная эс-дечка, годна как ораторша на митингах и собраниях. Правлением получается из С. Петербурга эс-дековская газета под названием «За правду», которую лица, стоящие близко к правлению, стремятся распространять между рабочими. Вообще надо полагать, что под флагом правления больничной кассы скрывается пропаганда рабочих в будущем»[1].

Первое время попытки Никифоровой наладить партийную работу терпели неудачу — не сразу удалось напасть на подходящих людей. В одном из своих первых писем из Сызрани к товарищам Никифорова жаловалась на тяжелые условия работы в Сызрани, считая, что сызранцев ничем не заинтересуешь. «За последнее время, — пишет она, — так много общественных событий, на которые всюду пролетариат старается откликнуться, а у нас ничего. Теперь вот выходит журнал в Петербурге «Вопросы страхования», я выписала сюда 50 экземпляров, так с трудом удается распространить. Предлагаешь — отвечают: да больно не охотен до чтения... Сколько времени бьюсь, чтобы сорганизовать страховой кружок, так из 800 человек не найти 8—10. Не желают. Что хочешь. Одну резолюцию только смогла провести — это о приветствии 6 депутатов за открытие «Вопросов страхования» и только правление приняло, а из членов никто. Тут написала резолюцию по поводу раскола во фракции, ну положительно никто — боятся принять участие. А то было так: я созвала здешних приказчиков, думаю, — более организованы, — у них было здесь свое общество и только прошлый год закрыли. Собралось человек 10. Ну, говорила о состоявшемся съезде приказчиков, об обществе, чтобы вновь организовать его, о поддержке журнала «Вопросы страхования» и о распространении его. Наконец, говорю о том, что нужно бы и газету читать рабочую (у меня было взято несколько номеров «За правду»)[2]. Беру газету и докладываю им о случив-

---

[1] ГАУО, ф. 855, оп. 1, д. 1168, лл. 41—42.

[2] Так как газета «За правду» выходила до 5 декабря 1913 г., то письмо Никифоровой следует отнести к периоду между концом ноября и началом декабря 1913 г.

шемся факте во фракции; обсудили все, высказались в большинстве за шестерку, предлагаю выработать резолюцию, принять и послать. Ну, сразу не стали писать, поручили написать мне, потом созвать их, они примут ее. Написала, созываю в намеченное время и место. И что же. Никто не явился. Так вот как здесь легко что-нибудь сделать. Ну, конечно, и думать нельзя о том, чтобы здесь провести какую-либо забастовку не только протеста, но даже чисто экономическую»[1].

Не найдя нужных ей людей среди приказчиков, А. Н. Никифорова обращает свое внимание на рабочих мельниц. Больничная касса, развертывая работу, привлекает к себе значительное число рабочих. С ними Никифорова ведет нелегальные разговоры, снабжает литературой. Круг сочувствующих расширяется. Больничная касса становится важным центром партийной работы.

Через некоторое время Никифоровой удалось выделить человек 7—8 наиболее сознательных и революционно настроенных из числа рабочих-мукомолов. Образовался кружок и среди приказчиков. Проводится соответствующая работа среди рабочих-железнодорожников. Вокруг Никифоровой организовалось руководящее большевистское ядро. В него вошли К. Г. Мясков, Н. П. Федоров, В. Я. Зубцов, Н. Д. Воздвиженский, Е. А. Фокеев и др. На первых порах сызранские большевики, во главе с Никифоровой и Мясковым, распространяли среди рабочих газеты «Правду» (в различных ее наименованиях) и «Зарю Поволжья», нелегальную литературу (которая, по сведениям департамента полиции, поступала из-за границы в адрес: гор. Сызрань, Большая улица, 2, Н. Е. Балахову), писали корреспонденции о жизни местных рабочих в газету «Заря Поволжья», в помещении больничной кассы организовывали лекции для рабочих.

В начале 1914 г. большевики Сызрани организационно оформились как группа. В нее вошли А. Н. Никифорова, К. Г. Мясков, В. Я. Зубцов, Н. П. Федоров, Н. Д. Воздвиженский, Е. А. Фокеев, А. Е. Ананьев, Ф. Н. Коротяев и др.

Вскоре деятельность большевистской группы обратила на себя внимание полиции. В ночь на 18 марта у Никифоровой и Мяскова были произведены обыски. При обысках было найдено: у Мяскова — переписка (521 письмо), уличающая его в принадлежности по убеждениям к социал-демократичес-

[1] ГАУО, ф. 855, оп. 1, д. 1207, лл. 9—10.

кой партии, рукописи, записки, газеты: «Путь правды» — 27 экз., «Северная рабочая газета» — 14 экз., «Заря Поволжья» — 4 экз., журнал «Вопросы страхования» — 24 экз., 16 различных книг по рабочему вопросу; у Никифоровой — записная книжка с адресами по различным городам, в том числе и по Симбирску, переписка (20 писем), рукописи, записки, газеты: «Путь правды» — 27 экз., «Новая рабочая газета» — 71 экз., «Северная рабочая газета» — 48 экз., «За правду» — 32 экз., «Пролетарская правда» — 22 экз., «Правда», «Заря Поволжья», «Вестник приказчиков», 67 книг по рабочему вопросу[1].

22 марта 1914 г. начальник симбирского губернского жандармского управления о результатах обысков донес в Департамент полиции. О Никифоровой и Мяскове завязалась переписка, о их политической благонадежности. Департамент полиции неоднократно запрашивал губернское жандармское управление «о результатах разрешения вопроса по ликвидации Сызранской социал-демократической организации», предлагая ускорить окончание переписки о Никифоровой и Мяскове в порядке положения о государственной охране[2].

Однако за отсутствием достаточных улик Никифорова и Мясков оставались на свободе. Они не прекращали активной партийной работы. Неудовлетворяясь распространением нелегальной литературы, члены большевистской группы взялись за печатание на гектографе листовок и прокламаций местного характера, распространяя их среди населения города. В руки жандармов первыми попали прокламации ко дню рабочей печати, отпечатанные и разбросанные по городу в апреле 1914 г. Прокламации призывали рабочих поддерживать свою печать. 28 и 30 апреля полиция обнаружила прокламации, посвященные дню 1 мая. 18 прокламаций было разбросано в трех местах у депо Сызрано-Вяземской железной дороги и 1 прокламация была обнаружена на лесной пристани Ашанина. Прокламации были двоякого содержания. 12 прокламаций с девизом: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь! В борьбе обретешь ты право свое!». Затем шел текст: «Товарищи! Скоро наступит ПЕРВОЕ МАЯ, наступит всеобщий рабочий праздник». Напоминая об этом, прокламация призывала рабочих к организации 1 мая забастовки. Затем в прокламации гово-

---

[1] ГАУО, ф. 855, оп. 1, д. 1207, лл. 4—5.
[2] Там же, лл. 11, 25.

рилось: «Сплотитесь, товарищи, и скажите: «Долой тиранов, прочь оковы. Страшись, трепещи венценосный палач, проклятием страны заклейменный. Только тогда настанет година свободы, сгинет ложь, сгинет зло навсегда и сольются в одно все народы в вольном царстве святого труда». Прокламация кончалась словами: «Да здравствует восьмичасовой рабочий день! Да здравствует рабочая солидарность!»[1].

Семь других прокламаций начинались словами: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь! Да здравствует восьмичасовой рабочий день! Товарищи, близится ПЕРВОЕ МАЯ — всеобщий рабочий праздник». В прокламации описывается бедственное положение рабочих, и они приглашались праздновать 1 Мая — свой рабочий праздник, чтобы тем самым подчеркнуть противоположность интересов между рабочими и капиталистами. Далее в прокламации говорится: «Кто занимает русский престол? Наемный самодержец, обманщик и душитель, именующий себя Николаем Романовым. Всем известно, что род Романовых давно прекратился, и на место них тайно посажен человек другой фамилии. И вот этот-то неизвестный господин нахально сидит теперь на русском престоле, окружив себя кучкой подлых министров и продажного духовенства. Все министры, цари и духовенство заботятся только о накоплении собственного кармана, а не о благе народа... Помните, товарищи, пока на престоле сидит палач, самозванец, грабитель, пока страной правят воры и кровопийцы, пока вас морочит духовенство, вы не увидите ничего, кроме рабства, нагаек, пуль и штыков». В прокламации имеются слова, призывавшие рабочих к борьбе с хозяевами, к ниспровержению существующего строя: «Они решили, — говорится в прокламации, — правдой и неправдой, силой и лестью обирать народ и держать его в рабском повиновении. Для грабежа народного труда и денег они поддерживают кровопийцев эксплуататоров, капиталистов. Когда же рабочие просят об улучшении своего правового и экономического положения, то их расстреливают. Так было 9 января в Петербурге, так было 4 апреля 1912 года на Лене... Теперь каждому рабочему ясно, что просьбой у душегубов министров и царя ничего не добьешься. Требовать с них надо улучшения своего положения, требовать 8-часового рабочего дня, требовать расширения политических прав рабочих. Поэтому организуйтесь, товарищи, и выступайте на борьбу с врагами в день 1 Мая, в день выступ-

[1] ГАУО, ф. 855, оп. 1, д. 1237, лл. 2, 3, 7.

ления рабочих всего мира... Долой кровавого монарха! Долой самодержавие! Да здравствует демократическая республика! Да здравствует социал-демократическая рабочая партия! Да здравствует 1-е МАЯ!»[1]

Кто же составил текст этих прокламаций и кто их отпечатал? Начальник симбирского губернского жандармского управления сообщал: «Во вверенном мне управлении имеются сведения, что первомайские прокламации, разбросанные в гор. Сызрани 28-го минувшего апреля, были отгектографированы на гектографе одним из конторщиков мельницы Ильина в гор. Сызрани (В. М. Киселевым.—**М. Г.**) и составлены Анной Никифоровной Никифоровой. В прокламациях почти целиком вписаны все призывы и лозунги, какие значились в первомайских прокламациях, разосланных Петербургским и Московским комитетами Российской социал-демократической рабочей партии. Такие прокламации Никифорова получила из Самары из редакции «Заря Поволжья», и они послужили ей материалом для составления местных прокламаций»[2].

Начальник жандармского управления не ошибся. Семь последних прокламаций можно отнести к издательству группы Никифоровой. Относительно же первых 12 прокламаций позволительно сомневаться, что они писались и редактировались такими опытными работниками большевиками, какими были Никифорова и Мясков. Да и к чему этой группе было выпускать в одно время прокламации с двумя текстами. Вероятнее всего считать, что первые 12 прокламаций были написаны каким-либо другим самостоятельным кружком, может быть кружком учащихся, а распространялись и те и другие одними и теми же лицами. Это видно из того, что обе прокламации были подобраны в одно и то же время, на одних и тех же местах.

Работа большевистской группы ширилась, авторитет ее рос. Группа решила зарегистрироваться в Петербургском комитете РСДРП и установить связь с ЦК. С этой целью А. Н. Никифорова 11 июня выехала сначала в Самару, а оттуда — в Петербург, передав руководство организацией Зубцову. Видя в лице Никифоровой опасного врага, симбирский губернатор 29 июня возбудил ходатайство об административной высылке Никифоровой в одну из северных губерний России. В середине июля Никифорова была арестована в редакции газеты

---

[1] ГАУО, ф. 855, оп. 1, д. 1237, лл. 8—9.
[2] Там же, л. 10.

«Правда», заключена в женскую тюрьму, а затем вместе с другими выслана на четыре года в Енисейскую губернию[1].

После Никифоровой работа большевистской организации не остановилась. Прокламации стали выходить за подписью Сызранского комитета РСДРП. Первая прокламация за этой подписью, попавшая в руки полиции, была распространена в ночь на 10 июля 1914 г. 11 экземпляров этой прокламации полиция обнаружила на линии Московско-Казанской железной дороги, против Пензенской улицы. В ней говорится о забастовке рабочих в Баку и Костромском районе. Сызранский комитет РСДРП призывал сызранских рабочих разобраться в создавшемся положении и подготовиться в недалеком будущем показать свою солидарность с рабочими всей России. Вот полный текст этой прокламации:

«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ТОВАРИЩИ!

Вот уже больше месяца, как бастуют рабочие Баку и Костромского района. Причины забастовки — низкая заработная плата, длинный рабочий день и отвратительные условия труда и жизни рабочих. Хозяева не хотят удовлетворить законные требования стачечников, а чтобы скорее прекратить забастовку прибегли в союзе с властями к насилию и подлости. Именно: стали расстреливать рабочих, бить их нагайками, сотнями сажать в тюрьмы, разослали по России агентов для набора штрейкбрехеров. Петербургские рабочие в знак протеста против творящихся ужасов и солидарности с избиваемыми рабочими устроили ВСЕОБЩУЮ ЗАБАСТОВКУ. Власти начали в Петербурге расстрел и избиение рабочих. РАБОЧАЯ КРОВЬ ЛЬЕТСЯ РЕКОЙ. И за что? Да за то, что рабочий класс хочет жить не хуже других классов. Сызранские товарищи рабочие должны разобраться в создавшемся положении вещей и подготовиться к тому, чтобы в недалеком будущем показать свою солидарность с рабочими всей России. Помните, товарищи, что близок час победы, помните — нынешний год превысил по числу политических забастовок революционный 1906 год. Близка не только всеобщая забастовка в Петербурге, но и во всей России. Скоро свергнут будет существую-

---

[1] ГАУО, ф. 855, оп. 1, д. 1207, лл. 45, 54, 63, 68.

щий строй и вместо КРОВАВОЙ МОНАРХИИ в России будет демократическая РЕСПУБЛИКА.

Организуйтесь же. Готовьтесь достойно встретить СВОБОДУ. Она БЛИЗКА. И приход ее устроит и ускорит ваша товарищеская организованность и солидарность.

Сызранский Комитет Рус. с.-д. Рабочей Партии»[1].

В эти же дни была отпечатана и разбросана по городу еще одна прокламация. Она призывала мельничных рабочих, в частности рабочих мельницы Стерлядкина, к борьбе за улучшение своего положения. «Товарищи, — говорилось в этой прокламации, — что вы спите? Что покорно гнете перед хозяином спину? Пора бы проснуться, да за дело взяться. Неужели вам так хорошо живется, что вы терпеливо и без отдыха в пыли и грязи работаете целыми днями и ночами. Берите пример со своих столичных товарищей, они не просят хозяев об улучшении условий труда, не просят у них прибавки, не потеют, как волы над машиной. Нет, они дружно, как один, бросают работу и **требуют** у хозяина исполнения своих **законных** требований, то есть они требуют сокращения рабочего дня, повышения заработной платы, отмены работы в праздники. И хозяева бессильны что-нибудь сделать с дружной семьей рабочих. Они уступают и таким образом рабочие остаются победителями. А вы, безумцы, хотите подлизыванием, доносами друг на друга, работами в праздники, сверхурочными работами улучшить свое положение. И так поступают почти все стерлядкинские рабочие. Опомнитесь, товарищи, приглянитесь к действиям хозяев. Ведь они только норовят с вас шкуру содрать. Смотрите, слепцы, скоро ваша мельница встанет на ремонт, и хозяева при расчете уволят вас... А вы все молчите, да друг на друга вину валите, смена на смену указываете. П-О-Р-А, пора объединиться и предъявить хозяевам свои законные требования. Торопитесь, иначе вас хозяева совсем поработят»[2].

По сведениям сызранского жандармского ротмистра, «прокламации с призывом к всеобщей забастовке в знак солидарности с бастующими рабочими иногородних районов печатались конторщиком торгового дома Ильина Николаем Алексеевичем Дедаевым, при непосредственном участии Александра Егоровича Ананьева, Константина Гавриловича Мяскова,

---

[1] ГАУО, ф. 855, оп. 1, д. 1236, л. 40.

[2] Там же, лл. 9—10.

Алексея Ивановича Жиганова, Михаила Петровича Пряничникова, Степана Федоровича Чернеева и Владимира Ермолаевича Кураева»[1]. Все они состояли членами сызранской большевистской организации.

В первой половине 1914 г. в Сызрани под влиянием работы большевиков было проведено четыре забастовки. В апреле несколько рабочих гвоздильного завода отказались от работы, предъявив требование особо оплачивать работу в ночное время. Остальные рабочие не поддержали забастовавших, и последние были уволены.

8 мая забастовали рабочие типографии «Печать». Причина забастовки — несвоевременная выплата заработной платы. Результаты забастовки не известны. Неудачно кончилась забастовка рабочих мельницы Ильина, которая проходила в июле на почве экономических требований. Зато дружно и удачно прошла забастовка рабочих на мельнице Стерлядкина. Этой забастовкой непосредственно руководили большевики. Хозяин вынужден был полностью удовлетворить требования рабочих.

Окончательное оформление группы сызранских большевиков в Комитет РСДРП произошло после приезда в Сызрань в июле 1914 г. М. К. Муранова—члена большевистской фракции в IV Государственной думе. Как известно, члены большевистской фракции Государственной думы не ограничивали свою деятельность только работой в Думе. Они бывали на заводах и фабриках, выезжали в рабочие центры страны с докладами, устраивали тайные собрания, на которых разъясняли решения партии, создавали новые партийные организации. Большевики — депутаты Думы умело сочетали легальную деятельность с подпольной работой.

В июне 1914 г. по поручению ЦК партии М. К. Муранов выехал на Урал для налаживания партийной работы. Проведя там большую работу по укреплению большевистских организаций, Муранов выехал в Пермь. Побывал в ряде других городов. 16 июля он нелегально прибыл в Сызрань. По случаю его приезда за Монастырской горой была организована нелегальная сходка, на которую собралось до 70 человек. По тому времени — это целое событие. Муранов выступил на сходке с докладом о думской работе. С речами выступили Зубцов и другие члены большевистской организации.

Судя по записной книжке Муранова, он нашел в Сызрани

---

[1] ГАУО, ф. 855, оп. 1, д. 1236, л. 18.

вполне оформленную большевистскую организацию. С помощью Муранова большевистская группа окончательно была реорганизована в Сызранский комитет. Муранов снабдил Комитет инструкцией, литературой, уточнил явки для конспиративных сношений[1]. По мнению отдельных членов сызранской большевистской организации тех лет, «Муранов привил сызранским большевикам страшную ненависть к ликвидаторам. После его посещения, сызранские большевики стали презирать не только все ликвидаторское, но и все умеренное, всех, служащих делу освобождения народа, постольку, поскольку это служение не задевало их шкуры»[2].

Помощь, оказанная Мурановым большевикам Сызрани, сыграла большую роль в работе Сызранского комитета РСДРП, который усилил свою деятельность в больничной кассе и в других легальных организациях. В больничной кассе, как и в предыдущие годы, читались лекции по рабочему вопросу. Читались также публичные лекции. Важное значение большевики придавали изданию и распространению революционных прокламаций. Между 17 и 20 июля была распространена прокламация за подписью «Сызранский комитет Рос. с.-д. рабочей партии». Она призывала местных рабочих к всеобщей стачке. Это была первая прокламация после пребывания Муранова в Сызрани.

В сложной обстановке, начавшейся империалистической войны, большевики Сызрани с первых же дней без колебаний заняли интернационалистскую позицию. Они решительно выступили против войны и призывали в своих прокламациях к свержению самодержавия и установлению демократической республики. Первая антивоенная прокламация была выпущена 20 июля, на другой день после объявления манифеста о войне. Экземпляры прокламации были расклеены в различных местах города, на стенах и заборах. Местами экземпляры прокламации наклеивались на царских манифестах о войне, причем оставались на виду только начальные слова манифеста: «Мы, божьей милостью», а дальше следовал текст прокламации с ее девизом — «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ТОВАРИЩИ!

Вы, конечно, помните Русско-японскую войну, помните, как много на ней без пользы пролито русской крови. После войны

---

[1] ГАУО, ф. 855, оп. 1, д. 1271, лл. 45—50.
[2] Там же, ф. 2132, оп. 2, д. 19, л. 82.

народ, возмущенный поведением кучки народогубителей — министров и царя, просил у них учреждения нового народного правительства, которое не стало бы без нужды проливать кровь трудящегося люда. На просьбы народа министры и царь ответили пулями.

Снова полилась рекою кровь. И только после многочисленных кровопролитий удалось вырвать у правительства Государственную думу, но в нее попали не представители народа, а представители и прислужники тех же подлых министров и царя. И эта Дума почти за десять лет своего существования все время отягощала его введением новых налогов.

Теперь возникает новая война — возникает по простой прихоти той же кучки министров и царя. Конечно, вас в телеграммах и подлых хозяйских газетенках будут уверять, что Россия не хотела войны, но это наглая ложь. Россия сама ввязалась в войну. Но как бы там ни было, германский народ тоже не хочет войны — ведь рабочие Германии устраивали многочисленные собрания, на которых протестовали против войны и против короля и министров, развязавших войну. Поэтому, товарищи, не верьте полицейским прислужникам, устраивающим манифестации с криками «Ура», «Долой Германию, долой Австрию!» Зачем нам кричать «Долой Германию и Австрию», когда главная часть их населения — трудящийся люд не хочет войны, так же как и русский народ. Значит, все дело-то заварили кровопийцы министры и царь, которые благодаря войне наживают массу денег. Вас же еще больше угнетут, поработят, обложат еще большими налогами. Сейчас уже вводят новые налоги, а ваши семьи, лишенные кормильцев, будут их платить, вас же уж начали морить голодом, а на войне и подавно неделями будут держать без хлеба. Да половина вас, а то и больше поляжет на полях сражения. Такая убыль народа приведет к еще большему обнищанию и угнетению трудящегося люда. Ведь вы же видите, как у вас мало земли, как угнетаются рабочие и как вашим потом и кровью жиреют купцы, министры и царь. Поэтому вы должны кричать не долой Германию и Австрию, а долой существующее правительство и строй и да здравствует новое, народное правительство. Но одним криком не добьешься народного правительства — добьешься его только взаимной дружбой, сплоченностью, солидарностью. Поэтому, товарищи, сходитесь друг с другом и готовьтесь всем сразу потребовать нового порядка в стране. Для успешного достижения этого нужно отказываться идти в бой, требовать прекращения вой-

ны, не дайте одурачить себя так, как вас одурачили в 1905 году. После войны не сдавайте оружия, не бейте рабочих, которые начнут бастовать. Ведь рабочие и солдаты — братья друг другу: нынче рабочий на заводе работает, а завтра он уже взят в солдаты, наоборот, сегодня солдат стреляет в рабочего, а завтра выходит в запас и становится за рабочий станок. Поэтому соединяйтесь после войны с рабочими и крестьянами и вместе с ними и с оружием в руках требуйте, чтобы страной правили не министры, а народ через своих выборных. Под угрозой оружия старое правительство перестанет властвовать и Россия будет цвести уже для блага всего народа. Вместе с Россией будут развиваться и богатеть уже не кучки паразитов купцов, министров, царей, а весь народ.

Благо России будет благом всего народа!

Скорее же, товарищи, за дело! Помните, ваш путь к лучшей жизни и ваши лозунги: ДОЛОЙ СУЩЕСТВУЮЩЕЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО И САМОДЕРЖАВНЫЙ СТРОЙ!

ДОЛОЙ ВОЙНУ!!!

ДА ЗДРАВСТВУЕТ НАРОДНОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО И НОВЫЙ СТРОЙ — ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА!

ДА ЗДРАВСТВУЕТ РОС. С.-Д. РАБОЧАЯ ПАРТИЯ!

СК РСДРП»[1].

21 июля, в противовес революционному призыву, местные власти организовали «патриотическую» манифестацию во главе с полицейскими чинами, с портретом царя и пением «Боже царя храни». Манифестация получилась немноголюдной. А в следующие дни полиция решила во что бы то ни стало покончить с революционерами.

3 августа были произведены обыски. У Мяскова, Дедаева, Жиганова, Прянишникова, Кураева, Чернеева и др. 8 августа был произведен обыск у Ананьева. Часть большевиков вынуждена была спешно уехать из Сызрани. О Мяскове была начата переписка в порядке охраны — об исследовании степени его политической благонадежности. Симбирский губернатор запретил Мяскову пребывание в пределах Симбирской губернии. Местом жительства Мясков избрал Самару, куда он и выбыл 8 сентября[2]. Но и после этого Мясков не прекращал своих связей с большевистской организацией Сызрани.

Полицейские репрессии не ослабили деятельности больше-

---

[1] ГАУО, ф. 855, оп. 1, д. 1236, л. 46.

[2] ГАУО, ф. 855, оп. 1, д. 1207, лл. 63, 70.

вистской организации. В ночь на 13 августа Сызранский комитет РСДРП распространил по городу вторую антивоенную прокламацию, в которой разоблачались коварные происки местных черносотенцев и полиции, стремящихся посеять панику среди населения и отвлечь его от революционной борьбы. Прокламация призывала трудящихся к борьбе с войной и царским самодержавием. Приводим текст этой прокламации:

«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ТОВАРИЩИ!

Черносотенцы вместе с подлой полицией разбросали письма, в которых говорится о том, что в Сызрани будет пожар. Не верьте этому, так как это только народогубительное правительство старается обмануть вас и сделать с вами то же, что и в 1905 году. Оно старается отвести вам глаза. Вы хотите бить своих же товарищей, подозревая их в поджигательстве. Нет, не они поджигатели и губители ваши. Поджигатели и губители — министры, царь и все подлое правительство. Слепцы, разве вы не видите, что ваших детей, мужей и братьев отправляют на войну для того, чтобы защищать кровопийцу царя. Ведь русскому народу война не нужна, жить ему есть где, а на Россию никто не думает нападать. Царь же со своими прихвостнями бесится с жиру, из-за чепухи затевает войну, обрекая сотни тысяч людей на верную смерть. Вы должны не поджигателей среди своих искать и бить, а дружно сплотиться и усиливать забастовки в знак протеста против войны. Бастуйте, не идите на войну, свергайте кровавую монархию и заменяйте ее демократической республикой, только тогда будет в России мир и тишина.

ДОВОЛЬНО КРОВИ, ДОВОЛЬНО НЕВИННЫХ ЖЕРТВ, ДОЛОЙ КРОВАВУЮ МОНАРХИЮ — ПРИЧИНУ ВСЕХ НЕСЧАСТИЙ РОССИИ. ДА ЗДРАВСТВУЕТ ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА! ДА ЗДРАВСТВУЕТ РОСС. С.-Д. РАБОЧАЯ ПАРТИЯ!

Сызр. Ком. Р С Д рабочей партии»[1].

Охранке не удалось изолировать большевистские организации от рабочего класса и уничтожить их. Преодолевая трудности военного времени, ЦК партии восстанавливал свя-

---

[1] ГАУО, ф. 855, оп. 1, д. 1236, л. 40.

зи с местными организациями. Уже осенью 1914 г. Сызранский комитет через Муранова установил связь с Русским бюро ЦК. Помимо выпуска местных прокламаций, Комитету в сентябре—октябре удалось получить из Петрограда в адрес члена сызранской большевистской организации Зинаиды Лазаревны Юрковской 4 ценных посылки с революционной литературой весом в 47 фунтов, среди которой были тезисы Ленина о войне и манифест ЦК РСДРП(б)[1].

Гениальные работы В. И. Ленина, директивы и руководство ЦК имели решающее значение для всей большевистской работы. Ленинское руководство вселяло уверенность в победе, помогало преодолевать неимоверные трудности, возникшие в условиях войны, обеспечивало большевикам правильную ориентировку.

В связи с судом над членами большевистской фракции IV Государственной думы, Сызранский комитет РСДРП(б) развернул широкую агитацию среди рабочих, призвав их к протесту против осуждения большевистских депутатов.

Начальник симбирского губернского жандармского управления дает следующие сведения о деятельности большевистской организации за 1914 г.: «Установлено, что в 1914 г. в гор. Сызрани были отдельные разрозненные члены РСДРП, которые с течением времени сплотились в группу, в которую вошли: Никифорова, Мясков, Зубцов, Воздвиженский, пом. машиниста мельницы купца Стерлядкина, Егор Александрович Фокеев, Ананьев, Федоров.

За высылкой из Сызрани Никифоровой в Енисейскую губ., а Мяскова из пределов Симбирской губ., в кружок вошли еще 2—3 чел., имеющие второстепенное значение, из служащих товарищества пекарей. С прибытием в Сызрань из гор. Петрограда на должность секретаря больничной кассы Воинова[2], руководство в организации осталось за Воиновым, который путем переписки поддерживал сношения с с. д. г. Самары и вместе с Федоровым вел агитацию среди рабочих в целях протеста по поводу осуждения правительствующим сенатом чле-

---

[1] ГАУО, ф. 855, оп. 1, д. 1271, л. 50.

[2] Иван Иванович Воинов до 1914 г. дважды побывал в ссылке за политическую неблагонадежность. В середине 1914 г. он прибыл в Сызрань в административную ссылку из Петрограда и с 29 августа занял должность секретаря больничной кассы, а в большевистской организации роль руководителя. Но Никифорова в одном из своих писем из ссылки предупреждала большевиков Сызрани, чтобы они ему особенно не доверяли. Она подозревала его в провокаторстве.

нов IV Государственной думы — с. д. фракции. Юрковская служила посредником для сношения организации с заграницей, по ее адресу имелось в виду получать корреспонденцию из-за границы, на ее же имя получались посылки из Петрограда с нелегальной литературой. Кружок этот сформировался, получив наименование Сызранский комитет с. д. р. партии, лишь с приездом члена социал-демократической фракции IV Государственной думы Муранова 16 июля 1914 г... Зубцов же в день приезда Муранова в Сызрань устроил и созвал сходку рабочих за Монастырской горой, на которой было от 60 до 70 рабочих. На этой сходке были также Воздвиженский, Ананьев, Фокеев, конторщик конторы купца Пережогина Мих. Петр. Прянишников и др. На сходе говорили речи Муранов и Зубцов. Деятельность Сызр. гр. РСДРП выражалась: от времени до времени в помещении больничной кассы, Зубцов читал лекции по рабочему вопросу. На лекциях этих присутствовали члены организации, а также сочувствующие им. В октябре 1914 г. устраивались совещания, где решался вопрос о посылке в Петроград, на конференцию Рос. соц.-демокр. фракции своего делегата — Ананьева, но он послан не был за отсутст. денег. Летом 1914 г. организацией были выпущены прокламации к текущим событиям: к 1 мая, забастовочным движениям в России, объявлению войны. Прокламации были составлены Зубцовым, а гектографированы с помощью Дедаева и Коротяева у Воздвиженского на квартире, ими же и распространялись в гор. Сызрани. Выпуск последних прокламаций был вызван арестом депутатов — членов IV Гос. думы — с.-д. фракции, а также местью за последовавшее увольнение из реального уч-ща Зубцова»[1].

Все вышеизложенные данные о деятельности сызранской большевистской организации жандармам стали известны позже, в 1915 г. В 1914 же году жандармы хотя и чувствовали, что в Сызрани кто-то ведет революционную работу, но не могли напасть на след революционеров. Неоднократные обыски у большевиков не давали положительных результатов. Все попытки выяснить лиц, печатавших прокламации, кончались неудачей. Даже Департамент полиции забраковал данные сызранских жандармов.

Насколько конспиративно велась нелегальная работа, видно даже из того, что сызранские жандармы не хотели признать существования в Сызрани Комитета РСДРП. Вот что

---

[1] ГАУО, ф. 855, оп. 1, д. 1271, лл. 45—46.

писал по этому поводу жандармский ротмистр 5 декабря 1914 г.: «...о существовании в Сызрани Сызранского комитета Российской социал-демократической рабочей партии никаких сведений не имелось и не имеется с 1906—1907 годов, а лишь только что в Сызрани наблюдались отдельные второстепенные, малосознательные члены этой партии и что произведенными обысками в Сызрани у лиц, навлекавших подозрение в принадлежности к этой партии, ничего относящегося к существованию Комитета Рос. соц.-демокр. раб. партии, не оказалось, и что, таким образом, подпись, как якобы от Сызранского комитета РСДР партии, является самозванческой»[1].

В декабре 1914 г. Комитет выпустил еще одну антивоенную прокламацию под названием «К народу». Она была разбросана в разных местах города и в гарнизоне.

В 1915 г. работа большевиков усиливается. Занимались кружки, состоящие из реалистов. Занятия этих кружков посещали и рабочие, в том числе железнодорожники. Выпускались гектографированные прокламации.

16 февраля 1915 г. жандармами вновь было найдено 26 штук гектографированных прокламаций, разбросанных в разных местах города, в том числе в расположении 687 Симбирской дружины. Прокламации призывали к свержению самодержавия и окончанию войны. «Оружие в руках, свергайте царское самодержавие, учреждайте свое народное, заключайте мир. Пора положить конец кровавой бойне. Долой самодержавие! Да здравствует демократическая республика!», — призывала прокламация[2].

В марте выпускается еще одна прокламация «К солдатам». Она была распространена по всему городу и особенно в местах расположения воинских частей.

У жандармов были сведения, надо полагать, полученные через Воинова, что февральско-мартовские прокламации печатались Дедяевым и Коротяевым и гектографировались Н. Воздвиженским. В связи с этим 6 апреля были произведены обыски у Зубцова, Воздвиженского, Коротяева, Федорова и А. П. Красильникова; обыску подверглось также и помещение правления больничной кассы. Первых троих арестовали и заключили в тюрьму, несмотря на то, что никакого материала, доказывающего их причастность к выпуску прокламаций не было найдено. В связи с репрессиями часть партийных ра-

---

[1] ГАУО, ф. 855, оп. 1, д. 1236, л. 53.
[2] Там же, л. 8.

ботников вынуждена была из Сызрани выехать. Большевистской организации был нанесен тяжелый удар. Провал этот, несомненно, дело рук Воинова. Перед обыском он скрылся из Сызрани и больше туда не возвращался.

В тюрьме спасовал Зубцов, решив дать откровенные показания. Он вызвал в камеру жандармского подполковника и заявил ему, что намерен дать показания: о Сызранском комитете РСДРП; о первоначальном составе его; о деятельности его; о настоящем положении в комитете; об ответственном организаторе самарской организации; о местонахождении Ник. Белова, скрывавшегося из-под гласного надзора полиции. Эти показания Зубцов обещал дать только при том условии, если он сам, Воздвиженский и Коротяев будут выпущены из тюрьмы. Только оплошность жандармского подполковника привела к тому, что охранка не получила эти сведения в это время. Подполковник предложил Зубцову занести эти сведения в протокол дополнительного допроса, но Зубцов отказался это сделать.

В начале 1917 г. обнаружилось, что Зубцов в конце 1916 года перешел на службу в охранку. Будучи членом сызранской большевистской организации, он давал в охранку сведения о ее деятельности. Это стало известно ЦК партии, который предложил сызранскому комитету РСДРП разобраться в этом деле. Была создана партийная следственная комиссия. Зубцов подвергся партийному суду. Суд оправдал Зубцова, но ЦК партии остался недовольным этим решением. Вопрос о Зубцове до сих пор остался полностью не выясненным[1].

20 и 22 апреля 1915 г. были произведены обыски на квартирах у Ананьева и Юрковской. У Ананьева найдена переписка его с Мясковым, проживающим в Самаре, свидетельствующая о «его политической неблагонадежности»; у Юрковской никаких уличающих ее материалов не обнаружили. Ананьев был заключен под стражу, Юрковская оставлена на свободе[2].

Над Воздвиженским, Коротяевым, Дедаевым и Ананьевым был установлен гласный надзор полиции на 2 года в г. Сызрани; переписку о Федорове, как состоящем уже по постановлению особого совещания при МВД от 28 марта 1915 г. под гласным надзором полиции, прекратили, оставив в силе названное постановление; переписка о Юрковской также была прекращена[3].

---

[1] ГАУО, ф. 855, оп. 1, д. 1271, лл. 52—53.
[2] Там же, л. 25.
[3] Там же, лл. 66, 67.

После апрельских репрессий деятельность сызранской большевистской организации фактически прекратилась. Правда, в конце мая полиция вновь обнаружила на Ильинской улице пять прокламаций. В жандармских делах этих прокламаций не сохранилось, поэтому трудно определить, к какому времени они относятся. Если жандармы правильно сообщают о ее содержании, упоминая об отравлении рабочих в Риге и Петрограде, то можно сделать вывод, что прокламация выпущена в конце марта или в начале апреля, т. е. после массовых отравлений рабочих на ряде заводов в Петрограде, которые были в марте 1914 г. Распространение их в Сызрани в мае 1915 г. не являлось результатом систематической большевистской работы.

Организационно-оформленная деятельность большевиков Сызрани возобновляется лишь в конце 1916 г., что было опять-таки связано с присылкой в Сызрань из Петрограда на работу секретаря больничной кассы Ек. Титовой.

1916 год является годом быстрого высвобождения трудящихся из-под «патриотического» влияния. Тяжесть кровавой войны сказывается на населении все с большей и большей силой. Растет дороговизна, нужда. На фронт отправляются все новые и новые массы. С фронта приходят отпускники, калеки, несущие в население антивоенные настроения. Город наполняется массами солдат-новобранцев и беженцев. На 20 мая 1916 г. в Сызрани насчитывалось около 2000 беженцев, а в уезде — свыше 9000. Среди населения усиливались антивоенные и антиправительственные настроения. «Среди крестьян и рабочих, — сообщали жандармы, — идут усиленные толки о мире». Эти «толки» переходили в широкое недовольство.

Летом 1916 г. по городам Поволжья прокатилась волна продовольственных волнений. 22 июля толпа женщин в Сызрани ходила по магазинам, прося отпустить сахарного песку. Из толпы раздавались возгласы, что и в Сызрани дождутся такого же погрома, как и в других городах. В лавках и магазинах не хватало хлеба и муки, а сызранские мукомолы отправляли баржи хлеба в другие города и продавали его на рынке по спекулятивным ценам.

В июле вспыхнуло недовольство на железной дороге.

К депо Сызрано-Вяземской железной дороги были прикомандированы 123 рабочих—беженцы с Привисленских железных дорог. Они получали двойную зарплату: прежнюю и новую, по месту прикомандирования. В июле им отказали в выдаче прежней зарплаты. 23 рабочих заявили, что с 1 августа

они на работу не выйдут, если прежняя зарплата не будет выплачена. 8 рабочих, из заявивших протест, были арестованы, а 11 — направлены к коменданту.

В Сызрани складывались благоприятные условия для революционной работы. В конце 1916 г. силы большевиков, разгромленные в 1915 г., вновь начинают собираться. В городе появляется ряд студентов, призванных в армию и произведенных в прапорщики. К ним примкнули и те студенты, которые ждали призыва. Образовалась внушительная группа. В нее вошли прапорщики 100 пехотного запасного полка: М. Воздвиженский, А. Владимиров, А. Климушкин, Н. Суханов, А. Шмелев, Л. Неклюдов (прапорщик 239 пехотного запасного полка), а также студенты Петровско-Разумовского сельскохозяйственного института — П. Ионов, Петроградского политехникума — П. Заварзин, Казанского университета — В. Табенцкий, Киевского коммерческого института — Е. Тарасов и И. Маров. Все они — жители Сызрани. В эту же группу из прежнего состава большевистского комитета вошли Н. Воздвиженский и другие. Назвали они свою вновь организованную группу «Инициативной группой РСДРП».

В жандармских документах сказано: «После ликвидации в апреле месяце 1915 года образовавшейся в Сызрани группы социал-демократов, оставались только отдельные лица, организации не было, чему способствовал провал бывшего члена Государственной думы Муранова, с ликвидацией коего связь с центром была прервана.

Без связи с центром организация не есть организация, а, так сказать, группа, которой другого наименования нет, как «Инициативная». С течением войны, в войска были призваны студенты, которые сперва зондировали почву и, будучи недовольны призывом их на военную службу, стали подходящим элементом для агитации, являясь готовыми на борьбу с теми, кто их призвал. Вследствие этого студенты, произведенные в прапорщики, а равно и оставшиеся еще студентами, начали лихорадочно организовываться, образуя смешенные студенческо-офицерские группы.

Одна из таких групп, при наличии в Сызрани огромного количества войск, и объявилась здесь, присвоив себе наименование «Инициативной»...[1]. Этот документ датирован 31 января 1917 г.

Следовательно, зарождение этой группы можно отнести ко

---

[1] ГАУО, ф. 855, оп. 1, д. 1375, лл. 8—9.

второй половине 1916 года. «Инициативная группа» образовала фонд, путем отчисления из жалования и разных случайных поступлений, как, например, сборы под тем или другим предлогом. Особой квартиры для собраний группа не имела, собиралась у прапорщика Воздвиженского, жившего за городом, у кладбища, а также у прапорщиков Борисова и Ионова. По словам того же документа, члены этой группы, «ознакомившись с руководящим началом партийной доктрины и усвоив себе тактику социал-демократии, они решили, будучи настроены, работать, вести агитацию в войсках и в народе в широком масштабе». В руководящее ядро большевистской группы вошли Ек. Титова, Воздвиженский, Табенцкий, Ионов, и Шмелев. При этом ядре работал кружок реалистов. Штабом партийной работы служила больничная касса. Большевистская группа имела гектограф, склад оружия, большое количество литературы и намеревалась организовать свою типографию. Руководители группы мечтали не только о создании большевистского комитета в Сызрани, но предполагали организовать районную Поволжскую большевистскую организацию с центром в Сызрани[1].

В ночь на 5 декабря 1916 г. большевистская группа распространила по городу плакат с надписью: «Долой войну! Граждане, требуйте мира!». Один такой плакат был обнаружен городовым 1-й части г. Сызрани на заборе городского сада, близ канцелярии воинского начальника[2].

В ночь на 9 января 1917 г. «Инициативная группа» отпечатала антивоенную прокламацию и распространила ее в большом количестве в городе и в местах расположения войск. Ниже приводится полный текст этой прокламации.

«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ТОВАРИЩИ!

Сегодня, 9 января, исполнилось 12 лет со дня кровавой расправы русского правительства с обезоружным народом, шедшим просить у царя хлеба и воли. Царь и его министры на просьбу народа ответили пулями. Десятки тысяч людей были убиты на Дворцовой площади. Среди убитых были женщины и дети. Этим правительство раз навсегда сказало

---

[1] ГАУО, ф. 2132, оп. 2, д. 19, лл. 80—81.
[2] Там же, ф. 76, оп. 1, д. 822, л. 33.

народу, что просить у него лучшей доли бесполезно. Но жить так, как хочет царское правительство, невозможно. Уже более двух лет льется кровь. Миллионы людей погибли на войне. Миллионам жен и детей защитников родины грозит голод. На просьбы народа о хлебе, о мире, царь и его министры отвечают усилением полиции и заключением в тюрьмы людей, выступивших против дороговизны и спекуляции хищников-купцов. Как в 1905 году 9 января народ не добился ничего мирным путем, так не добьется и теперь.

Товарищи! Довольно молчать и терпеть! Пора освободиться от преступного правительства, пора прекратить бесполезную войну. Ведь она и в случае победы ничего не даст, кроме нищеты и бесправия. Долой же ее! Организуйтесь в политические партии. Запасайтесь оружием. Не отдавайте винтовок. Время не ждет. Долой подлых министров и изменника царя!

Да здравствует революция!

Да здравствует демократическая Республика!

Инициативная группа социал-демократов»[1].

Прокламация была напечатана на гектографе в помещении больничной кассы Ионовым и Табенцким. Распространяли прокламации: Шмелев в 100 пехотном запасном полку; Рябов, Рот и Соловьев — за р. Крымзой; Титова — в центре города. Часть прокламаций была направлена в Карсунский уезд, в село Жадовку и окружающие деревни и села, на фабрику Протопопова и в другие места[2].

Жандармы попытались в самом зародыше ликвидировать большевистскую группу в Сызрани. 27 января был обыск у Шмелева, Суханова, Владимирова, Климушкина и Неклюдова, не давший уличающих материалов об их участии в составлении и распространении прокламаций. Однако некоторые члены группы были арестованы и высланы.

В феврале Шмелев и Владимиров составили и отпечатали новую прокламацию за подписью — «Группа офицеров социал-демократов». Прокламация была расклеена Воздвиженским, Алексеевым, Шмелевым и Владимировым в городе в ночь на 1 марта[3].

Во время расклейки прокламации полиция задержала Воздвиженского, Рота и Рябова. Начались новые обыски и аре-

---

[1] Партархив УО, ф. 57, оп. 1, д. 120, л. 2.

[2] ГАУО, ф. 2132, оп. 2, д. 19, л. 80 и ф. 855, оп. 1, д. 1375, л. 9.

[3] Там же, ф. 855, оп. 1, д. 1375, лл. 15—16, 19 и ф. 2132, оп. 2, д. 19, л. 80.

сты. Но громить революционеров было уже поздно. Под руководством партии большевиков революционные рабочие и солдаты Петрограда 27 февраля свергли самодержавие. Под могучими ударами буржуазно-демократической революции рухнуло и распалось залитое кровью и грязью здание романовской монархии, пали оковы царского деспотизма, душившие народы России более трех столетий. 3 марта 1917 г. могучие волны революции докатились до Сызрани.

Таков исторический путь, с честью пройденный большевистской организацией Сызрани. После победы Февральской буржуазно-демократической революции большевики Сызрани вышли из подполья и, руководствуясь указаниями В. И. Ленина и директивами ЦК партии, возглавили революционную борьбу трудящихся масс города и уезда за власть Советов.

И. С. РОМАШИН,
кандидат исторических наук

УСТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В СИМБИРСКОЙ ГУБЕРНИИ[1]

ВВЕДЕНИЕ

В эти знаменательные дни весь советский народ и все прогрессивное человечество, отмечая славное сорокалетие Великого Октября, подводят итоги огромным преобразованиям, происшедшим в нашей стране за годы Советской власти.

За эти годы, благодаря героическому труду советских людей, неузнаваемо изменилась наша страна, изменился облик нашей области и города. Эти изменения произошли благодаря установлению рабочими и крестьянами России Советской власти. Отсюда понятен интерес трудящихся нашей области и политически важно знать, как и в каких условиях происходило становление Советской власти в Симбирской губернии, какие особенности и трудности здесь имелись, как наша партия организовала победу Советской власти.

В настоящем докладе ставится задача показать путь под-

---

[1] Сокращенная стенограмма доклада, сделанного 3 ноября 1957 г. на юбилейном торжественном объединенном заседании ученого совета Ульяновского областного краеведческого музея имени И. А. Гончарова и научного совета при архивном отделе УВД Ульяновской области, посвященном 40-летию Великого Октября.

готовки и установления Советской власти, воспроизвести картину борьбы трудящихся Симбирской губернии за свою власть, происходившую сорок лет тому назад.

I. Социально-экономическое положение губернии накануне революции

Симбирская губерния накануне революции являлась отсталой аграрной губернией центральной России, с «наименьшим развитием капитализма как в земледелии, так и в промышленности», — указывал В. И. Ленин. Расположенная в правобережье Среднего Поволжья, она занимала территорию в 4.181.780 десятин, из которых 3.775.158 было пашни, выгонов, и лесов. Население губернии на 1 января 1914 г. составляло 2.039 тыс. жителей, из которых подавляющее большинство — 92,7 проц. проживало в сельской местности и лишь 7,3 проц. — в городах. Симбирск насчитывал 66.127 жителей. Губерния делилась на восемь уездов: Симбирский, Сенгилеевский, Сызранский, Карсунский, Алатырский, Ардатовский, Буинский и Курмышский.

Промышленность губернии была развита слабо. В 1913 году 369 крупных и средних предприятий выработали продукции на 24 миллиона рублей и 6358 мелких, полукустарных предприятий дали продукции на 1.173 тыс. рублей.

Основная масса предприятий перерабатывала местное сельскохозяйственное сырье. Ведущую роль в губернии занимали 16 суконных фабрик, работавших на привозном сырье. Они в 1913 году выработали продукции на сумму свыше 8 млн. рублей, что составило ⅓ стоимости всей промышленной продукции этого года.

Рабочих в губернии было примерно 40—45 тысяч, из них — 11 тыс. работали на суконных фабриках, 16 тысяч—на других предприятиях, 5 тыс. работали на железных дорогах, 12 тыс. — на водном транспорте.

Особенностью нашей губернии было то, что большинство промышленных предприятий, в том числе наикрупнейшие суконные фабрики, находились в сельской местности. Рабочие были распылены и тесно связаны с землей. Это сказывалось на силе и организованности рабочих губернии.

Положение рабочих было тяжелым. Рабочий день продолжался 11—12 часов; широко применялся женский и детский труд, особенно на суконных предприятиях. Заработная плата рабочих была ниже рабочих промышленных центров. В 1913

году среднегодовой заработок рабочих составлял в губернии 147 руб., из этого заработка производились хозяином разные удержания и штрафы.

Плохие жилищные условия, отсутствие охраны труда и медицинской помощи, неуверенность за будущее, политическое бесправие подводили рабочих к необходимости революционной борьбы с царизмом и буржуазией.

Трудовое крестьянство губернии, составлявшее 85 проц. всего населения, задыхалось от безземелья и малоземелья.

По реформе 1861 года крестьянство было ограблено помещиками. Из 736 тыс. десятин земли, находившейся в пользовании крестьян до реформы, они получили 530 тыс. десятин, остальную землю — 206 тыс. десят., или 28 проц. помещики отрезали. Всего у помещиков осталось свыше одного миллиона десятин лучшей земли. Около миллиона десятин земли принадлежало Удельному ведомству, церквам и монастырям.

Столыпинская аграрная реформа усилила начавшееся после 1861 года классовое расслоение деревни и к 1912 году около 7 проц. крестьян совсем не имели земли, 40 проц. имели в среднем до 5 дес. на двор, 34 проц. — до 10 десятин. Кулацкие хозяйства составляли 19 проц. всех крестьянских хозяйств и имели в своих руках все купчие и арендные земли и свыше 40 проц. надельной.

В том же году безлошадные и бескоровные хозяйства составляли 19 проц. Немудрено, что крестьяне массами уходили на побочные промыслы. В 1913 году ушло 171.291 чел., в 1914 году — 176.916 чел.

Царское самодержавие держало народ в темноте и невежестве. В 1914 году в губернии обучалось всего лишь 22 проц. детей школьного возраста. Среди мужчин неграмотных было 74 проц., среди женщин — 96 проц. В 1917 году в Б. Цильнинской волости Симбирского уезда из одной тысячи женщин лишь две умели читать и писать. Зато в губернии насчитывалось около 800 церквей и монастырей и было 1343 кабака.

Начавшаяся в 1914 году война еще больше обострила нужду и страдания трудящихся. Закрывались промышленные предприятия, на работавших фабриках усилилась эксплуатация: рабочий день доходил до 15 часов. Росли цены на продукты питания. Приходило в упадок сельское хозяйство. Сокращалась посевная площадь, реквизиции сокращали количество рабочего и продуктивного скота; 49 проц. трудоспособных мужчин было мобилизовано в армию. Снизился и без того невысокий жизненный уровень трудящихся.

Ухудшение положения трудящихся масс неумолимо толкало их на борьбу. Первые вспышки возмущения и протеста появились летом 1915 года. В Сенгилее призывники — запасные отказывались идти в армию. Осенью 1915 года и летом 1916 года такие же выступления произошли в Ардатове, Алатыре, на ст. Инза. 4 июля 1916 года в Симбирске произошла внушительная демонстрация голодных, главным образом женщин, которая была подавлена войсками и полицией. Пятнадцать человек было убито и ранено, 50 арестовано.

Осенью 1916 года симбирский губернатор в отчете о политическом положении писал: «Я не считаю себя вправе умолчать о настроениях населения губернии. Настроение народных масс... чрезвычайно опасно и легко возбудимое. Для поддержания спокойствия на предстоящую тяжелую зиму нам, безусловно, необходимо быть очень бдительными и иметь всегда в своем распоряжении достаточную военную силу».

Таким образом, развитие в экономической и политической жизни неизбежно вело трудящиеся массы к социальной революции.

2. От февраля к октябрю

Накануне февраля в Симбирской губернии было внешне спокойно. Политические демонстрации были подавлены, революционные организации разгромлены, а многие революционеры арестованы и отправлены в ссылку. Но в глубоком подполье уцелевшие большевики не прекращали работы. Накануне февраля были воссозданы большевистские организации в Сызрани, в Гурьевке, на ст. Инза. Первые вести о победе революции в Петрограде симбирские власти получили 28 февраля, т. е. на другой день, но они скрыли это от народа. Лишь 2 марта было опубликовано сообщение о свержении самодержавия с призывом сохранять «благоразумие и полное спокойствие».

Рабочие и крестьяне с радостью встретили известие о свержении самодержавия. Массовые демонстрации, с пением «Марсельезы» и красными знаменами, произошли в Ишеевке, Языкове, Алатыре, Ардатове, Карсуне, Сызрани и в других местах. 3 марта состоялась многолюдная демонстрация в Симбирске. Демонстранты разоружили полицию, жандармов и освободили из тюрьмы политических заключенных и в ярости уничтожили памятник Столыпину.

Как известно, после февраля в стране сразу же образовалось двоевластие: Временное буржуазное правительство и Со-

веты рабочих и солдатских депутатов. В Симбирске было не так. Вначале местная буржуазия, присвоившая себе плоды побед, 5 марта создала «Губернский комитет народной власти», куда вошли представители местной буржуазии и помещиков. Верховодили там лидеры кадетов и эсеров. Фактически же всем распоряжался назначенный Временным правительством губернский комиссар, октябрист, симбирский помещик Головинский. Так же было и в уездных городах.

10 марта в Симбирске возник первый в губернии Совет рабочих депутатов. 20 марта образовался в Симбирске Совет солдатских депутатов. Так позже на две недели, оформился другой орган власти. Практически Совет рабочих депутатов, Совет солдатских депутатов и возникший позже Совет крестьянских депутатов действовали самостоятельно, часто несогласованно, и даже враждебно. Большинство мест в Симбирском Совете было захвачено эсерами и меньшевиками, они, оказывая большое влияние на беспартийных депутатов, поставили Совет в подчиненное и зависимое положение от буржуазного органа власти. Обстоятельства, позволившие меньшевикам и эсерам получить большинство в Советах и передать власть буржуазии в России, в Симбирской губернии проявлялись сильнее. Поэтому процесс высвобождения масс от буржуазного влияния, начатый большевиками, был здесь более трудным и длительным. Дело осложнялось еще тем, что накануне февраля в Симбирске большевистской организации не было и только несколько вышедших из подполья большевиков развернули работу в массах. Это были Гимов, Никитин, Сухов, Фрейман, Швер и др. Эта небольшая группа пошла на объединение с меньшевиками в одной организации, где большинство принадлежало меньшевикам.

Начались долгие месяцы неустанной, кропотливой работы небольшой группы большевиков за отвоевание рабочих, солдатских и крестьянских масс от буржуазного влияния.

Все чаще и внимательнее слушают трудящиеся массы большевистские лозунги и принимают большевистские резолюции. Шел процесс революционизирования масс. Тем не менее, ввиду слабости и малочисленности большевистской организации, она вплоть до октября не сумела добиться решающего перелома в массах. Происшедшие в сентябре выборы в Городскую думу дали большинство эсерам и меньшевикам.

Перелом в большевизации масс и борьбе за установление Советской власти в губернии произошел после победы Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде. Она созда-

ла перелом в сознании масс. Стало резко изменяться соотношение сил между буржуазией и соглашателями, с одной стороны, и трудящимися массами во главе с большевиками, с другой стороны.

3. Установление Советской власти в Симбирской губернии

В сентябре—октябре резко ухудшилось экономическое положение трудящихся губернии. Против надвигавшегося голода и разрухи местные власти никаких конкретных мер не принимали. В то же время усиливались репрессии против рабочих и крестьян. Капиталисты закрывали суконные фабрики и другие предприятия, пытаясь угрозой голода сломить волю народа к борьбе за свое будущее. Однако борьба усиливалась, и забастовки все чаще носили политический характер. Забастовка рабочих-литейщиков, которых поддержали грузчики, окончилась победой рабочих. Успешно была проведена стачка железнодорожников в Алатыре. Упорная борьба металлистов и рабочих мельниц в Сызрани также увенчалась успехом. Ряд предприятий: завод Челышева в Сызрани, суконные фабрики в Лесном Матюнине, Самайкине ввиду саботажа владельцев полностью управлялись фабричными комитетами.

Этими забастовками руководили большевики, и авторитет их среди рабочих вырос.

Разгоралось крестьянское движение, а солдаты, посылаемые в деревню, все чаще и чаще отказывались выступать против крестьян. В октябре ввиду продовольственного кризиса, в Симбирске начался голод. Обострение классовой борьбы, возникшее в связи с этим, еще больше обнаружило классовую ненависть буржуазии и помещиков и неспособность эсеров и меньшевиков удовлетворить справедливые требования трудящихся.

В этот сложный период борьбы и подъема революционного настроения рабочих ЦК партии, чтобы помочь симбирским большевикам, направил в Симбирск старого и опытного члена партии Михаила Дмитриевича Крымова.

Крымов, бывший слесарь Симбирского чугунолитейного завода, член партии с 1904 года, был осужден Симбирским окружным судом в 1906 году и вторично арестован и выслан из Симбирска в 1913 году. Приехав в Симбирск, он сплотил симбирских большевиков, 15 сентября была оформлена самостоятельная большевистская организация и был выбран Вре-

менный комитет РСДРП(б) в составе Крымова, Гимова, Новикова, Сухова и др. В октябре стала выходить большевистская газета «Симбирская правда». Постепенно роль и авторитет большевиков увеличивались и в конце ноября они стали ведущей, но еще не безраздельно господствующей силой среди рабочих и солдат. А среди крестьянства они еще пользовались слабым влиянием. Об этом свидетельствует создание нового контрреволюционного органа власти «Симбирского парламента», а также выборы в Учредительное собрание, где большинство получили эсеры (76,5 проц.). Однако выборы показали полный провал меньшевиков (5 проц.) и кадетов (2,7 проц.) и что рабочие массы Симбирска, Сызрани идут за большевиками (14,3 проц.).

25 октября (7 ноября) 1917 года вооруженное восстание рабочих и солдат в Петрограде смело Временное буржуазное правительство, а открывшийся II Всероссийский съезд Советов взял на себя всю полноту власти, принял знаменитые декреты о мире, о земле и образовал рабоче-крестьянское правительство во главе с В. И. Лениным.

Начался период триумфального шествия Советской власти по стране. Однако распространение Советской власти шло не самотеком, а требовало упорной борьбы местных большевиков за утверждение власти Советов.

Первыми в Симбирской губернии провозгласили Советскую власть трудящиеся г. Сызрани. Здесь была крепкая большевистская организация, которая и стала во главе рабочих и солдат. В местном Совете фракция большевиков занимала господствующее положение. 26 октября Сызранский комитет РСДРП(б) предложил этой фракции поставить на пленуме Совета вопрос о переходе местной власти в его руки. Исполком Совета, обсудив предложение большевиков, принял его и отверг домогательства городской думы. Военно-революционный штаб Совета принял меры к подавлению контрреволюции и по осуществлению власти Советов. Началось формирование новых рабочих отрядов Красной гвардии. Пехотные части выделили революционные отряды солдат общей численностью 1600 человек. Перевес Совета в силах над контрреволюцией обеспечил переход власти в его руки мирным, бескровным путем.

Опираясь на волю рабочих и солдат, расширенный пленум Сызранского Совета 28 октября 1917 года абсолютным большинством голосов принял решение о переходе местной власти в руки Советов. В решении говорилось: «Обсудив создавшееся

положение в связи с низложением Временного правительства Петроградским военно-революционным комитетом и находя, что действия Временного правительства были гибельными для революции, Сызранский Совет солдатских, рабочих и крестьянских депутатов присоединяется к решению Петроградского Совета и его военно-революционному комитету». Попытка меньшевиков и эсеров поколебать власть Советов не удалась; рабочие и солдаты заявили о своей готовности грудью защищать рабоче-крестьянскую власть. Победа Советской власти в Сызрани имела большое моральное и практическое значение для установления Советской власти в губернии. Располагая политическими и военными силами, большевики Сызрани оказали помощь в борьбе за Советскую власть Симбирску, Карсуну и Ардатову.

В Карсуне 3 ноября был созван пленум Совета, где с докладом о событиях в Петрограде выступил делегат II съезда Советов т. Вишняков.

Пленум принял решение о взятии власти в свои руки и обратился с воззванием к населению о поддержке мероприятий Совета. Местная контрреволюция организовала провокационный разгром винных складов в городе, пытаясь в разгуле анархии уничтожить Советскую власть.

Тогда Совет поднял верный революции 158 запасный полк, на помощь пришли из Сызрани эскадрон красных кавалеристов, а с Гурьевской фабрики — отряд Красной гвардии. Этими силами контрреволюция была разгромлена.

16 ноября были разогнаны контрреволюционная дума и земство, арестован уездный комиссар Временного правительства, и власть перешла в руки Совета.

В Ардатове и уезде власть Советов была провозглашена 19 ноября. Здесь особую роль сыграл деревенский полупролетариат, на который опирались большевики. Уездный крестьянский съезд потребовал установления Советской власти и избранный им Революционный исполком взял власть в свои руки.

Значительно сложнее шла борьба за установление Советской власти в Симбирске. Контрреволюция здесь была сильнее, чем в Сызрани, Карсуне и Ардатове, а большевистская организация — слабее. Большим влиянием здесь еще пользовались эсеры и меньшевики. Симбирский Совет, где им принадлежало большинство, по существу представлял три раздельных Совета: Совет рабочих депутатов, Совет солдатских депутатов и Совет крестьянских депутатов. В Совете рабочих депутатов

(рабочая секция) к ноябрю месяцу решающее влияние имели большевики; в Совете солдатских депутатов (солдатская секция) большевики завоевали большинство лишь в конце ноября, а Совет крестьянских депутатов (крестьянская секция) находился в руках эсеров до конца января 1918 года.

Телеграмма из Петрограда о свержении Временного правительства была получена в момент, когда здесь, на улицах Симбирска, происходили бурные события. 25 октября солдаты в знак протеста против отправки их на фронт вышли на демонстрацию, которая повторилась и на другой день.

Вечером 26 октября на Дворцовой улице (ныне К. Маркса) был спровоцирован инцидент. Начался погром. Надо заметить, что еще раньше, 18 октября, была предпринята неудавшаяся попытка разгромить Симбирский комитет большевиков. Теперь провокаторы, используя свои контрреволюционные силы и некоторую часть отсталых солдат, повторили это в бо́льшем масштабе. Сначала разгромили винные склады, потом запылали судебные дела окружного суда. Погром продолжался всю ночь и 27 октября днем вновь возобновился.

Большевики потребовали создания Ревкома и вооружения рабочих. Получив половину мест в нем, они использовали его для оформления боевых отрядов из рабочих и революционных солдат. Прибыла помощь из Сызрани.

Вечером, 27 октября в Симбирске был водворен полный порядок. Фактически власть теперь оказалась в руках созданного Советом ревкома, но входившие в его состав соглашатели были против перехода власти Советам и потребовали их роспуска. Местные большевики с новой силой развернули борьбу за большевизацию Совета. Рабочие Симбирского района всюду производили перевыборы депутатов Совета, посылая вместо соглашателей большевиков или беспартийных сторонников Советской власти.

2 ноября рабочая секция заявила о поддержке решений II Всероссийского съезда Советов.

3 ноября заволжский рабочий коллектив присоединился к резолюции рабочей секции, и здесь фактически установилась Советская власть. Правление самого крупного профессионального союза текстильщиков призвало рабочих суконных фабрик встать на борьбу за Советскую власть. 10 ноября губернский рабочий съезд (профсоюзов) принял резолюцию о поддержании власти Советов. Однако буржуазия и ее приспешники — правые эсеры и меньшевики — оказывали яростное сопротивление установлению Советской власти. Они выдвинули идею

создания «Губернского комитета народной власти» или иначе «Губернского парламента» из представителей всех политических партий. В результате отказа ряда Советов и рабочих организаций от участия в этом «парламенте» — эта затея провалилась.

Установление Советской власти в Сызрани, в фабричных районах Заволжья и Гурьевки, в Карсуне и Ардатове укрепило позиции большевиков в Симбирске. Однако необходимо было завоевать большинство в солдатской секции Совета. В этот момент ЦК партии прислал в Симбирск 10 петроградских рабочих, выступления которых восторженно встречали солдаты. С помощью этих посланцев революционного Питера были закончены перевыборы солдатской секции, где большинство стало большевистским. Это был решающий шаг в соотношении политических сил в городе.

Первого декабря Советом был избран новый Исполком, руководство которого возглавили большевики.

В начале декабря в Симбирск прибыл коммунистически настроенный 107 Троицкий полк, который сразу обеспечил перевес революционных сил.

7 декабря вернулась из Петрограда делегация большевиков Заволжья, которая привезла винтовки и патроны для Красной гвардии.

Таким образом обстановка в Симбирске созрела для решающей борьбы.

10 декабря 1917 года в помещении уездного земства (ныне Дом офицеров) собрался расширенный пленум Симбирского Совета совместно с представителями профсоюзов, фабрично-заводских комитетов, полковых, ротных, командных комитетов, представителей крестьян Симбирского и Ардатовского уездов. Обширный зал был переполнен, собрание протекало бурно. Обсуждался один вопрос: Отношение к Центральному Советскому правительству и о власти в г. Симбирске и губернии. Боролись две непримиримые линии: от большевиков — за власть Советов выступили Вавилов, Першин, Данелиа, Швер и др.; от соглашателей выступили — Титов, Чебоксаров, Праотцев, Фавстрицкий и др.

Представители профсоюзов и полков решительно поддержали большевиков. Представитель Ардатовского Совета заявил, что в их уезде власть уже перешла в руки Советов.

Местные «левые» эсеры, видя, что массы идут за большевиками, заявили, что и они за Советскую власть. За власть Советов выступили и эсеры-максималисты. В результате бурных

прений, подавляющим большинством голосов была принята следующая резолюция о передаче власти Советам: «Собрание Советов рабочих и солдатских депутатов, представителей профсоюзов, ротных и полковых комитетов, фабрично-заводских комитетов и представителей социалистических партий 10 декабря, имея суждение о создавшемся положении в стране, об отношении к власти Советов в центре, постановило: приветствовать восстание революционных солдат и рабочих и образование Советской власти в лице Народных Комиссаров, ответственных перед Центральным Исполнительным Комитетом Совета рабочих и солдатских депутатов, являющейся истинной выразительницей народных нужд и интересов и действительно способной на самые решительные меры в области ликвидации войны и передачи без выкупа земли обездоленным крестьянам и обеспечения лучших условий для рабочего класса от всевластия капитала.

Принимая во внимание справедливость и необходимость образования Советской власти как в центре, так и на местах, собрание выражает свою непреклонную волю в решительной поддержке ее и, заявляя о своей готовности оградить все добытые кровью трудового народа завоевания революции от всяких контрреволюционных поползновений, постановило: «...передать власть на месте Симбирским Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов...»

Этой же ночью был создан боевой орган — ревком в составе трех большевиков и двух «левых» эсеров, которому поручалась практическая работа по осуществлению власти Советов в городе и губернии. С его помощью в декабре была установлена Советская власть в г. Сенгилее (12. XII) и уезде (28.XII). В конце декабря — в Алатыре, в феврале 1918 года — в Курмыше и Буинске.

Так было положено начало установлению Советской власти в Симбирске — на родине великого Ленина.

Однако симбирская контрреволюция и после этого не прекратила борьбы против Советов. В Симбирске существовал «Губернский комитет народной власти», работали губернское земское собрание, городская дума, губернский комиссар Временного правительства, помещик Головинский.

Все эти органы не признавали Советскую власть, тянули назад — к учредительному собранию. Вместе с эсерами и меньшевиками они распускали клеветнические слухи, печатали контрреволюционные воззвания и прокламации, организовали саботаж среди местных служащих; срывали нормальную

работу советских органов. Газета «Симбирское слово» публиковала антисоветские клеветнические статьи.

10 января 1918 года был положен конец этим контрреволюционным действиям. Все буржуазные органы власти были ликвидированы, газета «Симбирское слово» закрыта.

Состоявшийся в январе 1918 года V Губернский крестьянский съезд, несмотря на происки и клеветническую пропаганду выступивших на нем эсеров, решительно пошел за большевиками. Съезд обновил Совет крестьянских депутатов, эсеры оттуда были изгнаны. Съезд выступил за объединение с Советами рабочих и солдатских депутатов.

Изоляция эсеров от крестьянства, прочный союз рабочих и беднейшего крестьянства, высокий авторитет большевистской партии способствовали быстрому процессу советизации сел и деревень губернии. В феврале—марте 1918 года Советская власть победила повсеместно по всей Симбирской губернии.

На основе вышеизложенного можно сделать следующие выводы. Установление Советской власти в Симбирской губернии происходило в конце октября 1917 года и до февраля 1918 года и совпало с периодом триумфального шествия Советской власти по всей стране.

В авангарде борьбы за установление Советской власти в губернии шли трудящиеся Сызрани. В г. Симбирске Советская власть была провозглашена 10 декабря 1917 года и окончательно утвердилась в январе 1918 года, а в губернии — в феврале—марте 1918 года.

Более позднее установление Советской власти в гор. Симбирске по сравнению с некоторыми уездными городами (Сызрань, Карсун, Ардатов) объясняется малочисленностью и распыленностью пролетариата города, сравнительной слабостью городской большевистской организации и сильным влиянием эсеров и меньшевиков (до декабря месяца), а также большой концентрацией в Симбирске контрреволюционных сил.

Во главе борьбы трудящихся Симбирской губернии за установление Советской власти стояла местная большевистская организация, которая под руководством Центрального Комитета партии, путем кропотливой разъяснительной и организаторской работы к декабрю месяцу 1917 года изолировала эсеров и меньшевиков от масс и повела за собой трудящихся губернии на ликвидацию буржуазной власти.

Установление Советской власти в Симбирске, победа боль-

шевиков на V Губернском крестьянском съезде в январе 1918 года способствовали более быстрой победе Советской власти в остальных уездных городах и повсеместно по всей губернии.

* * *

За годы Советской власти Ульяновская область превратилась в один из промышленных центров Поволжья. В области работает 1146 государственных промышленных предприятий и 829 промыслово-кооперативных предприятий с общей занятостью около 200 тыс. человек. Продукция крупной промышленности области выросла по сравнению с 1913 годом в 16 раз. В Симбирской губернии в 1913 году 85 проц. всей продукции давало сельское хозяйство, а промышленность 15 проц., теперь промышленная продукция составляет 66 проц., а продукция сельского хозяйства — 34 проц.

Коренным образом изменилась и структура промышленного производства. Раньше ведущей отраслью была суконная промышленность — теперь ведущими отраслями стали машиностроение и металлообработка. В Ульяновской области изготовляются новейшие станки, автомашины и автоприцепы, малолитражные двигатели, электрооборудование, стандартные дома, шерстяные ткани улучшенного качества, трикотажные и швейные изделия и др.

Изменилось и сельское хозяйство. Вместо 285 тыс. мелких, единоличных крестьянских хозяйств создано 568 крупных колхозов. Кроме того, в области имеется 38 совхозов и 77 МТС, которые оснащены передовой сельскохозяйственной техникой.

Большие успехи имеются в развитии социалистической культуры. В 1131 школе учится 161 тыс. учащихся.

В Ульяновской области имеется 4 высших и 14 средних специальных учебных заведений, в которых обучается 12625 человек, два театра, филармония, театр кукол, кинотеатры и клубы, краеведческий и художественный музеи, Дом-музей и филиал Центрального музея В. И. Ленина. Выросла сеть библиотек, медицинских учреждений, издается много газет. Отмечая славное сорокалетие Советской власти, трудящиеся области упорно работают над осуществлением великих задач, поставленных XX съездом КПСС, и тем самым вносят свой вклад в дело коммунистического строительства, в борьбу советского народа за мир, за счастье и светлое будущее человечества.

П. П. ЕВДОКИМОВ,
врач

МАТЕРИАЛЫ УЛЬЯНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА О ПРОФЕССОРЕ А. А. КАДЬЯНЕ (1879—1888 гг.)

Семья Ильи Николаевича Ульянова, давшая миру одного из величайших людей нашей эпохи — Владимира Ильича Ленина, постоянно привлекает к себе внимание исследователей.

Изучены богатые архивные материалы этой семьи того периода, когда семья Ульяновых с 1869 г. по 1887 г. жила в г. Симбирске.

Внимание исследователей привлекают не только члены семьи, их жизнь и деятельность, но и те лица, которые имели к ним отношение, работали и общались с ними.

Целью настоящего сообщения является описание, публикация и обзор новых архивных и местных литературных материалов, характеризующих Александра Александровича Кадьяна.

За период с 1879 по 1887 гг. А. А. Кадьян был лечащим врачом семьи Ильи Николаевича Ульянова. В воспоминаниях членов семьи о нем говорят с любовью и уважением.

М. И. Ульянова, младшая сестра Владимира Ильича, довольно обстоятельно сообщает о нем в своих воспоминаниях об отце: «Обычно лечащим врачом в нашей семье в эти годы был А. А. Кадьян, привлекавшийся по делу 193-х и высланный в 1879 г. административным порядком в Симбирск. Это был очень знающий и опытный врач, идейный работник, мяг-

кий и деликатный человек. В Симбирске он пользовался большой популярностью, бывал и в нашем доме. Отец и мать относились к нему очень хорошо: «весьма сочувственно», по свидетельству Н. С. Таганцева (сенатор, муж сестры Кадьяна. — **П. Е.**), относился и Кадьян к Илье Николаевичу и Марии Александровне. Во время последней болезни [И. Н. Ульянова] Кадьян был в отлучке и помню, как мать жалела об этом. Она высказала это и Кадьяну, когда он уже после смерти Ильи Николаевича посетил нас»[1].

А. И. Ульянова-Елизарова в своих воспоминаниях пишет, что члены семьи Ульяновых пользовались книгами из личной библиотеки Кадьяна: «В гимназические годы читала я Белинского, а потом с братом (А. И. Ульяновым. — **П. Е.**) мы читали Писарева, которого тогда мы доставали у нашего домашнего доктора (А. А. Кадьяна. — **П. Е.**), имевшего полное собрание сочинений»[2].

Александр Александрович Кадьян родился 1 апреля 1849 г. в Петербурге в семье профессора Инженерной академии. Среднее образование он получил в 1-й Петербургской гимназии, а врачебную специальность в медико-хирургической академии, которую он окончил в 1872 г.

О детских и юношеских годах Кадьяна нам ничего неизвестно. В студенческие годы он принимал активное участие в революционных волнениях 60 гг.

По окончании курса в академии Кадьяну представлялась возможность остаться в столице для подготовки к профессорской деятельности, но он отказался от этой возможности, заняв должность земского врача в самом глухом участке Самарской губернии, в с. Балакове, Николаевского уезда, где была небольшая, на 10 кроватей, сельская больница.

Кадьян недолго проработал в Николаевском уезде. В 1874 году он был арестован. Кадьяну вменяется в вину то, что он «...состоя на службе в Самарском земстве, был в центре всей революционной пропаганды; устраивал революционеров для целей пропаганды на должности учителей, фельдшеров, сельских писарей.., свою квартиру сделал штабом для пропагандистов, содействовал побегу из тюремной больницы одного из политических арестованных»[3].

---

[1] М. Ульянова. Отец В. И. Ленина — Илья Николаевич Ульянов, М., 1931, стр. 69.

[2] «Известия», 1935 г., от 20 октября, № 245.

[3] Рыжов Н. «Революционное подполье в Симбирске в 70—80-х годах», Журнал «Ульяновский общественник», № 3, 1927, стр. 43.

Более трех лет молодой Кадьян просидел в тюремных камерах Самары, Москвы, а затем и Петропавловской крепости в Петербурге.

В 1878 году он предстал перед судом вместе с другими революционерами Российской империи, собранными из 37 губерний. На скамье подсудимых было 193 революционера. Вот почему этот процесс и называется «Процессом 193-х», в печати его еще называли «Большим процессом». Этот процесс был организован для окончательного разгрома революционеров-народников. Основная масса подсудимых обвинялась в принадлежности к политическому обществу, ставившему своей целью свержение в более или менее отдаленном будущем существующего в Российской империи государственного устройства»[1].

Суд длился с 18 октября 1877 г. по 23 января 1878 г.

На этом суде с блестящей речью выступил известный русский революционер Ипполит Мышкин с оценкой царского суда.

Из 193-х, сидевших на скамье подсудимых, 90 человек были оправданы, оправдан был и А. А. Кадьян. Однако в 1879 г. все «оправданные» в административном порядке были высланы из столицы в разные места России. Выслан был и Кадьян.

В Ульяновском архиве, в фонде симбирского губернатора, нами обнаружено дело «О сосланном враче Кадьяне», характеризующее этот эпизод в жизни А. Кадьяна[2].

Привожу наиболее интересные документы из этого дела.

I

Господину симбирскому губернатору

С.-Петербургского
Градоначальника

Отделение
по охранению общественного порядка
и спокойствия в С.-Петербурге

17 мая 1879 г.
№ 6589

С. Петербургский Временный генерал-губернатор, рассмотрев представленное начальником С.-Петербургского губернского жандармского управления дознание о вольнопрактикующем враче, дворянине Александре **Кадьяне**, нашел его виновным

---

[1] М. Н. Гернет, История царской тюрьмы, Москва, 1948, т. III, стр. 75.

[2] ГАУО, ф. 76, оп. 8, д. 356, лл. 1—15.

в хранении у себя запрещенных сочинений, а равно неблагонадежным в политическом отношении, и, признавая пребывание его в столице вредным, определил: выслать врача Кадьяна на жительство во вверенную Вашему превосходительству губернию, под надзор полиции.

Вследствие отношения об этом генерал-майора Комарова от 14 сего мая за № 1555, препровождая при сем к Вашему превосходительству, на распоряжение, упомянутого врача Кадьяна, имею честь покорнейше просить, приказать, в принятии арестованного, выдать конвойным установленную квитанцию.

Свиты Его Величества генерал-майор (подпись)
Заведывающий Отделением (подпись)[1]

2

Ведомость

о прибывшем из г. Петербурга на жительство, под надзор полиции, в Симбирскую губернию дворянина Кадьяна.

№	Звание, имя и фамилия	Причина высылки, а также по суду, или в административном порядке	Когда прибыл в местность, назначенную для жительства, под надзор полиции
1.	Вольнопрактикующий врач, дворянин Александр Кадьян.	С.-Петербургский временный генерал-губернатор, рассмотрев представленное начальником СПБ губ. жанд. управл. дознание о дворянине Кадьяне, нашел его виновным в хранении у себя запрещенных сочинений, а равно неблагонадежном в политическом отношении и, признав пребывание его в столице вредным, определил выезд его в Симб. губ.	Прибыл в сопровождении жандармов в город Симбирск 23 мая, в 7 часов вечера.

Подписи: За губр., вице-губр. — (Тройницкий)[2].
Верно: Пом. пром. канц (подпись).

[1] ГАУО, ф. 76, оп. 8, д. 356, л. 2.
[2] Там же, л. 7.

3

25 мая 1879

Начальник
Симбирского
Губернского жандармского
управления
25 мая 1879 года
№ 120
г. Симбирск.

Господину симбирскому губернатору

Управляющий 3 отделением собственной его императорского величества канцелярии предписанием от 18 сего мая за № 3031 уведомил меня, что привлекавшийся к общему делу преступной пропаганды и оправданный судом вольнопрактикующийся врач Александр **Кадьян**, вследствие возобновления им прежней вредной деятельности своей, выслан административным порядком в Симбирскую губернию, под надзор полиции. Почему Управляющий 3 Отделением предупреждает меня, что врач Кадьян требует самого строго негласного за ним наблюдения, так как он, судя по прежней деятельности его, весьма ловкий и осторожный пропагандист.

Сообщая вышеизложенное Вашему превосходительству, имею честь покорнейше просить, не изволите ли признать возможным, независимо гласного надзора полиции за врачом Кадьяном, учредить за ним и негласное наблюдение, так как я имею крайне ограниченные средства для негласного наблюдения, что и известно Вашему превосходительству.

Полковник (подпись)[1].

4

Начальник
Симбирского
Губернского жандармского
Управления
18 июня 1879 года
№ 146.

---

[1] ГАУО, ф. 76, оп. 8, д. 356, л. 8.

Господину симбирскому губернатору

Из отношения Вашего превосходительства от 24 минувшего мая за № 397 видно, что по распоряжению С.-Петербургского генерал-губернатора вольнопрактикующийся врач Александр Кадьян выслан в Симбирскую губернию под надзор полиции. Так как, согласно предписанию 3-го Отделения собственной его императорского величества канцелярии, начальники губернских жандармских управлений, обязаны представлять в 3-е Отделение два раза в год ведомости о лицах, состоящих под надзором полиции, за политические преступления, то встречается необходимым иметь следующие сведения: чин, имя и отчество Кадьяна, и какой губернии уроженец, сколько лет от роду, с какого времени состоит под надзором, получает ли от казны содержание и сколько, имеет ли семейство, и где оно находится, и чем занимается Кадьян по прибытии в г. Симбирск.

Вследствие вышеизложенного имею честь покорнейше просить Ваше превосходительство, не оставить сообщить мне указанные сведения, для помещения в ведомости, представляемой в 3-е Отделение собственной его императорского величества канцелярии.

Полковник (подпись)[1]

5

Его превосходительству господину симбирскому губернатору

Уведомлен начальник Симбирского губерн. жандарм. управления 8 июля № 568.

Симбирского полицеймейстера.

Рапорт

На предписание мне 21 июня за № 483, имею честь донести Вашему превосходительству, что врач Кадьян чина не имеет, зовут его Александр, по отчеству Александрович, уроженец С. Петербурга, от роду ему 30 лет, состоит под надзором симбирской полиции с 25 мая сего года, содержание не

---

[1] ГАУО, ф. 76, оп. 8, д. 356, л. 10.

получает, семейства не имеет, состоит нештатным ординатором при Симбирской земской больнице.

Полицмейстер (подпись)
№ 178, июля 7 дня 1879 года.[1]

6

31 января 1881.
Господину симбирскому губернатору

МВД
Департамент Государственной полиции 3-е делопроизводство
25 января 1881 г. № 585.

Вследствие ходатайства ординарного — профессора С.-Петербургского университета, действительного статского советника Таганцева, признано возможным высланного административным порядком из С.-Петербурга в Симбирскую губернию врача Александра Александрова Кадьяна освободить из-под надзора полиции на поручительство г. Таганцева, которым таковое уже и представлено, с дозволением ему, Кадьяну, возвратиться в столицу.

Об изложенном департамент имеет честь сообщить Вашему превосходительству на зависящее распоряжение, для объявления Кадьяну.

Директор Барон Велио[2].

Однако врача А. А. Кадьяна в 1881 г. не освободили из-под надзора полиции, лишь в 1882 г. ему было разрешено съездить в Петербург на похороны сестры Зинаиды.

Здесь уместно сказать несколько слов о Таганцеве, поручившемся за А. А. Кадьяна.

Николай Степанович Таганцев (1843—1923) — русский буржуазный криминалист. Окончив в 1862 г. Петербургский университет, в 1867 г. защитил магистерскую, а в 1870 г. — докторскую диссертацию. Был профессором Петербургского университета и училища правоведения, в 1887 г. сенатор, а затем первоприсутствующий уголовного департамента Сената.

---

[1] ГАУО, ф. 76, оп. 8, д. 356, л. 12.
[2] Там же, л. 13.

Н. С. Таганцев — автор многочисленных работ, в том числе капитальных трудов по уголовному праву. Его уголовно-правовое воззрение характеризуется умеренным либерализмом, в частности он высказывался за отмену смертной казни и смягчения наказания[1].

В гимназические годы, в Пензе Таганцев учился у Ильи Николаевича Ульянова, о последнем он хорошо вспоминает в своих записках.

Семья Ульяновых, по-видимому, знала Таганцева. Когда в 1887 году судили Александра Ильича, то Мария Александровна Ульянова была в Петербурге у Таганцева, который написал письмо прокурору судебной палаты с просьбой разрешить свидание Марии Александровне с сыном.

Что же касается А. Кадьяна, то Таганцев находился в родственной связи: он был женат на сестре А. А. Кадьяна Зинаиде, умершей в 1882 году. Вскоре Таганцев женился на второй сестре Кадьяна — Евгении.

Как было сказано выше, А. Кадьяну в 1882 году было разрешено съездить в Петербург на похороны сестры Зинаиды. В мае месяце 1883 года он ездил за границу, был в Петербурге и возвратился в мае м-це 1884 года в Симбирск, где жил до 1 ноября 1888 года.

Поступив в 1879 году внештатным ординатором симбирской губернской земской больницы, вначале в мужское сифилитическое отделение, а потом — в хирургическое, Кадьян, в сущности хирург-самоучка, стал ведущим хирургом. По заявлению его современников, он блестяще поставил хирургическое дело в больнице и вскоре стал заведующим отделением.

По тому времени врач А. А. Кадьян производил сложные операции— ампутации конечностей, экзартикуляции в плечевом и локтевом суставе, трепанации черепа, лапаратомии с удалением больших опухолей тазовых органов и другие. Самым смелым хирургическим вмешательством является операция — удаление почки.

Известный симбирский земский врач, а позже видный деятель первых лет советского здравоохранения, Яков Ефремович Шостак утверждает, что впервые в России операция вылущение почки была произведена не в университетских клиниках, а в стенах симбирской губернской больницы и сделал эту операцию одним из первых в России земский врач А. А.

---

[1] БСЭ, т. 41, стр. 460, 2-е изд., 1956.

Кадьян[1]. Он также одним из первых в Симбирске стал при операциях применять правила антисептики.

Не ограничиваясь большой лечебной работой в Симбирской губернской больнице, А. Кадьян оказывал помощь в организации хирургической службы и в лечебнице Красного Креста, которой заведовал Петр Федорович Филатов — видный деятель земской медицины этого периода, отец крупнейшего советского ученого академика Владимира Петровича Филатова.

Кадьян принимает активное участие и в общественной жизни: в работе симбирского медицинского общества, в работе больничного совета, в хозяйственных делах больницы.

На врачебных конференциях, на заседаниях медицинского общества Кадьян часто выступал с научными докладами.

На одном из заседаний медицинского общества врач Кадьян сделал доклад на тему «Случай пиэмии, осложненный диабетом»[2]. В своем сообщении Кадьян дал глубокий клинический анализ этого случая, не скрыв своих собственных ошибок и ошибок своих коллег в ведении больного пиэмией. Доклад вызвал живейший обмен мнениями всех присутствующих врачей.

Обстоятельный доклад был представлен врачом по поводу произведенной им операции — удаление большой опухоли таза[3].

Находясь в ссылке, А. А. Кадьян поддерживает теснейшую связь с петербургскими учеными и общественными деятелями, в частности с крупным ученым страны Сергеем Петровичем Боткиным.

С. П. Боткин, как председатель комиссии по улучшению санитарного дела и уменьшению смертности в России, прислал письмо земскому врачу Кадьяну с просьбой принять участие в обсуждении вопросов комиссии. Это письмо было прочитано на заседании медицинского общества 3 мая 1886 года[4]. Текст письма в протоколе, к сожалению, не приводится.

По поручению общества ответ С. П. Боткину написал Кадьян. На обсуждение этого ответа потребовалось два за-

---

[1] Я. Е. Шостак, Народное здравие, изд. Симбирского земства, 1914, стр. 95.

[2] Протокол № 11 от 28 октября 1886 г. Протокол заседаний медиц. об-ва 1886 г. Симбирск, 1887, стр. 27—37.

[3] Протокол заседаний медиц. об-ва за 1888 г. Симбирск, 1889, стр. 15.

[4] Протокол заседаний мед. об-ва за 1886 г. май м-ц, стр. 11—18.

седания общества. Кадьян писал резко и прямо об истинном положении земства, земской медицины и санитарного состояния сел и деревень Симбирской губернии: «Земству мешает вступить на путь санитарных мероприятий две причины: отсутствие сознания необходимости и полезности санитарных мер (со стороны земских деятелей. — **П. Е.**) и, главное, **бедность земства**». «Бюджеты земства, — говорится в письме, — не могут расти бесконечно, земля не выносит больших обложений.., правительство должно придти на помощь материальными средствами в виде ли кредита, или прямо деньгами — это все равно».

Дальше говорится, что «Народ беден, и он будет против всякой санитарной меры, которая потребует от него расход, хотя бы на одну лишнюю копейку...».

Про санитарное состояние сказано: «...Население пьет ужасную воду, деревня тонет в грязи, навоз на улице, навоз во дворе... Народ грязен, нечистоплотен, живет скученно в скверных тесных избах — условия для распространения любой эпидемии, ест отвратительно, работает в короткое лето страшно много — и **самое главное — беден, очень беден**[1].

В Симбирске А. А. Кадьян не принимал участия в революционном движении, но он имел связь с революционной группой, предоставив им свою квартиру для проведения собраний, оказывая денежную помощь. Так, например, бежавший в 1884 году с каторги революционер Михалевич жил некоторое время в Симбирске на средства Кадьяна.

Но когда к власти в Земской управе, как пишет Таганцев, пришла крайне правая пазухинская группа, которая не могла простить Кадьяну его революционного прошлого и политической подсудимости, несмотря на то, что Кадьян блестяще поставил хирургическое дело в губернской больнице, он был вынужден оставить земскую службу и продолжать свою деятельность в частной лечебнице, им для того устроенной[2].

А. Рыжов говорит, что реакционное дворянство уволило его из больницы[3]. Симбирское дворянство в то время было наиболее реакционным, монархическим, возглавлял эту часть

---

[1] Протокол заседаний медиц. об-ва за 1886 г., май м-ц, стр. 11—18.

[2] Таганцев Н. С. Пережитое, вып. II, 1919, стр. 62.

[3] Рыжов Н. Революционное подполье в Симбирске в 70—80-х гг. Журнал «Ульяновский общественник», № 3, 1927, стр. 43.

дворянства статский советник Н. Д. Пазухин. В 1878—1885 гг. он был председателем Симбирской губернской земской управы, позднее постоянно состоял гласным Земского собрания[1].

Пазухин — ярый монархист, был постоянным членом комиссий по изъявлению верноподданнических чувств царю и членам царствующего дома. Выбранные гласные (К. М. Оболенский (князь), А. А. Пашков и Н. Д. Пазухин) согласно постановлению Земского собрания передали Владыке (епископу. — **П. Е.**), желание Собрания, «чтобы икона Спаса нерукотворенного, не раз служившая чудесным оплотом в годины страды Симбирской от вольницы Разина, была перенесена в Соборе на видное место и перед нею в знаменательный день 17 октября (крушение поезда на Курско-Харьково-Азовской железной дороге, в котором был царь и его семья. — **П. Е.**)[2] происходило торжественное богослужение.

В архивных материалах Ульяновской области имеется еще два документа, относящиеся к 1887 году. В них Кадьян именуется уже доктором медицины[3].

Спрашивается, где, когда земский врач Кадьян получил эту ученую степень? Из литературных источников видно, что докторанский экзамен он сдал в конце 1878 и в начале 1879 г. перед ссылкой, а защита диссертации была в Петербурге в 1883 году на тему «Материалы к изучению архитектуры стопы»[4].

1 ноября 1888 года Кадьян навсегда переезжает в Петербург, где работает вначале в Обуховской, а затем в Петропавловской больнице. В 1900 году Кадьян избирается профессором Петербургских женских курсов, вначале по кафедре факультетской, а затем — госпитальной хирургии, где остается до конца своей жизни.

Из петербургской жизни Кадьяна следует остановиться на двух моментах. В 1905 году после кровавого воскресенья профессор Кадьян на заседании хирургической секции пироговского общества врачей выступил с открытым протестом против расстрела демонстрации на Дворцовой площади Пе-

---

[1] Юбилейный сборник 1864—1914 гг. Симбирское Губернское Земство. 1914, Симбирск, стр. 58.

[2] Систематический сборник постановлений Губернского земского собрания. Вып. II, 1883—1888, стр. 15.

[3] ГАУО, ф. 88, д. 37, оп. 3, л. 7.

[4] Таганцев Н. С. Пережитое — 1919, стр. 78.

тербурга, выражая мысли наиболее прогрессивной части русской интеллигенции.

В 1913 году профессор А. А. Кадьян, вместе с профессором Е. В. Павловым, выступал в качестве эксперта по громкому делу Бейлиса.

В марте месяце 1911 г. в Киеве шайкой воров был убит ученик подготовительного класса духовного училища Андрей Ющинский. Киевская организация союза русского народа «Двуглавый орел», а также черносотенная группа «Михаил архангел» выдвинули версию ритуального убийства. Убийцей был назван еврей Мендель Бейлис.

Это было сделано с ведома правительства и царя.

Бейлис был судим в октябре 1913 г. Обвинение строилось, главным образом, на данных экспертизы профессора судебной медицины Киевского университета Оболонского и прозектора того же университета Туфанова. На суде эта экспертиза поддерживалась петербургским профессором Косоротовым, получившим за участие в суде от царского правительства приличную взятку (4000 рублей)[1].

А. А. Кадьян и Е. В. Павлов «блистательно доказали всю пустоту официальной экспертизы», опровергли версию ритуального убийства[2]. Присяжные заседатели признали Бейлиса невиновным и оправдали его. Высокую оценку выступлению Кадьяна на этом процессе дает В. Д. Бонч-Бруевич[3].

По отзывам лиц, работавших с Кадьяном, он был человек большого сердца и души[4]. Они ценили в нем «честность и прямоту в общественных делах, соединенную с мягкостью и деликатностью в частных отношениях, свойства, которые сохранил он и до глубокой старости[5].

Кадьян принадлежит к той группе людей, которых А. Ф. Кони в свое время образно называл: «сотрудниками жизни».

Александр Александрович Кадьян по своим научным трудам является одним из видных хирургов нашей страны. Своими трудами он способствовал развитию земской медицины, отечественной хирургии. Ему принадлежит значительное число работ. Но самой главной, думается нам, является его монография «Повреждение и хирургические заболевания ки-

---

[1] Тагер А. С. Царская Россия и дело Бейлиса, 1934, стр. 295.

[2] Там же, стр. 72.

[3] В. Д. Бонч-Бруевич. Знамение времени, 1927, стр. 160.

[4] Архипов А. Памяти незабвенного учителя профессора А. А. Кадьяна. Русский врач, 1917, № 48—52, стр. 607.

[5] Таганцев Н. С. Пережитое, вып. II, 1919, стр. 61.

шок и брыжжейки». (Издание «Практической медицины», ч. I и II, 1914 г.). Эта книга и теперь может служить настольным руководством для хирургов.

Заслуживает также внимания работа профессора А. А. Кадьяна «Население городских богаделен». (1895 г. Петербург). Эта работа, выполненная под руководством С. П. Боткина, имеет большое значение в изучении вопросов борьбы со старостью, самой актуальной темой нашего времени.

Наследие А. А. Кадьяна — этого истинного труженика в науке, далеко еще не изучено. Не изучены, разумеется, и все архивные материалы этой одаренной личности, врача-революционера, врача-общественника.

П. С. БЕЙСОВ,
кандидат филологических наук

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ БИОГРАФИИ И. А. ГОНЧАРОВА

И. А. Гончаров — один из крупнейших писателей реалистов XIX века тесно связан с родным краем. Симбирская действительность подсказала ему темы для многих произведений: быт, люди родного края, природа нашли разнообразное отражение в творчестве писателя реалиста. Можно было ожидать, что биографические и творческие связи И. А. Гончарова отражены в разнообразных местных материалах, сохранившихся в архивах, музеях и в личном пользовании почитателей писателя-земляка. В действительности же таких материалов крайне мало, что объясняется рядом причин.

В 1827 году сгорели многие симбирские архивы, а в 1864 году многодневный пожар уничтожил весь Симбирск. В огне погибли местные архивные материалы о Гончарове. Этой разрушительной работе помог сам писатель. В 1889 году, за два с половиной года до своей смерти, он опубликовал в «Вестнике Европы» статью «Нарушение воли». Высказавшись в ней против публикации интимных писем Пушкина и Тургенева, Гончаров просил своих родных и почитателей исполнить его «последнюю волю»: не печатать **ничего,** что я не печатал... Пусть письма мои останутся собственностью тех, кому они писаны и не переходят в другие руки, а потом предадутся уничтожению»[1]. Волю писателя исполнили некото-

рые его симбирские родственники, в частности сестра А. А. Музалевская. Незадолго до смерти Гончаров сжег в камине большое количество своих бумаг, писем и вероятно рукописей. В огне камина погибли ценнейшие биографические материалы.

Все это привело к крайней скудности гончаровских биографических материалов. В связи с этим возникла настоятельная необходимость в выявлении и изучении оставшихся биографических гончаровских материалов на родине писателя. С этой целью автором настоящих строк были тщательно обследованы все Ульяновские архивные и рукописные центры. И это дало интересные новые материалы, характеризующие служебную деятельность Гончарова в 1834—35 гг. и его непосредственного начальника губернатора Загряжского, а также жизнь и деятельность Н. Н. Трегубова и любимой сестры Гончарова А. А. Кирмаловой.

* * *

Пребывание Гончарова в университете, посещения родного города и жизнь в нем, непосредственное общение с разными слоями населения жизненно обогащали писателя.

Университет окончен. Действительный студент по факультету словесности Иван Александрович Гончаров, исполненный радужных надежд и стремлений, восторженно восклицает: «Я свободный гражданин мира, передо мной открыты все пути, и между ними первый путь — на родину, домой, к своим». В июле, 1834 года он приезжает домой. На родине его, «как паром, охватило домашнее баловство». Он вкушает в семье сладость возвращения после длительной разлуки.

Однако это «баловство» не долго тешило И. А. Гончарова. Он стремится к практической деятельной жизни. Осенью 1834 года Гончаров поступает на службу в канцелярию симбирского губернатора А. М. Загряжского.

Гончаров в очерке «На родине» пишет, что он был секретарем (управляющим) губернаторской канцелярии. У нас нет ясных и определенных указаний о причинах, побудивших Гончарова остаться на службе в родном городе. Одно несомненно, что здесь не последнюю роль играло желание «разогнать немного тьму», стремление к живому делу. Служебное положение Гончарова давало возможность для широких наблюдений не только над жизнью города, но и над жизнью губернии. Губернатор явно благоволил к нему. В очерке «На родине» И. А. Гончаров рассказывает об этом довольно подробно и

красочно. Но можно привести один интересный факт, характеризующий эти отношения. Н. Н. Трегубов ушел в отставку в январе 1823 года, но только в октябре 1834 г., т. е. через 11 лет после ухода в отставку, он был представлен губернатором Загряжским к знаку отличия беспорочной службы, наряду с теми чиновниками, которые указали день службы к моменту представления — 15—16 ноября 1834 года.[2] Это представление, надо думать, является одним из проявлений губернаторского расположения к И. А. Гончарову.

Год службы Гончарова в родном городе насыщен важными фактами и событиями, значительно обогатившими его жизненный опыт.

Симбирск 30-х годов был не тот, что в годы детства писателя. Расправа Николая I с декабристами и последующая реакция наложили неизгладимый след на общественную жизнь страны. Это было мрачное время. Оно началось появлением Николая «с пятью виселицами, с каторжной работой, белым ремнем и голубым Бенкендорфом», — писал Герцен.

Реакция наложила отпечаток на общественную и умственную жизнь Симбирска.

Член Южного общества декабристов В. П. Ивашев, находясь на службе в Тульчине, неоднократно и подолгу бывал в Симбирске у своих родителей. Во время выступления декабристов на Сенатской площади в декабре 1825 года, он также был в «домовом отпуске» в Симбирске. Узнав о восстании, он бросился в Москву.

4 января 1826 г. в Симбирск приехал декабрист Завалишин, но на следующий же день был арестован, присланным для этой цели офицером и отправлен в Петербург. В это же время в Симбирске был получен приказ об аресте Ивашева. Приказ настиг декабриста уже в Москве, где 26 января 1826 года он был арестован и отправлен в Петропавловскую крепость. Ивашев обвинялся в том, что «участвовал в умысле на цареубийство согласием, и принадлежал к тайному обществу со знанием цели».

Баратаев был схвачен в Симбирске и доставлен в Петербург, в следственную комиссию по делу декабристов. Своевременное предупреждение об аресте дало ему возможность уничтожить компрометирующие материалы, свидетельствовавшие о его связи с декабристами и о политической деятельности. В своих показаниях он всячески открещивался от знакомства с «зловредными злоумышленниками». Баратаев

был уволен от следствия по распоряжению царя, но в Симбирске были уверены в том, что «его там подвергли секретно телесному наказанию». У всех, кто принадлежал к симбирскому масонскому братству, был учинен поголовный обыск. Следовательно, обыск был и у Н. Н. Трегубова. В Саратове был схвачен Христо. Разнесся слух о самоубийстве Второва, якобы принадлежавшего к декабристам. Вскоре через Самару, уездный город Симбирской губернии, в сопровождении жандармов привезли разжалованных в солдаты: Бестужева, Веденяпина, Кожевникова, Мусина-Пушкина, Вишневского и Леппу. Верховный уголовный суд приговорил Ивашева к вечной каторге. 17 февраля 1827 года декабрист был отправлен в Сибирь. В Симбирске называлось также имя декабриста Одоевского, связанного с симбирским дворянством. В Ардатовском уезде, в селах Пайгуше и Суподееве находились его имения. Его тетка Ланская была помещицей этого же уезда. Одоевский был приговорен к пятнадцати годам каторги. Больше года просидел он в Петропавловской крепости, был отправлен в Читинский острог. 22 июня 1827 года в Ардатовском уездном суде возникло «Дело о имении, лишенного чинов Адоевского».[3]

Повсюду распространилась паника, вспоминает современник. Общество было напугано казнями, Сибирью.

Симбирск был также захвачен тем «переполохом, который произвело четырнадцатое декабря во всем русском обществе», — говорит Гончаров в очерке «На родине».

Либералы и либеральствующие притихли и быстро превратились в консерваторов. Прежние атеисты прилежно являлись в церковь и становились на видное место, афишируя свое отношение к церкви. Даже крестный Трегубов, подчеркивая свою лояльность и уважение к властям, усердно раскланивался с незнакомым ему тайным советником, боясь, «чтобы его не сочли за вольнодумца да не донесли «жандармы».

Наступило время, когда, по словам Герцена, «все передовое и энергическое вычеркнуто из жизни, а дрянь александровского поколения заняла первое место».

В своем очерке «На родине» Гончаров и рисует запуганное и терроризированное симбирское общество и «дрянь», которая заняла первое место в жизни этой мрачной эпохи. Одним из представителей этой «дряни» был губернатор А. М. Загряжский, выведенный в очерке под именем Углицкого. Этот образ идеализирован писателем. Об Углицком говорится доб-

родушно. Но вместе с тем Гончаров не отказывается и от сатирического изображения. Лукавая сатира Гончарова особенно удачно проявляется в тех сценах, где губернатор выступает в роли реформатора по искоренению взяток. В этом освещении образ Углицкого родствен щедринским образам из «Губернских очерков». Это помпадур-реформатор.

Алексей Михайлович Загряжский был симбирским губернатором в 1831—1835 гг. До назначения в Симбирск он служил в Москве в 7-м департаменте правительствующего Сената, за обер-прокурорским столом, в чине коллежского советника. В 1829 году его переместили на службу по удельному ведомству. В этом году Загряжский дважды увольняется в отпуск в Петербургскую губернию, в продлении которого был заинтересован почему-то управляющий Министерством юстиции кн. А. А. Долгорукий. Вскоре Загряжский получает назначение в Симбирск, куда он приехал уже статским советником и кавалером.[4] О его возвышении ходили в Симбирске любопытные рассказы. В день восстания декабристов Загряжский терся около дворца, суетился, бегал по площади и старался быть на глазах у царя. Он даже перевязал ушибленную ногу платком, будто был ранен в схватке с «бунтовщиками». Усердие было замечено, и Николай велел спросить: «Чего он хочет?». «Желаю быть губернатором», — ответил капитан. «Не много ли будет?» — возразил Николай. «Для государя все возможно», — бойко ответил Загряжский. Так он стал симбирским губернатором. Этот рассказ не вяжется с приведенными выше фактами из биографии Загряжского, но передает отношение симбирского общества к губернатору.

Симбирская хроника сохранила о нем память как о виртуозном взяточнике, щеголе и ловеласе. Его любовные похождения служили предметом неистощимых разговоров и якобы явились причиной крушения его недолговечной карьеры. Загряжский, затеяв интригу с дочерью губернского предводителя дворянства Баратаева, ходил на свидание, загримировавшись старухой. Он так удачно играл свою роль, что отец девушки, случайно встретив и не узнав его, указал, как пройти к дочери. Загряжский похвастался этим и опозорил имя девушки. Возмущенное симбирское общество грозило губернатору не только общим скандалом, но находились охотники, обещавшие помять бока незадачливому ловеласу. Возмущение было настолько сильным и единодушным, что Загряжский вынужден был выехать из Симбирска.[5] О его четырехлет-

ней административной деятельности на посту симбирского губернатора весьма убедительно сказано в материалах сенатора Перовского, обследовавшего в мае—декабре 1835 года Симбирскую губернию.[6] В своем рапорте Сенату он приводит ряд выразительных фактов, характеризующих губернскую административную машину, «одним из колес» которой стал И. А. Гончаров.

Для работы присутственных мест Симбирска характерными чертами являлись «медленность в решении вопросов, бездеятельность чиновников, беспорядок в делах».

Губернское правление несколько лет тянуло дело о дворовой девушке Ефросинье Павловой, отыскивающей вольность из владения титулярного советника Балохонцева, несмотря на неоднократные подтверждения указов Сената по этому вопросу. Причина та, что Самарский уездный суд не высылал следственных материалов по этому делу, игнорируя требования губернского правления. Симбирский городовой магистрат не исполнял с 1829 г. по 1835 год предписания гражданской палаты о наложении запрета за долги на имения членов и секретаря этого магистрата, хотя по этому делу был указ правительствующего Сената в 1833 году. Особенно затягивала просмотр дел палата уголовного суда. Здесь дела лежали годами. Председатель этой палаты статский советник Андреев с мая 1832 года по июнь 1834 года не бывал на заседаниях палаты, а подписывал журналы заседания у себя на дому, куда их привозил секретарь палаты. К этому надо добавить, что в начале 1834 года он же замещал председателя палаты гражданского суда. Такая практика не только затягивала решения дел в этих палатах, но исключала возможность обмена мнениями членов суда на заседаниях палаты. В уездных судах Симбирской губернии лежали тысячи нерешенных дел: в симбирском земском суде их оказалось 1050, в ставропольском — 1781 дело и т. д. Городничие, по словам Перовского, «большею частью пренебрегают исполнением своих обязанностей».

В Ардатове — городничий оказался «весьма ограниченных способностей»; в Буинске — городничий Непейпиво, будучи человеком нетрезвого поведения, 6 месяцев рапортовался больным, пренебрегая своими обязанностями; в Самаре — городничий Сеченов растратил деньги, собранные на улучшение пожарных инструментов и т. д. Такое же положение было в высоких губернских административных сферах. Симбирское депутатское собрание вынесло решение о передаче

четырнадцати дворянских имений в опеку за жестокие поступки помещиков с крестьянами, но эти решения оказались на бумаге: сведения были только о 4 имениях, а об остальных 10 ничего не было известно. Тон этой административной машине задавал сам Загряжский.

Дела уголовной палаты поступали по узаконенному порядку на рассмотрение начальника губернии, после чего им давался соответствующий ход. У Загряжского находилось без рассмотрения с 25 сентября 1834 г. по июль 1835 г. дело по доносу крестьян Карсунского уезда на своего помещика Алашеева за причинение им побоев дворовому человеку Ивану Иванову, от которых тот умер.

Обобщая эти факты, сенатор утверждал, что за эти упущения и беспорядки во многом ответствен Загряжский. В Симбирской губернии, говорил он, не существует необходимый для служб порядок подчиненности. «Земские суды, полиция и магистраты не заботятся исполнять требований уездных судов, а сии последние оставляют без внимания предписания правления и палат, которые со своей стороны не довольно уважают даже самые указы правительствующего сената». «Рапорт о замеченных при обозрении Симбирской губернии медленности и беспорядках по делам тамошних присутственных мест» Перовский заканчивает такими словами: «Одним словом, возбуждение большей деятельности в составе всего управления Симбирской губернии и восстановление подчиненности между присутственными местами, по мнению моему, совершенно необходимо для пользы оной губернии, столько же и потому, что недостаток энергии в отдельных частях государственного управления ослабляет некоторым образом действие самой верховной власти, на которой основано благоустройство империи»[7].

Таким образом, для губернских административных инстанций характерной чертой была «собственная их недеятельность», которая не могла, конечно, укрыться и от взора будущего писателя-реалиста. Это один из элементов в формировании представления об обломовщине, о которой он скажет свое веское слово. Была, правда, одна сторона «деятельности» представителей всех инстанций симбирской губернской машины, в которой они проявляли себя довольно активно. Это казнокрадство и взяточничество. О взяточничестве в Симбирске 30-х годов богатый и художественно преподнесенный материал дан самим Гончаровым в его воспоминаниях «На Родине». В том, что сообщает писатель, нет преувеличе-

ния. Наоборот, он смягчает краски и особенно там, где касается Загряжского, умевшего с внешним блеском брать взятки. Если же мы обратимся к запискам симбирского губернатора Жиркевича, сменившего в 1835 г. Загряжского, а также к воспоминаниям жандармского офицера Стогова и к архивным материалам, то найдем поразительные по своей бесстыдности факты. Симбирский и уездный исправники почти открыто получали по 2500—3000 рублей в год от откупщиков. Когда Жиркевич приехал в Симбирск, то к нему явился откупщик Бенардаки и бесцеремонно сказал: «Я знаю, что вы теперь не при деньгах и на днях заняли у Огнева (вице-губернатора) 2000 рублей для отсылки жене вашей. Позвольте мне предложить вам свои услуги. Мы, откупщики, имеем коренное правило — ежемесячно часть нашей прибыли уделять начальству, и я смею просить Вас оказать мне такую же благосклонность, как и предместники ваши допускали». Здесь не только указание на Загряжского, но здесь указание на сложившуюся и признанную традицию. Бенкендорф сообщал в феврале 1830 года министру юстиции о злоупотреблениях по Симбирской губернии. Он направил ему «приватное сообщение» из Симбирска, в котором говорится, что стряпчие (уездные прокуроры) в Симбирской губернии за определение в эту должность должны были давать взятку губернскому прокурору в 3000 рублей. Кроме этого, все стряпчие платили ему же положенную в год сумму. В другой «частной записке», направленной им же министру юстиции, сообщается, что «в Симбирской губернии столь искусно и систематически берут взятки стряпчие, исправники и пр., что нет никакого средства в том уличить. В число сих доходов входит сбор с откупщиков, записываемый у них в расходных книгах в статье «На одолжение». Более всех отличается в сем случае губернский прокурор, прикрывая действия свои благовидною наружностью и из всего извлекая свою пользу».[8] Как видим, губерния фактически находилась в руках корпорации взяточников, казнокрадов и той «дряни александровского времени», торжество которой наступило после 1825 года. Наглое взяточничество процветало всюду. Брали все и везде, где только представлялся случай: во время призыва в армию, при получении откупов, во время ревизии. Симбирский полицмейстер обложил еженедельной данью даже нищих, которые платили «по степени калечества». В своей ведомости, заведенной для памяти, он записывал: «Не доплатил 3 копейки, доплатить следующий раз». При безраздель-

ном господстве «подлых и тупых» мудрено было искоренить взяточничество.

Вот что из себя представляла симбирская губернская административная машина, одним из «колес» которой стал И. А. Гончаров. Писатель рисует себя в очерке «На родине» беззаботным юношей, который больше беспокоится о том, чтобы у него было необходимое число перчаток, белых галстуков, чем о своей работе. «Это оказалось самым важным делом в моей службе», — утверждает он. Но здесь же Гончаров сообщает и о своей работе. «Утром едешь в канцелярию, прочитаешь присланную сверху, то есть от губернатора, почту, потом «исполняешь бумаги» к подписанию его превосходительства. С этими последними, часов в 12, являешься к нему на верх, в кабинет». Гончаров был секретарем канцелярии губернатора, о чем он неоднократно заявлял в очерке «На Родине».

Зачисление И. А. Гончарова, сына купца, секретарем канцелярии губернатора дело немаловажное по тем временам. По действующим законам тридцатых годов XIX века на гражданскую службу можно было принять только детей купцов первой гильдии и только в том случае, если отцы их состояли в этой гильдии более 12 лет сряду, не опорочив себя банкротством. Отец Гончарова был приписан к 3-й гильдии.[9] Следовательно, Гончаров не мог быть принят на службу. Такое право давало ему окончание университета и получение ученой степени. Окончившим университет с ученой степенью студента, присваивался учебным заведением чин 12-го класса, т. е. чин губернского секретаря, и этим открывался путь для поступления во все ведомства гражданской службы. И. А. Гончаров окончил Московский университет со званием действительного студента. В соответствии с законом он был зачислен осенью 1834 года секретарем канцелярии губернатора. И. А. Гончаров, как окончивший университет, имел чин 12-го класса, что давало возможность губернатору определить его на службу без представления для утверждения в Министерство внутренних дел*. Это было, так сказать, личным делом губернатора, избирающим доверенное лицо.

---

* Сам Гончаров не включал этот год службы в свой формулярный список, называя себя «отставным неслужившим чиновником» («На Родине», Ульяновск, 1956, стр. 83). Его формулярный список начинается с 18 мая 1835 года, даты поступления на службу в департамент внешней торговли. 30 мая 1835 года, по постановлению правительствующего сената,

Каков же круг обязанностей секретаря канцелярии губернатора И. А. Гончарова? Ответ на этот вопрос можно найти в «Своде учреждений государственных и губернских» 1832 года, в котором определены права губернатора, а также права, обязанности и функции губернских учреждений.

Канцелярия губернатора занималась такими вопросами, как переписка по обозрению губернии (ревизии) губернатором, «переписка по предметам, требующим особой тайны и личного распоряжения губернатора на основании законов». В ее обязанность входили дела по воинской повинности, а также дела «хотя в общем порядке и подлежащие производству Губернского правления, но требующие, по экстренности своей личного распоряжения губернатора». В Ульяновском архиве сохранились материалы этой канцелярии только с 1841 года. Первое дело, открывающее опись дел за этот год, называется: «Донесения о жестокостях Рамейкова». Дальше идут дела о крестьянах-раскольниках, жалобы крестьян на неправильные действия местных властей, о взыскании оброчных недоимок, о происшествиях по Симбирской губернии, о неправильном взятии рекрутов, представления в должности в губернские учреждения. Это, так сказать, конкретизация общих положений закона о канцелярии губернатора. В «Своде учреждений» определяется и роль секретаря, который следил за порядком движения и рассмотрения дел, поступавших в канцелярию, удостоверял своей подписью точность и полноту изложения дел, справок и выписей из законов, выходящих из канцелярии губернатора.

В изложении дела требовалось «сохранение прямого существа всех обстоятельств дела»; в справке должны были содержаться все сведения, акты, доказательства, «собранные в том же месте, или истребованные от других и служащие к дополнению или объяснению дела».[10]

Как видим, секретарь канцелярии симбирского губернатора губернский секретарь И. А. Гончаров действительно «сделался одним из колес губернской административной машины». К этим словам в очерке «На Родине» Гончаров добавляет с лукавой иронией — «Да еще каким важным».

Гончаров был утвержден на этой службе в чине губернского секретаря. Насколько можно понять, он не был оформлен в этом чине во время службы в канцелярии симбирского губернатора в связи с тем, что почему-то задержалась высылка из Москвы необходимых ему документов, связанных с окончанием университета. Возможно, что Гончаров не включил этот год службы в свой формуляр по каким-то другим соображениям.

Можно без иронии сказать, что он стал действительно «важным колесом» губернской административной машины.

Этому способствовало и доверительное отношение к нему Загряжского. Сам Гончаров пишет о том, что он «исполнял секретные бумаги с губернаторской отметкой». Следовательно, мы можем сказать, что служебное положение Гончарова и расположение к нему губернатора привели к тому, что будущий писатель был в курсе важных и острых событий в губернии. Какие же это события? Почти весь архив тридцатых годов канцелярии симбирского губернатора погиб в пожаре 1864 года. Сохранились в центральных архивах только те бумаги, которые были направлены из канцелярии губернатора в Министерство внутренних дел, в Сенат и Министерство юстиции. Эти материалы (с октября 1834 по май 1835 г.) мною и обследованы для того, чтобы ответить на этот вопрос.

Крупнейшими событиями с октября 1834 по май 1835 годов в Симбирской губернии, материалы о которых прошли через канцелярию губернатора, были дела об отыскании крепостными крестьянами вольности (Андреевой и др.), об убийстве помещиками крепостных людей и перевод казенных крестьян Симбирской губернии в удельное ведомство. Рассмотрим эти материалы.

Симбирская губерния относится к группе среднечерноземных губерний, в которых было значительно развито дворянско-помещичье землевладение, а следовательно, и крепостничество.

В тридцатых годах борьба между симбирскими помещиками и крестьянами обостряется, что проявилось в борьбе отдельных крестьян за вольность, в жестоких расправах помещиков-крепостников, в событиях, связанных с переводом симбирских казенных крестьян в удельное ведомство.

10 января 1828 года был издан царский указ «К учинению постановления о даче свободы тем дворовым людям и крестьянам, которые находились в противозаконном владении или распоряжении разночинцев».[11] В связи с этим возникает множество дел о дворовых людях и крестьянах, ищущих свободы.

В 1834—35 гг. рассматривались в Симбирском губернском правлении, а также губернатором дела об отыскании вольности: симбирской мещанки Сергеевой, которая вместе с детьми находилась во владении иностранца Балтуса; симбирских крестьян Ивановых, ищущих свободы от титулярного

советника Фурние; крестьян села Вырыпаевки, ищущих свободы от владения помещицы Ахматовой; дворового человека Никитина, находящегося у протоиерея Симбирского собора Протопопова, о дворовом человеке Александрове, о крестьянке Ивановой, ищущей свободы от владения майора Романова и др.[12]

Знал ли Гончаров о таких «отысканиях вольности». Да, знал. В очерке «На родине», описывая (в десятой главе) свой первый день на службе, он говорит о пришедшем к нему солдате, потерявшем Егорья, и о женщине: — «Баба жаловалась, что сыну не выходит «ослобождение» от «некрутчины». «Ослобонить, ослобонили, потому — негодный, спина кривая, а бумаги из правления не дають и сына, не отпущають, а она проелась, жимши в городе» и т. д.».

Следуя этому намеку Гончарова, для разыскания этого дела, мною обследованы все дела 1834—1835 гг., вышедшие из канцелярии губернатора. Полагаю, что речь идет о названном выше «Деле о симбирской мещанке Сергеевой, об отыскиваемой свободе из владения помещика Рушко сыном ее Давыдовым, неправильно отданным в рекруты». Других дел, связанных с рекрутчиной, в фонде Департамента юстиции, куда поступали подобные дела из канцелярии губернатора, нет, хотя этот фонд сохранился хорошо. О том, что именно с этой просительницей встретился И. А. Гончаров в канцелярии губернатора, свидетельствуют обстоятельства самого дела. Сергеева с дочерью и сыном были во владении иностранца Балтуса, который скрылся из Москвы во время войны в 1812 году. Сергеева и ее дети должны были перейти в разряд государственных крестьян, но в 1814 году неожиданно появился новый владелец — помещик Рушко, который при помощи каких-то махинаций купил эту семью у подполковницы Высоцкой. Местные власти были на стороне помещиков, протесты семьи Сергеевых не были приняты во внимание. Тогда Алексей Давыдов, сын Сергеевой, в 1831 году обратился в Сенат с прошением «об отыскании вольности из помещичьего владения». В ответ на это Рушко отправил Давыдова в рабочий дом, где держал два года, а в 1833 году отдал его в рекруты, хотя, по словам матери, ее сын «во всем корпусе своем всегда чувствует расслабление».

Правительствующий Сенат в ответ на прошение Алексея Давыдова 7 августа 1833 года, по словам Сергеевой, «предписал губернскому правлению Указом учинить вновь о непринадлежности сына моего во владении .., не оставя сына

моего без надлежащего ограждения от чинимых ему помещиком Рушко притеснений». Указ Сената мог рассматриваться Сергеевой как «ослобождение» сына от Рушко и от рекрутчины. Симбирское губернское правление, имея свою точку зрения на этот вопрос, «учинило по законам», оставив семью Сергеевой у Рушко, отказав ей в выдаче бумаги. Она действительно могла сказать: «ослобонить ослобонили потому негодный, спина кривая, а бумаги из правления не дають». То что мать на первый план выдвигает болезнь сына— естественно: помещичье бессердечие безгранично — ее больного сына отправили в солдаты. Это самый веский для матери аргумент.

Вторичное рассмотрение этого вопроса, сопровождающееся собиранием необходимых справок, закончилось осенью 1834 года. Вот в это время Сергеева и могла быть на приеме у начальника (секретаря) канцелярии И. А. Гончарова и сказать, что она «преклонных лет, коих от роду 71 год», что не получает «необходимой нужной помощи и призрения», что она, как говорит Гончаров, «проелась, жимши в городе», Сергеева могла бы жить и в Сызрани у дочери, которую захватил Рушко, но мать боролась за сына, ей нужно было жить здесь, в губернском городе. Молодой секретарь был поставлен в трудное положение, но его вызвали к губернатору и он «поручил» одному из чиновников «разобрать просителей». Сергеева, возможно, после посещения канцелярии губернатора, обращается с прошением в Сенат, который 12 марта 1835 года отказал ей, поддержав симбирское губернское правление.

В январе 1836 года Сергеева подала прошение царю с просьбой обратить ее сына «в первобытное состояние», «учинив его свободным от владения Рушко». Но голос «нещастной матери, утруждающей царя» не был услышан.

Вот с каким делом, по моему мнению, встретился И. А. Гончаров в первый же день своей деятельности в родном Симбирске. Могут возразить, указав на то, что Гончаров не упоминает об «отыскании вольности от помещика», а только от рекрутчины. На это я могу ответить, что так же описан «кривой староста» из с. Хухорева, губернатор Загряжский и др.

Принцип обрисовки этих персонажей такой же, как и в обрисовке крепостной женщины, которая боролась за свое детище, «отыскивающее из рабства свободы».

Пусть Гончаров не описал ее, эту сильную духом старую

женщину, такой, какой мы ее видим по материалам дела, но встреча с ней не прошла бесследно. Ведь он ее помнил даже в старости, когда писал очерк. Так же, как он запомнил хухоревского «кривого старосту». И это понятно. Это первый шаг в расширении рамок тех «впечатлений бытия», которые приведут писателя к «Обломову». А за этим первым делом пойдут другие дела, другие факты, заставляющие писателя вглядываться в жизнь, дела, говорящие о сложности этой жизни. Пусть я ошибусь, высказав предположение о том, что Гончаров знал то или иное дело, но я не ошибусь в основном — те дела, которые характеризуются дальше, дают представление о той конкретной социально-политической жизни и атмосфере, в которой жил писатель в 1834—35 гг., которые влияли на формирование его демократического мировоззрения.

Дело Сергеевой не единично. Таких дел в течение года службы Гончарова разбиралось в губернаторской канцелярии и Сенате больше десяти. Следовательно, отыскание свободы было не единичным явлением. Из этих дел можно выделить два дела, которые шли через губернаторскую канцелярию. Это о крестьянах с. Вырыпаевки и дело Андреевой. В деле крестьян Вырыпаевки вырисовывается неблаговидная роль губернатора. После смерти помещиков Змейкиных (они были убиты) крестьяне с. Вырыпаевки должны были перейти в казенное ведомство. Но их купила у дальних родственников Змейкиных помещица Ахматова, с которой крестьяне начинают борьбу с 1830 года, не признавая себя помещичьими крестьянами, добиваясь передачи в казенное ведомство. Симбирская гражданская судебная палата, куда обратились крестьяне, стала на сторону Ахматовой. Крестьяне подали жалобу в Сенат. Тогда помещица захватила в Симбирске поверенного от крестьян Николая Мартынова, отобрала у него все письменные доказательства и «за продерзости» через Симбирское губернское правление сослала в Сибирь на поселение, а девять его родственников и свойственников, отыскивающих вольность для вырыпаевских крестьян, отдала в зачет будущих наборов за своих крестьян в рекруты, Петра Ефимова, удалив от семейства, отдала дочери симбирского священника. Остальных крестьян помещица перевела в Оренбургскую губернию, приказав остричь крестьянам половину головы и бороды. Крестьяне обратились к Загряжскому с жалобой на Ахматову за «ее тиранства и жестокости», Губернатор приказал посадить просителей в тюремный замок на

неделю, а затем, обрив головы и бороды, отослать в дом Ахматовой.

24 марта 1834 года крестьяне вторично обращаются к министру юстиции, а в 1835 году опять просят его спасти их «от совершенной нищеты и всеконечного разорения». Сенат отклонил жалобу крестьян на том основании, что они просрочили подачу жалобы и оставил в силе решение симбирской гражданской палаты.

Еще более громким в этих годах было дело «О крестьянке Андреевой, ищущей свободы от майора Романова». Андреева была продана своим помещиком майором Романовым унтер-офицеру Костеркину, затем около пяти лет она была у канцелярского служителя Шабердина и у купца Прохорова. Она возбудила иск о свободе перед Сенгилеевским уездным судом, как жена ратника, поступившего в Симбирское ополчение в 1812 году и погибшего на войне. В ответ на это заявление ее первый владелец, дворянский заседатель симбирской палаты уголовного суда майор Романов, подал заявление в полицию о побеге от него этой крестьянки, а затем в Симбирский уездный суд — прошение о том, чтобы с Андреевой поступили по законам за неповиновение.

Дело Андреевой интересно и поучительно еще и в том отношении, что в нем выразились крестьянские надежды, связанные с событиями 1812 года. Андреева добивалась свободы как жена ратника симбирского ополчения, в чем ей помог крестьянин Михайлов, передав квитанцию на мужа, не возвратившегося из ополчения. Следовательно, отыскивание свободы было связано с участием в ополчении. В этом случае мы имеем дело с тем положением, о котором писал Маркс: «В 1812 году, когда крестьян призывали записываться в ополчение, им, хотя и неофициально, но с молчаливого согласия императора, было обещано освобождение, как награда за патриотизм». (Соч., т. XI, ч. 1, с. 543). Но ратники ополчения вернулись в свои дома и «в награду» их опять заставили пахать на барщине, опять их стали тиранить господа. Дело Андреевой это крушение иллюзии, которой жили симбирские крестьяне, вернувшиеся из ополчения. Именно эта особенность объясняет реакцию крепостников и резонанс, который получило это дело.

В ответ на заявление Андреевой Сенгилеевский и Симбирский уездные суды, симбирское губернское правление отказали Андреевой, мотивируя тем, что она в момент подачи прошения находится во владении майора Романова, поль-

зующегося дворянским правом. Дело было не только в Андреевой. Симбирские крепостники — разных чинов люди и дворяне нашли возможность обходить указ 1828 года. Владельцы крепостных разночинцы составляли фиктивные продажные записи с дворянами, а последние отдавали им якобы в услужение крепостных крестьян и дворовых людей. Если крепостные добивались освобождения, находясь во владении дворян, их поиски вольности не рассматривались, как это было с Андреевой.

Крестьянка Андреева обратилась с жалобой в сенат. В дело вмешался симбирский прокурор. В правительственных сферах в сентябре—ноябре 1834 года завязалась дискуссия о том, когда можно «отыскивать» крестьянам и дворовым людям свободу. В этой дискуссии, возникшей в связи с делом симбирской крепостной Андреевой, приняли участие департамент юстиции, обер-прокурор, общее собрание правительствующего сената. Возник вопрос о представлениях по этому делу Государственному совету. В конечном счете сенат принял предложение министра юстиции о том, что «не может быть препятствием то, что иск о свободе начался тогда уже, когда ищущие свободы, были во владении лиц, пользующихся дворянским правом». Невозможно представить, чтобы секретарь губернаторской канцелярии, через которую шла переписка с сенатом по этому вопросу, не знал о таком громком деле, характеризующем симбирских крепостников и раскрывающем неугасимую жажду простого люда к отысканию вольности.

Еще более разительны факты 1834—1835 годов, характеризующие жестокость симбирских крепостников, не останавливающихся перед убийством своих крепостных.

25 октября 1834 года Загряжский утвердил решение симбирской уголовной палаты о самарском судье Племянникове по «Делу об умерщвлении помещицей Коробовой дворового ея человека» — и направил его в Сенат.[13]

В феврале 1831 года дворовые люди симбирской помещицы Сотниковой, недавно бежавшие из Сибири, т. е. полностью зависимые от госпожи, с ее ведома и по приказанию ее дочери коллежской регистраторши Коробовой, убили в с. Студеном Буераке дворового человека Максима Данилова, беглого курского помещика. Сначала Максим был посажен в железы, а затем повезен Коробовою в Самару для наказания при полиции. Перед отъездом Данилов, чуя недоброе, на коленях просил прощения у барыни за свои слова: «Как звенят

мои железа, так зазвенит в ушах у барыни»; «Рано или поздно я всучу барыне щетинку в лоб». Барыня отказалась слушать провинившегося дворового, и его, закованного, бросили в сани. В Самару поехали в двух санях. Дорогой с саней, на которых ехала Коробова, соскочил дворовый человек, накинул петлю из мочальной веревки на шею Данилова, стащил с саней, привязал его той же веревкой к саням и таким образом догнали сани, в которых сидела их госпожа. Вместе с нею доехали до проруби, с тащившимся на веревке Даниловым, уже удавленным, и бросили труп в прорубь на Волге. Текущую из убитого кровь Коробова затирала своими валенками. Самарский уездный суд заключил в тюрьму помещиц Коробову и Сотникову, а затем приговорил их как убийц — Коробову (31 год) на каторжную работу, а Сотникову (59 лет) на поселение; их, двух дворовых людей, совершивших убийство, — наказать публично плетьми и сослать «в работы». В симбирской уголовной палате вокруг этого дела разгорелась борьба. Часть палаты, во главе с председателем симбирской палаты гражданского суда А. И. Татариновым, яростно осудила уездного судью, принявшего во внимание показания крепостных крестьян, и оправдала помещиц-убийц, добившись их освобождения из тюрьмы. Сенат поддержал это решение, «предав их вину воле божьей» и предав суду симбирской уголовной палаты уездного судью В. А. Племянникова, ведшего дело об убийстве Денисова. Классовая подоплека этого дела совершенно очевидна, она так и выпирает в решении Сената.

И. А. Гончаров, несомненно, был знаком с этим делом, т. к. через канцелярию губернатора проходила переписка о Племянникове, который в июне 1834 года был избран по баллотировке симбирского дворянства на должность председателя симбирской уголовной палаты. Его утверждение в этой должности было задержано департаментом юстиции в связи с тем, что Племянников находился под судом по делу Коробовой по указанию Сената. Суд над ним в симбирской уголовной палате состоялся в октябре 1834 года. Здесь опять столкнулись две силы, но группа, возглавляемая Татариновым, оказалась теперь в меньшинстве, и Племянников был оправдан на том основании, что «его поступок не заключает в себе малейшего умысла и никакой особенной важности».

В марте 1835 года Племянников был утвержден в должности председателя симбирской уголовной палаты. Его реабилитация и назначение — победа прогрессивных сил сим-

бирского общества, к которым принадлежал и секретарь канцелярии губернатора.

Незадолго до оставления службы Гончаровым возникло еще одно громкое дело об умершем крестьянине дер. Марьевки Николае Антипове. Помещик Бронский избивал его «из своих рук» арапником, пинал ногами, вместе с дворовым мальчиком сек Антипова «в два езжалых кнута за нечисто надетый на лошадь хомут», «за нерасчистку копыт у лошади». Крестьянин умер от этих побоев. Помещик приказал похоронить его, но двенадцать марьевских крестьян воспротивились этому, потребовав обследования тела. 19 марта 1835 года они бежали в Симбирск с жалобой к губернатору, обвинив Бронского в убийстве Антипова. Вероятно, они побывали у секретаря канцелярии губернатора. Земская полиция обязала помещика подпиской, что он больше не будет наказывать крестьян, а крестьян, — что они будут исполнять 3-дневную господскую работу[14].

И. А. Гончаров говорит в своем очерке о том, что ему до службы в Симбирске были «незнакомы многие «впечатления бытия». Быть может, он имел в виду также и эти «впечатления бытия», связанные с трагической судьбой и участью крепостных людей. Приведенные слова писателя полностью относятся к событиям, связанным с передачей казенных крестьян в удельное ведомство. К этим словам он добавляет, что ему были неизвестны также и жандармы в их значении с николаевских времен. О них он узнал в Симбирске, от Трегубова и губернатора. Именно здесь, на родине, перед ним раскрылась «вся глубина жандармской бездны». «Я тогда стал смотреть большими глазами на губернского полковника Сигова», — пишет Гончаров[15]. Но он не раскрывает значения своего выражения о «глубинах жандармской бездны», не объясняет, почему такое внимание вызвал Стогов, выведенный в воспоминаниях «На родине» под фамилией Сигова. Дело в том, что Гончаров хорошо знал о кровавой трагедии, в которой этот жандармский полковник играл основную роль. Стогов прибыл в Симбирск в январе 1834 г. В своих «Воспоминаниях» он пишет, что симбирское общество проявило «недоверие и нерасположение к голубому мундиру».[16] Свежими были в памяти факты, связанные с разгромом декабристского движения. Вскоре события показали, что симбирское общество не ошиблось в своем отношении к представителю «синей нравственности».

25 января 1835 года был подписан высочайший указ

правительствующему сенату о передаче в удельное ведомство, т. е. в собственность императорской фамилии, четырехсот тысяч казенных крестьян и лошман Симбирской губернии. Было приказано указ о передаче не публиковать повсеместно, а только в Симбирской губернии. Министр юстиции сделал такую карандашную надпись на отношении департамента уделов: «Написать теперь же к кн. Лобанову (обер-прокурору. — **П. Б.**), чтобы посылку простого указа по прежнему сенатскому определению, если еще время, остановил. Все дело в том, что Д. М. Блудов очень справедливо заметил кн. Волк[онскому], что мужики мало верят письменным указам, а требуют печатных, и что по сему может от них быть сопротивление».[17] Опасения царя и министра юстиции подтвердились. Передача симбирских казенных крестьян в удельное ведомство вызвала значительные волнения среди крестьян и не менее значительные репрессии со стороны губернских властей и жандармерии. В Сызранском уезде жандармский полковник Стогов засек до смерти тринадцать бунтующих крестьян и на мертвых одел кандалы. Остальных бунтовщиков поголовно перепорол. Бесфамильного Федьку, стоявшего во главе крестьянского бунта, Стогов засек до полусмерти и сослал в Сибирь.

Эта деятельность жандармского полковника получила одобрение венценосного жандарма — Николая I.[18]

Естественно, что у Гончарова имелись основания говорить о «глубинах жандармской бездны».

К маю 1835 года крестьянские волнения были подавлены. 28 мая этого года в Симбирскую губернию был направлен сенатор Перовский «для принятия на месте ближайших мер к устройству имения, поступившего из казны в удел». Одновременно с этим был снят с работы Загряжский. Основанием для этого были, конечно, не любовные его истории, а события, связанные с переводом крестьян в удельное ведомство.

Волнения в Сызранском уезде дополнились беспорядками в связи с переводом лошман в удельные крестьяне. В 1836 году эти беспорядки переросли в крестьянское восстание, охватившее Симбирский, Буинский и Курмышский уезды. Центром восстания, в котором приняло участие до 40000 крестьян, стало село Бездна, Буинского уезда. В подавлении этого восстания приняли участие не только местные власти, но и специально присланные из Петербурга генерал с неограниченными правами и представители жандармского управления.

Сопротивление крестьян было подавлено войсками, направленными в Бездну и Цильну. Эти села были разгромлены. Крестьяне остальных сел и деревень заявили о своей покорности. Многие участники восстания без суда были сосланы в Сибирь, забриты в солдаты, посажены в смирительные дома.[19]

Крестьянские волнения, связанные с переводом казенных крестьян и лошман в удельное ведомство, начались в 1834 году, а своего апогея достигли в 1836 году. В 1835 году был разворот этих событий. Перевод крестьян в удельное ведомство, подавление их сопротивления осуществлялись через канцелярию губернатора. Гончаров по своему служебному положению был в курсе развертывающихся трагических событий.

Отставка губернатора, в которой, по словам Гончарова, не последнее место занимали происки жандармского офицера Стогова, послужила поводом для ухода со службы. В мае 1835 года Гончаров покинул Симбирск.

И. А. Гончаров оставил службу в канцелярии губернатора в то время, когда назревали крупные волнения государственных крестьян и лошман Симбирской губернии, так трагически закончившиеся в 1836 году. Не связан ли уход со службы и отъезд писателя из Симбирска с этими событиями? Не было ли это проявлением своеобразного протеста молодого писателя против того насилия, которое чинилось над бедным людом. Одно можно сказать с полной определенностью, что этот отъезд не бегство писателя от жизни. Это — шаг к «Обломову».

Годичная служба приобщила будущего писателя к самым сложным и острым проблемам современности. Острая и упорная борьба крестьянства с симбирскими крепостниками за отыскание вольности, за право на свободу, за право на жизнь не могли пройти бесследно для И. А. Гончарова. Здесь перед ним раскрылись в трагической глубине непримиримые противоречия между дворянской и крестьянской Россией. Здесь формировалось мировоззрение молодого писателя, здесь накапливался тот социально-жизненный опыт, который помог его сближению с В. Г. Белинским.

На склоне лет, работая над очерком «На Родине», писатель, характеризуя свои симбирские переживания 1834—35 годов, вспомнил «Демона» Пушкина. Из этого стихотворения он взял начальные строки:

В те дни, когда мне были новы
Все впечатленья бытия...

Это не случайная цитата. Раскрывая глубокое содержание «Демона», Пушкин писал о том, что «в лучшее время жизни сердце, еще не охлажденное опытом, доступно для прекрасного». Его волнуют «возвышенные чувства, свобода, слава и любовь и вдохновенные искусства». Но мало-помалу «вечные противоречия существенности рождают в нем сомнение», которое уничтожает навсегда «лучшие надежды и поэтические предрассудки души».[20]

Обращение Гончарова к «Демону» не раскрывает полностью переживаний молодого писателя, оно является как бы поэтическим ключом, открывающим нам сложность его переживаний, дающим представление о характере этих переживаний.

И. А. Гончаров уехал из Симбирска значительно обогащенный жизненным опытом, теми многими «впечатлениями бытия», которые легли в основу не только очерка «На родине», но и основных его произведений. В своих воспоминаниях писатель указывает на то, что неясное представление об обломовщине зародилось у него еще в детские годы и углублялось в последующие. Для того, чтобы это неясное представление приобрело глубину и содержательность, вылилось в художественную форму, потребовалось глубокое знание жизни, зрелость таланта и могучее влияние Белинского, школы Пушкина — Гоголя, русской литературы, демократические идеи которой были близки и дороги создателю «Обыкновенной истории», творцу «Обломова».

* * *

Н. Н. Трегубов играл значительную роль в судьбе будущего писателя и его старшей сестры. Сведения о нем обычно ограничивались материалами, почерпнутыми из писем Гончарова и очерка «На родине», в котором он выведен под именем Якубова. Разыскания в ульяновском архиве, проведенные автором настоящих строк, дали значительный материал о крестном и о старшей сестре писателя.

Николай Николаевич Трегубов родился в 1771 году в селе Покровском, Ардатовского уезда. Его родители, отец — майор Николай Васильевич Трегубов, мать — урожденная княгиня Болховская были средними помещиками. Кроме родового поместья, их имения находились в д. Михайловке и

Обуховке, Ардатовского уезда, в с. Чертановке, Сенгилеевского уезда, а также во Владимирской губернии.[21]

В «Алфавитном списке дворянских фамилий, внесенном в «Дворянскую родословную книгу Симбирской губернии», Трегубовы занесены в первую книгу, с 1805 года. Но этот род был известен симбирским дворянам не только по родословной книге. Сыновья майора Н. В. Трегубова, Александр и Николай, проявили себя и как местные дворянские деятели. Первоначально они пошли по военной службе. Александр вышел в отставку штабс-капитаном артиллерии и в войне 1812 года участия не принимал. В 1811—1814 гг. он был предводителем Ардатовского дворянства. Избирался он на эту же должность и в 1817—1821 гг., что свидетельствует об уважении ардатовского дворянства к нему.

Николай Николаевич Трегубов учился в Петербурге в морском кадетском корпусе. В 1789 г. был выпущен во флот, в морскую артиллерию и служил на кораблях Черноморского флота.

Трегубов принимал участие в сражениях при Керченском проливе, в блокаде Италии с моря. В 1789 году он вышел в отставку в чине капитан-лейтенанта с владимирским крестом и поселился в родовом селе Покровском, Ардатовского уезда. Однако жил здесь недолго. В июле 1804 года он уже в Симбирске. В этом месяце он купил с аукциона село Хухорево, с 48 крестьянскими семьями, землею и угодьями. Это село находилось рядом с родовым имением Трегубовых. Вскоре им были куплены дворовые люди (семь человек), затем крестьянская вдова с двумя дочерьми. В с. Покровское Н. Н. Трегубов так и не вернулся, а поселился в Симбирске, получая после смерти отца от брата доходы за свою часть родового и приобретенного имения. Кроме этого, он вступил в гражданскую службу в губернском городе, начав службу советником губернского правления. В январе 1823 года, после почти тридцатилетней службы в Симбирске, Н. Н. Трегубов вышел в отставку. Достоверно можно сказать о последних годах его службы. В 1820—1823 гг. он был выбран симбирскими дворянами судьей Симбирского совестного суда. Утверждение в этой должности Н. Н. Трегубова показывает, что до этого он служил в судебных учреждениях, т. к. согласно положению о совестном суде, введенном в 1775 году, судья назначался губернатором из числа кандидатов, выдвигавшихся судебными учреждениями губернии. В совестный суд, сказано в «Положении» о нем, «избирались люди добросове-

стные, законы знающие и учение имеющие, могущие подать руку помощи страждущим».

Совестный суд — один из судебных органов, рассматривавших дела о преступлении малолетних, о колдовстве, об освобождении на поруки, о преступлении безумных. Ему подсудны были также и некоторые гражданские дела. Выборы судьей совестного суда нужно рассматривать как проявление уважения симбирского дворянства к Н. Н. Трегубову. В Симбирске он получил чин надворного советника, после выхода в отставку был награжден знаком отличия за 25 лет беспорочной службы. Доходы с имения и получаемое жалованье давали возможность Н. Н. Трегубову жить по-барски. Можно привести один любопытный факт: за выучку дворового человека Миная Игнатьева поваренному и кондитерскому искусству Н. Н. Трегубов заплатил 1500 рублей.

Оставаясь барином, воспитатель И. А. Гончарова был вместе с тем просвещенным человеком своего времени.

Трегубов прошел «грозу Двенадцатого года», что, естественно, оставило глубокий след в его общественно-политических взглядах. В городе Трегубов пользовался общей симпатией и уважением дворянства. Он был близок к Баратаеву и состоял членом симбирской масонской ложи «Ключ к добродетели».

Симбирская масонская ложа была открыта в 1817 году. В нее входило 27 человек. Это были лучшие представители симбирского общества (П. Н. Ивашев, отец декабриста, А. А. Столыпин, граф Я. В. Толстой, А. П. Тургенев и др.).

О настроении членов ложи в какой-то мере свидетельствует настроение ее организатора. В одном из писем к внуку Новикова Баратаев писал: «Я не люблю ни самодержавия, ни деспотизма». Ему же он предлагал ответить письменно на вопросы: «Какое имеет мнение о разных родах правления в государстве и которое за лучшее считает, о средствах, которые могут вести людей к благополучию, и если б кто нашелся, который бы воспрепятствовал достижению сей цели, то почел бы ли он за полезное пожертвовать его для блага общего?» Внук Новикова утверждал также и то, что Баратаев в 1819 году, управляя ложею в Симбирске, сделал ему предложение войти в орден карбонариев в России.[22]

Таким образом, симбирская ложа «Ключ к добродетели» не была чужда и вопросов политики, которыми интересовался и Н. Н. Трегубов. Он имел большую библиотеку и регу-

лярно, выписывал книги исторического, политического содержания, а также газеты.

По словам Гончарова, его крестный был «чистый самородок честности, чести, благородства и той прямоты души, которой славятся моряки, и притом с добрым, теплым сердцем». Этот незаурядный человек и был первым воспитателем будущего писателя.

В январе 1823 года крестный Гончарова ушел в отставку. Смерть отца и нерегулярная высылка оброчных денег братом заставили Н. Н. Трегубова заняться своими имениями, для чего он выезжает в с. Покровское, к брату Александру. В декабре 1825 года братья, в присутствии представителей ардатовского дворянства, заключили соглашение о полюбовном разделе наследованного родового имения, а в январе 1826 года подали заявление в Ардатовский уездный суд об утверждении этого раздела. После раздела родового имения Н. Н. Трегубов стал полновластным владельцем трехсот с лишним крестьянских душ, значительного количества земли и разных угодий.[23]

Полюбовный раздел оказался, однако, таковым только на бумаге. Александр Трегубов вскоре его нарушил, захватывая себе крестьян и общие с братом строения. Началась тяжба, которая продолжалась и после смерти братьев, умерших в 1848 году. Семья Гончаровых, живших общим домом с Трегубовым, не осталась в стороне от этих событий. Старшая сестра писателя постепенно втягивается в сферу хозяйственно-помещичьих интересов и отношений, происходит постепенное превращение дочери купца Александры Александровны Гончаровой в деятельную и прижимистую ардатовскую помещицу Кирмалову.

В 1826—1828 годы Н. Н. Трегубов вынужден опротестовывать действия брата Александра, идущие вразрез с соглашением о полюбовном разделе родового имения. И в этом споре раскрываются те черты характера, которые ценил в своем крестном будущий писатель. Основной причиной спора было то, что Александр Трегубов нарушил условие, согласно которому братья обязались «при разделе рожденных после ревизии детей обоего пола не раздроблять от семейств их».

В реестре Александра Трегубова оказалась девятилетняя крестьянская девочка Анна, а ее родители были занесены в реестр Николая Трегубова. Последний обращается к брату с просьбой — «дабы не раздроблять сего семейства и не

лишать малолетнюю материнского призрения» уступить ему девочку, за которую будет уплачено деньгами. Александр отказался отдать девочку. Н. Трегубов не согласился на раздробление семейств, «когда дети остаются в одной части, а отец с матерью в другой» и предложил через ардатовский суд встретиться с братом в мае 1827 года для полюбовного решения этого вопроса. Александр Трегубов от встречи отказался. В связи с этим ардатовский суд решил не рассматривать полюбовное соглашение братьев. Раздел был утвержден симбирской гражданской палатой в 1833 году, минуя ардатовский суд. Все эти факты были не только известны, но и далеко не безразличны для студента Ивана Гончарова. С 1833 года они вплетаются в жизнь любимой сестры писателя. В 1833 году в этом деле впервые названа фамилия титулярного советника Михаила Максимовича Кирмалова, мужа А. А. Гончаровой, который получает в ардатовском суде владетельный указ на село Хухорево, принадлежащее Н. Трегубову. С этого момента М. М. Кирмалов входит в число близких к Гончарову людей.

* * *

В 1849 году Гончаров ехал из Симбирска в Москву через Карсун, Ардатов. В селе Талызино он остановился и заехал в с. Хухорево, Ардатовского уезда. Это было то самое село, о котором Гончаров пишет в своем очерке «На родине»: «Когда я спрашивал Якубова о его хозяйстве, посевах, умолоте, количестве хлеба — даже о количестве принадлежащей ему земли и о доходах»: «Я не знаю, друг мой, — говорил он, зевая, — что привезет денег мой кривой староста, то и есть. А сколько он высылает кур, уток, индеек, разного хлеба и других продуктов с моих полей, — спроси у своей маменьки: я велел ему отдать ей отчет, она знает лучше меня!»[24] Теперь крестного уже не было в живых, он умер в Симбирске в апреле 1848 года. В Хухореве жила старшая сестра писателя, по мужу Кирмалова. У сестры Гончаров пробыл несколько дней, но это село прочно вошло в биографию писателя. С ним он связан крепкими родственными и сердечными нитями. Его письма к Кирмаловой, ее мужу, к Лукьяновой, племяннику Виктору Михайловичу и его жене Дарье Леонтьевне, в судьбе которых он сыграл значительную роль, показывают, как близки были ему интересы хухоревской семьи.

В 1849 году в Хухорево Гончарова привели родственные и сердечные чувства. Его, конечно, интересовали и волновали

заботы сестры, о которых он уже имел некоторое представление. Его отъезд по времени совпадает с поступлением дела о Кирмаловых в симбирскую гражданскую палату по поводу их необоснованных притязаний к А. Трегубову. Превращение купеческой дочери Гончаровой в ардатовскую помещицу Кирмалову связано с завещаниями Н. Н. Трегубова. Начиная с 1836 года, он дарит ей свои родовые и благоприобретенные имения, земли и крестьянские души. В 1836—1840 годах сестра Гончарова становится владелицей восьмидесяти крестьянских душ и шестисот десятин удобной земли в с. Покровском и Хухореве, Ардатовского уезда. Получает она также крестьян и землю во Владимирской губернии. В сентябре 1836 года Кирмалова была введена во владение этими имениями и с этого момента начинается многолетняя тяжба Кирмаловых с А. Н. Трегубовым, родным братом дарителя. Он высудил себе имение в с. Покровском, как родовое имение. Тогда Кирмалова обвиняет А. Н. Трегубова в том, что он присвоил ее земли, купленные у Н. Н. Трегубова. Дело это тянется 7 лет. Вслед за этим возникает тринадцатилетняя тяжба о крестьянине Афанасьеве, проживавшем в с. Покровском. Этот крестьянин должен был отойти к А. Н. Трегубову, но Кирмалова подарила его своему мужу. В 1844 году возникает дело о том, что А. Н. Трегубов якобы задержал хлеб урожая 1835—1836 годов. Это дело принимает для Кирмаловых неприятный оборот, т. к. выяснилось, что хлеб этот был получен ими. Ардатовский уездный суд решил, что Кирмалов должен «испросить христианское прощение у А. Трегубова при чине земской полиции и местном предводителе дворянства», а если он не сделает этого, то огласить его поступок перед дворянами Симбирской губернии через дворянское депутатское собрание. Смерть А. Трегубова спасла Кирмаловых от этого позора. Но жена и сын умершего возбудили этот вопрос перед симбирской гражданской палатой в сентябре 1849 года, во время пребывания Гончарова в Симбирске. Это. по-видимому, и послужило одной из причин посещения сестры помещицы. Возникали и другие тяжбы с соседями-помещиками. Как видим, становление новой ардатовской помещицы было бурным и напористым.[25] Она отвоевывала себе место на ардатовской земле. В 1838 г. сестра Гончарова уже владелица трехсот крестьянских (мужских) душ и свыше тысячи десятин земли (870 дес. земли и 255 дес. леса), а в 1841 году она внесена в дворянскую родословную книгу Симбирской губернии[26]. Кирмаловы оказались прижимистыми господами.

Вопреки установившейся традиции, согласно которой, по словам ардатовского предводителя дворянства, «каждый рассудительный и благонамеренный помещик делится с крестьянами землею пополам», Кирмаловы оставили своим крестьянам меньше ⅓ земли, а остальную отвели под барщину. Землю под барщину они увеличили также за счет приобретения ее в оброчное содержание у других помещиков. Всю эту барскую землю обрабатывали крестьяне. Кроме этого, каждый крестьянин обязан был не менее 5—6 раз свезти барский хлеб для продажи в с. Лысково, Нижегородской губернии, в 150 в. от Хухорева. И опять-таки, вопреки установившейся традиции, это делалось без всякой платы, за счет крестьян, что их разоряло, т. к. каждая поездка обходилась им по 25—30 р.

Что касается крестьянского урожая с того надела, который был предоставлен крепостным, то многим из них хлеба не хватало на пропитание семьи, а овса — только на одну поездку в Лысково. Крестьяне должны были также сдавать в барский дом различную живность, а женщин по 23 аршина холста или по 1 руб. серебром, кроме сбора орехов и малины. Сверх этого, Кирмаловы установили оброк от 2 до 5 руб. серебром на мальчиков. Хухоревские крестьяне назвали оброк с мальчиков «оброком с воды». Если господа ехали в Москву или Симбирск — деньги на поездку собирались с крестьян же. Все это привело к тому, что большая часть хухоревских крестьян вынуждена была распродать свой скот, разорилась и ходила по миру и только одна треть ела свой хлеб. В 1850 году авторитетная следственная комиссия провела повальное обследование кирмаловских крепостных и составила «Свидетельство быта и имущества крестьян г. Кирмаловой в селе Хухорево»[27]. Из 49 обследованных дворов 27 дворов, от мала до велика, ходили по миру. Описи таких дворов очень лаконичны: «скота и хлеба нет, ходит по миру».

В рабочую пору, когда ходить по миру было запрещено господами, хухоревские крестьяне на барщине «часто дня по два оставались не евши». А отсюда воровство. Ардатовский уездный предводитель дворянства заявил, что «крестьяне с. Хухорева известны всему Ардатовскому уезду (как помещикам, так и крестьянам) как самый грубый, беспутный и негодный народ». Вот в каком положении оказались крестьяне Н. Н. Трегубова, которого они не раз вспоминали добрым словом. Если к этому добавить, что Кирмалов отличался беспутным поведением, имел несколько любовниц в разных селах, а в Хухореве «из молодых женщин ни одна от него не

отбивалась», то картина рабского и нищенского положения хухоревских крестьян станет полной.

Такое отношение Кирмаловых к крестьянам вызвало протест с их стороны. И он проявлялся в разных формах. Хухоревские крестьяне бежали от своих господ: в бегах было около десятка крепостных. В ардатовском тюремном замке находились Маркел Антонов, И. Филиппов, Ф. Борисов. Кирмалов сам часто наказывал крестьян. Весной 1848 года он продал часть крестьянской земли соседу — помещику Галахову, не дав крестьянам взамен другой земли под яровой сев. Крестьяне голодали — просили у барина хлеба, но он отказал им в этой просьбе. Тогда хухоревцы выделили трех стариков от мира, которые обратились с жалобой к предводителю дворянства. Приехав в Хухорево, предводитель собрал крестьян, но при барине все молчали. Предводитель все же сказал Кирмалову, что землю и хлеб надо дать голодающим крестьянам. Барин хлеба дал, а земли не дал. После отъезда предводителя дворянства барин заставил жалобщиков две недели месить глину на кирпичном заводе. Двое из них бежали, а третьему Кирмалов остриг полголовы и высек. Затем заставил его же рубить дрова и кидать снег месяца два безденежно. Опять высек. «После того я уже на барина не жаловался, и он меня простил», говорил следователям этот 67-летний искатель правды. Среди хухоревских крестьян в эти годы встречаются и другие формы протеста. В июне 1846 года в ардатовском уездном суде слушалось дело о самоубийстве 24-летнего хухоревского кузнеца Александрова. Суд постановил «предать это дело воле божьей», хотя в смерти кузнеца виноват был Кирмалов. Александров искал себе работу в соседнем селе. Узнав об этом, барин приказал остричь ему полголовы и отправить в сенницу, где обычно наказывались крепостные, где не раз до этого наказывался и кузнец. Александров повесился в сеннице на кушаке. Когда Кирмалов пришел наказывать кузнеца, то нашел его мертвым.

Прошло несколько месяцев и ардатовский суд вновь был занят рассмотрением дела о крестьянке помещицы Кирмаловой Ф. Ефимовой, решившей лишить себя жизни, в связи с тем, что у нее из амбара был забран в господский сусек намолоченный хлеб. Отдавая ключи от амбара, Фекла просила: «не брать хлеб, а то она удавится или утопится»[28].

И. А. Гончаров запомнил из рассказов Н. Н. Трегубова о «кривом старосте», которому полностью доверял крестный. И не случайно запомнил — жизнь и судьба этого крепост-

ного человека неожиданно переплелась с жизнью семьи сестры Гончарова. «Кривой староста» — Петр Константинов, бывший вотчинный начальник при Н. Н. Трегубове. Он не раз бывал в доме Гончарова, отчитываясь перед матерью писателя о хухоревских доходах. Его знали все Гончаровы. Но как трагически сложилась судьба этого человека! Став владельцем Хухорева, Кирмалов, ссылаясь на то, что Петр Константинов «нажился на господской собственности» потребовал от него 2000 рублей ассигнациями, свез на свое гумно весь его хлеб, отобрал ульи, взял на барский двор его амбар. Так как спор с А. Трегубовым о крестьянине Афанасьеве закончился не в пользу Кирмалова, то последний взыскал с Петра Константинова 300 рублей ассигнациями. Этими поборами барин вконец разорил Константинова, довел его до смерти. Сын Константинова, Антон, попытался бороться с барином. Он был в числе тех выборных, которые жаловались дворянскому предводителю. Кирмалов заставил Антона месить глину на кирпичном заводе.

В 1848 году Антон вместе с другим выборным, также наказанным, бежал в Петербург, жаловаться царю на своего барина за разор хозяйства и за то, что барин мало дает земли крестьянам. В Петербурге Константинов умер, так и не увидев царя, а Ионов, второй выборный, остался отыскивать вольность. Обо всем этом крестьяне узнали из письма Ионова, присланного на имя третьего выборного, 67-летнего старика, которого так нещадно порол Кирмалов. Письмо это попало в руки Маркела, внука «кривого старосты». Он отнес его барину, за что оказался в тюрьме. Кирмалов продолжал преследовать Константиновых, и довел их до того, что у Маркела хлеба не хватало на пропитание семьи, не было денег для уплаты «оброка с воды», за двух малолетних ребят. Семья дошла до крайности и вынуждена была пойти по миру. Все это страшно озлобило Маркела Константинова против барина, повинного также в разорении дома и смерти отца. Но не только его. Были и другие хухоревцы, ненавидевшие господ. Крестьянин Курылев поджег господский двор, за что был судим и заключен в тюрьму.

Смерть в Петербурге Антона Константинова, боровшегося за мир, навела на мысль, что с барином надо бороться другими средствами. В декабре 1848 года озлобленные крепостные Кирмаловых, находившиеся в тюремном замке, решили убить барина, но подходящего случая не представлялось до июля 1850 года. Следовательно, И. А. Гончаров гостил у сес-

тры в те дни, когда озлобление крепостных крестьян достигло своего предела. Но о заговоре крепостных не знали даже Кирмаловы, не говоря уже о госте. Гончаров, конечно, видел ту степень крайней нужды и нищеты, в которой находились хухоревские крестьяне. Если он в Симбирске интересовался состоянием хозяйства Трегубова, спрашивал о его посевах, умолоте, количестве хлеба, о земле и доходах, получаемых им, то естественно, что эти вопросы интересовали Гончарова и в самом Хухореве. Интересовала его, конечно, судьба «кривого старосты», Петра Константинова, которого он видел не раз в доме маменьки. Всего того, что известно было хухоревским крестьянам, Гончаров, конечно, не мог знать, но «впечатления бытия», рамки его представления о жизни помещиков и крестьян расширились. То что было лишь впечатлением полнее раскрылось и оформилось через несколько месяцев, когда он, живя в Петербурге, узнал о кровавой расправе хухоревских крестьян с Кирмаловым.

Но не только родственные заботы и братская любовь влекли Гончарова в Хухорево. Была и другая причина. Здесь жила Варвара Лукинишна Лукьянова, гувернантка в доме Кирмаловых. С нею он познакомился в Симбирске. Это была красивая стройная девушка, с умными глазами; высокий открытый лоб ее был обрамлен пышными волосами. У нее был живой и непосредственный характер. Варвара Лукинишна любила и понимала литературу, и Гончаров стремился развить ее литературный вкус. Увлечение девушкой перешло в глубокую любовь. Варвара Лукинишна, по-видимому, была неравнодушна к Ивану Александровичу Гончарову. Он и спешил в Хухорево для окончательного решения вопроса. Сделал ей предложение, но Варвара Лукинишна сказала, что она очень ценит и уважает Гончарова, но дальше обоюдной дружбы их отношения идти не могут. Неудачная ранняя любовь Гончарова оставила неизгладимый след в душе писателя.

Сохранилось его письмо, написанное 29 ноября 1850 года, в день рождения Варвары Лукинишны. Чувствуется, что его написал человек, глубоко любящий и глубоко страдающий.

Восхищаясь наружностью, «младенческой непорочностью сердца», благородством и чистотой души, разборчивостью сердца, умом Варвары Лукинишны, Иван Александрович заканчивает письмо словами: «Поймите и оцените чувства, внушившие это приветствие»[29]. Женское сердце не оценило эти поистине трагические слова, идущие от любящего и верного сердца. Варвара Лукинишна вскоре вышла замуж за

артиллерийского офицера Лебедева и переехала в Петербург, где служил муж. Гончаров продолжал питать горячее чувство к Лебедевой, бывал в ее семье, а когда она овдовела сделал ей второе предложение, но опять получил отказ. Варвара Лукинишна вышла замуж за неизвестного петербургского чиновника Лукьянова, который также вскоре умер. Гончаров продолжал бывать у Варвары Лукинишны, оказывая знаки внимания и уважения. Он помогал Лукьяновой в устройстве детей, в устройстве ее собственной судьбы. В 1868 году в письме к члену Государственного Совета А. Г. Троицкому, опекуну Николаевского института, где служила классной дамой Лукьянова, Гончаров настойчиво рекомендует его вниманию Варвару Лукинишну на должность инспектора. Он дает высокую оценку ее образованию, отличному характеру, распорядительности, трудолюбию и женскому умению «делать всякое хорошее женское дело»[30]. Г. Потанин, автор воспоминаний о Гончарове, посетивший писателя в старости, видел у него на письменном столе «прелестный акварельный портрет Варвары Лукинишны, прежней, красивой, молодой, в бархатной рамке»[31].

Можно сказать, что И. А. Гончаров всю свою жизнь остался верным своему молодому чувству. И прав один из биографов писателя, высказавший свое отношение к этому в таких словах: «Как знать? Может, неудачное цветение первой любви Гончарова обездолило его душу, оскорбило ум и сердце, с чем, конечно, ему примирится было очень трудно, и неудачная любовь побудила его остаться холостяком до конца своих долгих лет».[32]

Как видим, симбирское увлечение оставило значительный след в жизни Гончарова. Но все это было пока впереди. Хухоревская встреча с Варварой Лукинишной и ее отказ это начало тех нравственных и сердечных испытаний, которые выпали на долю Гончарова. Легко представить себе, с каким тяжелым чувством покидал он Хухорево. Две женщины, сестра и любимая девушка, обездолили его легко уязвимую душу.

В Петербурге он не забыл о них. В декабре 1849 года Иван Александрович посылает в Хухорево комплект «Современника» за 1849 год и выписывает Кирмаловой этот же журнал на 1850 год. «Это мой подарок тоже Варваре Лукинишне», — писал Гончаров сестре. Эти слова в какой-то мере характеризуют Лукьянову и ее интересы. Но вместе с тем в этом факте проявляется и отношение Гончарова к сестре. Это попытка повлиять на ее духовную жизнь. В «Современ-

нике» за 1849 год были напечатаны «Записки охотника» Тургенева, «Четыре времени года» Д. Григоровича, «Провинциальные письма» Анненкова. В 1850 году в этом же журнале были напечатаны «Певцы» и «Свидание» из цикла «Записок охотника». В этих произведениях дано изображение провинциальной и крестьянской жизни. Быть может, присылка «Современника» это продолжение тех разговоров, которые имел Гончаров с своей сестрой помещицей? Во всяком случае, бесспорно, что он стремился приобщить ее к прогрессивным веяниям эпохи, поднять ее выше тех чисто помещичьих интересов, которые захлестнули Кирмалову. Это беспокоило Гончарова и для этого беспокойства, как показала жизнь, были основания. В июле 1850 года надворный советник М. М. Кирмалов был убит своими крестьянами. Кирмалова в это время находилась в Симбирске, оформляя внесение своих детей в дворянскую родословную книгу.

Убийцы, внук «кривого старосты» Маркел Константинов и кучер Евдоким Дмитриев, подкараулили Кирмалова, возвращающегося с гумна, на котором крестьяне молотили хлеб, и ударами дубового кола прикончили барина вблизи гумна, где был народ. Но никто ничего не видел и не слышал, — так утверждали хухоревцы на следствии. Побудительные причины, которыми руководствовался Маркел Константинов нам известны: он мстил за деда и отца, погибшего за мир. Евдоким Дмитриев мстил за личные обиды, за свою жену, за то, что барин «за девками и бабами таскался». О степени его ненависти к барину можно судить по таким словам: «Знал я, что за это меня накажут, видел не раз, как за это наказывали, но и наказание это меня неустрашило». Пришло время и его наказали в назидание другим.

28 ноября 1852 года Маркел и Евдоким были наказаны на месте преступления палачом плетьми по 100 ударов, заклеймены и сосланы на каторгу, в рудники, без срока. Вместе с тем сенат указал ардатовскому предводителю дворянства на то, что он «не обращал должного внимания на образ управления Кирмаловою крестьянами, которые по теснительным действиям мужа ея терпели недостатки в хлебе и скоте и находились в бедном состоянии»[33]. Сенат поставил вопрос перед министром внутренних дел и губернским начальством об ограждении хухоревских крестьян от дальнейшего разорения и об улучшении их состояния. Вопрос о Кирмаловой, как помещице, был передан сенатом на усмотрение губернского начальства.

Не известно, какие меры приняло губернское начальство, известно только то, что Кирмалова осталась владелицей с. Хухорево. Нет никаких данных и о том, как отнесся к этому событию Гончаров. Бросается в глаза только то обстоятельство, что его решение о поездке в кругосветное путешествие совпадает по времени с решением в сенате вопроса об убийстве Кирмалова и о самой Кирмаловой.

Хухоревская трагедия завершает гончаровские впечатления от поездки на родину. Она значительно обогатила «впечатления бытия» писателя.

На родине писатель приобщился к новым фактам жизни и борьбы. Здесь во всей своей неприглядности обнажилась «гнусная привычка получать удовлетворение своих желаний не от собственных усилий, а от других» (Добролюбов). Обогащение социального опыта писателя привело к дальнейшему углублению понятия обломовщины. Этот процесс проходил интенсивно и плодотворно потому, что сказывалось влияние сближения Гончарова с Белинским, влияние его антикрепостнических идей, что помогло осознать факты крепостнической жизни, широко наблюдаемые на родине.

Имея в виду 40-е годы, годы сближения с Белинским, Гончаров впоследствии писал в «Необыкновенной истории»: «Я разделял во многом образ мыслей относительно, например, свободы крестьян, лучших мер к просвещению общества и народа, о вреде всякого рода стеснений и ограничений для развития и т. д.».

Разделяя этот образ мыслей, Гончаров был далек от революционного демократизма Белинского, но он был крупнейшим художником критического реализма, выдающимся выразителем антикрепостнической идеологии. Он создал произведения, дающие сильнейшую художественную критику крепостнической России.

* * *

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] «Вестник Европы», 1889, т. 136, стр. 89—90.

[2] «О награде знаком отличия беспорочной службы чиновников Симбирской губернии», Государственный архив Ульяновской области (в дальнейшем — ГАУО), ф. 109, оп. 1, д. 1346, л. 24. Н. Н. Трегубов был награжден за 29 лет, 6 месяцев, 27 дней действительной выслуги лет знаком — достоинством — XXV лет, выданным 22 августа 1835 г. (л. 23).

[3] ГАУО, ф. 122, оп. 49, д. 28, 1827 г. В Симбирской губернии Одоевскому принадлежало 605 мужских крестьянских душ.

[4] Дело об отпусках, данных симбирскому губернатору Загряжскому, ГАУО, ф. 109, оп. 1, д. 1338, 1834—35 гг.

В «Списке губернаторам Симбирского края» он назван не Загряжским, а Загряцким («Сборник исторических материалов по Симбирской губернии», 1868, стр. 137).

В письме сына Баратаева, адресованного редактору «Русской старины» (в архиве Краеведческого музея), он также назван Загряцким. До обнаружения «Дела об отпусках...» я в своих работах приводил фамилию губернатора по «Списку губернаторам...».

Имя Загряжского встречается также в биографии А. С. Пушкина. В сентябре 1833 года Пушкин был в Симбирске, где собирал материалы о Пугачеве. Бывал он и у Загряжского, от которого получил письмо своей жены. Жена А. С. Пушкина была в далеком родстве с Загряжской, женой симбирского губернатора. В 1836 году Пушкины бывали на даче у Загряжских, под Петербургом. Загряжские были в курсе трагических событий, приведших к гибели поэта.

[5] «Русская старина», 1878, XII, стр. 647—48.

Ганчаров утверждает, что «жених одной красивой девицы... побил его (губернатора. — **П. Б.**) по секрету за чересчур явное и усердное поклонение своей невесте (И. А. Гончаров. На родине. Ульяновск, 1956, стр. 85).

В рукописном отделе Ульяновского краеведческого музея хранится черновик письма сына Баратаева, написанного в январе 1829 года редактору «Русской старины» в связи с напечатанием в ней воспоминаний бывшего жандармского штаб-офицера Стогова. Автор письма опровергает, как заведомую ложь, что «Стогов был посредником-примирителем между князем Баратаевым и губернатором Загряцким по поводу сплетни о старшей сестере Баратаевых, впоследствии вышедшей замуж за члена царствующей семьи в Мингрелин-Дидиани». Сын также отрицает и то, что отец хотел передать на суд дворянства свое недоразумение с губернатором, и тем более, что «Баратаев плакал».

Все это вымысел и ложь — такими словами заканчивается письмо. (Рукоп. отдел, д. 230. «Письмо редактору журнала «Русская старина»).

[6] Дело по рапорту сенатора Перовского о беспорядках в Симбирской губернии, ГАУО, ф. 109, оп. 1, д. 1354, 1834—1837 гг.

[7] Там же, л. 37 об.

[8] Дело по отношению генерала Бенкендорфа о злоупотреблениях по Симбирской губернии (взяточничество со стороны прокурора, стряпчих и др. чиновников), ГАУО, ф. 109, оп. 1, д. 1151, 1830—32 гг., л. 12.

[9] О принадлежности Александра Ивановича Гончарова, отца писателя, к 3-й гильдии мною обнаружено только одно указание. В «Свидетельстве», выданном брату писателя Николаю Александровичу Гончарову Симбирским городским магистратом 10 сентября 1828 года, сказано, что он, Н. А. Гончаров, «состоит в Симбирском 3-й гильдии купечестве при матери его купечествующей в Симбирске Авдотье Матвеевне Гончаровой». ГАУО, ф. 318, оп. 1, д. 320, л. 331.

[10] Характеристика канцелярии губернатора и обязанностей секретаря даны на основе «Свода Законов Российской империи», Спб., 1832 г. Свод учреждений государственных и губернских, ч. 2-я — Учреждения губернии, книга 2-я, статьи: 121, 122, 123, 124, 310, 311; часть 3-я — Уставы о службе гражданской, кн. 1-я, ч. 1-я, ст. 3, 26, 27, 60, 62, 65, 68 (о детях купцов, окончивших университет).

Для конкретной характеристики канцелярии губернатора использован

фонд этой канцелярии в 1841 г. (ГАУО, ф. 1с/76, 1841). В статье С. Введенского «И. А. Гончаров» («Симбир. епарх. ведомости», 1912, № 12, стр. 435) сказано, что Гончаров был чиновником особых поручений при губернаторе. Это противоречит заявлению самого Гончарова, который в очерке «На родине» прямо говорит о секретарстве. Кроме того, если бы Гончаров был чиновником особых поручений, то назначение и увольнение его должно было бы проходить через Министерство внутренних дел, чего не было. Секретарем же губернатор мог его зачислить без санкции Министерства, что и было сделано. Ученые степени, открывающие путь к вступлению в гражданскую службу, по «Своду законов» 1832 г. такие: 1. студент, 2. кандидат, 3. магистр, 4. доктор.

[11] ГАУО, ф. 109, оп. 1, д. 1314.

[12] ГАУО, ф. 109, оп. 1, д. 1312, 1314, 1315, 1320, 1365. Дело о Сергеевой. — № 1403, об Андреевой — 1314.

[13] ГАУО, ф. 109, оп. 1, д. 1191, 1150.

[14] Сборник рапортов симбирского губернского прокурора о происшествиях, случившихся по Симбирской губернии, там же, № 1381.

[15] «На Родине», цитиров. изд., стр. 28.

[16] «Русская старина», 1878, XII, стр. 638.

[17] «Об остановлении опубликования указа о передаче в удельное ведомство всех казенных крестьян оброчных статей и лесов Симбирской губернии», ГАУО, ф. 109, оп. 1, д. 1352, л. 7. Дело начато 30 января 1835 года.

[18] «Русск. старина», 1878, XII, стр. 695.

[19] Н. П. Гриценко, Очерки по истории города Симбирска—Ульяновска и Ульяновской области. Ульяновск, 1948, стр. 129—131.

[20] О стихотворении «Демон», ПСС в шести томах, ГИХЛ, М., 1950, ф. 33.

[21] Данные о Трегубове Н. Н. почерпнуты из следующих дел: «Дело по прошению надворного советника и штабс-капитана Трегубовых о полюбовном разделе наследственного их родового имения», ф. 122, оп. 48, д. 12, 1826—1833 гг.; «О награде знаком отличия беспорочной службы чиновников Симбирской губернии», ф. 109, оп. 1, д. 1346, 1834—1837 гг.; «Материалы по истории симбирского дворянства 1781—1900». Симбирск, 1900, № 700—701. Трегубовы — старый дворянский род, Герб дворян Трегубовых описан и помещен в «Гербовнике» Князева, 1783 г. Этот герб был нарисован художником А. Пластовым и в 1912 году, преподнесен в дар Симбирской архивной комиссии; экспонировался на Симбирской гончаровской выставке. О Трегубове, см. М. Ф. Супаренский. В Евр., 1907, т. II, стр. 435.

[22] Бумаги кн. Баратаева, Симбирского предводителя дворянства, ЦГИА (Москва), ф. 48, № 199, 1826, л. 2, 4—5, 6 об.

[23] Дело по прошению... см. прим. 21.

[24] «На Родине», цитир. изд. стр. 21.

[25] В фонде Ардатовского суда мною выявлено более 20 судебных дел за 1833—1863 гг., связанных с Кирмаловым. Характеристика Кирмаловых дается на основании этих дел, а также на основании следственных материалов и показаний крестьян по делу об убийстве Кирмалова.

[26] Дело о введении во владение имения коллежскому асессору Кирмалову, ф. 122, оп. 60, д. 39, 1838; Об утверждении полюбовной сделки, составленной владельцами села Хухорева; оп. 68, д. 16, 1846 г., л. 4.

В 1866 году в с. Хухорево было 529 мужских душ; школы не было. —

«Заметки симбирского губернатора при объезде губернии в конце апреля и начале мая 1866 г.», стр. 5. Следовательно, Кирмалова владела половиной этого села. Кирмаловы были внесены в 3-ю родословную книгу 18 февраля 1841 г. «Материалы к истории симбирского дворянства», Симбирск, 1900, Алфавитный список, № 304.

[27] Дело об убийстве надворного советника Кирмалова, ГАУО, ф. 122, оп. 25, д. 9, 1850, лл. 340—343.

[28] Дело о намерении лишить себя жизни крестьянской с. Хухорево, помещицы Кирмаловой, там же, оп. 21, д. 17, 1846, л. 8.

[29] С. Шпицер. Ранняя любовь И. А. Гончарова. «Огонек», 1926, № 20, с. 10.

[30] «Вестник Европы», 1908, XII, стр. 454.

[31] «Ист. вестник», 1903, IV, с. 121.

[32] С. Шпицер, цит. статья, стр. 10.

[33] Дело об убийстве надворного советника Кирмалова, ГАУО, ф. 122, оп. 25, д. 9, нач. 27 июня 1850 г., конч. 29 дек. 1852 г., л. 427. «Дело о крестьянах Кирмаловой по обвинению в убийстве мужа своей помещицы», слушалось в сенате 29 октября 1852 года. Указ сената зачитан в Ардатовском уездном суде и преступники наказаны—28 ноября 1852 года (л. 432).

М. Х. ВАЛКИН

ИЗ ИСТОРИИ МУЗЕЙНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В СИМБИРСКОЙ ГУБЕРНИИ

Создание музеев в России развернулось в XIX веке, что было связано с общим подъемом русской науки и культуры. Первая попытка создать музей в Симбирске была предпринята в 1868—70 гг. губернским статистическим комитетом. К сожалению, это начинание не увенчалось успехом из-за отсутствия необходимых материальных средств. Лишь через 20 с лишним лет удалось претворить этот замысел в жизнь.

27 апреля 1895 года, после настойчивых просьб, министерство внутренних дел разрешило открыть в Симбирске ученую архивную комиссию с историческим архивом и музеем при ней. Деятельное участие в создании музея принимали члены — учредители архивной комиссии И. Я. Яковлев — просветитель чувашского народа и В. Н. Назарьев — писатель-краевед. Оба они были ближайшими друзьями и помощниками Ильи Николаевича Ульянова.

За первые 5 месяцев существования музея было собрано свыше 700 предметов старины. Однако поступление экспонатов в то время носило случайный характер. Государственных ассигнований музей не имел. Находился он во втором этаже старого запущенного дома, низ которого был занят мелочной и пивной лавками.

От царского правительства, не заинтересованного в просвещении народа, нечего было ждать каких-либо ассигнова-

ний на строительство здания для музея. Поэтому члены архивной комиссии решили обратиться за помощью к передовым людям России. После долгих проволочек, 18 июня 1910 года было разрешено открыть всероссийский сбор средств на сооружение в Симбирске Дома-памятника писателю И. А. Гончарову, где должны были разместиться музей и общедоступная библиотека.

6 июня 1912 года состоялась закладка дома имени И. А. Гончарова. В 1916 году под руководством заведовавшего постройкой И. Я. Яковлева строительство здания было завершено. Однако занять его под музей удалось лишь после Великой Октябрьской социалистической революции — в 1918 г.

Годовая посещаемость музея в дореволюционное время не превышала в среднем 2—3 тысяч человек, а в годы реакции снизилась до 960 человек.

В дореволюционные годы фонды музея пополнялись, главным образом, за счет пожертвований отдельных лиц. Из этих поступлений наиболее значительными были нумизматические. Так, в 1896 году, по завещанию, в музей была передана нумизматическая коллекция А. В. Толстого в составе 2590 монет. Большинство из них — римские, значительное число — золотоордынских и русских.

В результате раскопок и разведок, а также случайных находок, образовалась коллекция материалов по археологии края от первобытно-общинного строя до эпохи средневековья.

Архивная комиссия собрала также большое количество рукописей, ценных книг, ряд из которых затем поступил в рукописный фонд музея.

До Великой Октябрьской социалистической революции плодотворную работу музея в интересах народа сдерживала материальная необеспеченность, отсутствие помещения. На деятельности архивной комиссии — буржуазных энтузиастов музейного дела — лежала печать классовой ограниченности.

В силу этого экспозиции музея носили метафизический характер: экспонаты выставлялись независимо от существующих между ними связей. Материалов, отражающих революционную борьбу народных масс против эксплуататоров в музеях того времени не было и в помине.

Экспонаты, характеризующие быт рабочих и крестьян, почти не собирались музеями и не выставлялись.

Учитывая все это, а также нищету и подавляющую неграмотность трудящихся в царской России, в том числе в Симбирской губернии, становится ясно, насколько музей ар-

хивной комиссии был оторван от народа, от его чаяний и стремлений.

То же самое было характерным и для деятельности второго симбирского музея, естественноисторического, мысль об организации которого возникла в 1902 году — через семь лет после создания музея архивной комиссии. Это было связано с назревшими потребностями воспитания детей.

В Симбирске того времени не было детских садов, площадок, зимнего катка, детской библиотеки. Не было и музея, где можно было бы показать детям наглядные пособия по естествознанию: ботанические коллекции, чучела животных, препараты и т. п.

В 1902 году небольшая группа симбирских интеллигентов, составляя проект устава семейно-педагогического кружка, внесла туда статью о музее. В 1903 году из членов кружка была создана музейная комиссия. Однако в работе по созданию музея встретились большие затруднения: не было ни денег, ни помещения.

К 1906 году комиссии все же удалось собрать ряд пожертвований для будущего музея, в том числе коллекцию насекомых, кости четвертичных животных и т. п. Все это хранилось на частных квартирах.

В 1906 г. городская дума под давлением местной интеллигенции решила выделить для создания музея помещение и «назначить пособие в 200 рублей со внесением в смету на 1907 год». Пока же музейная комиссия разместила собранные коллекции в подвальном этаже одного из домов, заняв маленькую низенькую комнату. К концу 1907 г. в музее имелось уже около 40 чучел птиц, более 2000 экземпляров насекомых, свыше 700 экземпляров растений, коллекция уральских и сибирских минералов в количестве 250 образцов. Был собран также ряд чучел животных, поступило до 500 микроскопических препаратов. Был куплен микроскоп и другие приборы.

В связи с тем, что ассигнованных думой средств на организацию и содержание музея было крайне мало, в 1908 г. был проведен сбор пожертвований на музей по подписке. Было собрано около 500 рублей. Это дало возможность изготовить несколько шкафов и витрин и приобрести некоторое число новых экспонатов. В этом же году в музей поступили все экспонаты с сельскохозяйственной выставки, состоявшейся в Симбирске.

В 1909 г. был утвержден устав «Симбирского областного музея». «Целью музея, — говорилось в уставе, — является

ознакомление взрослого и учащегося населения местного края с естественной историей вообще и с местными особенностями природы в частности...». При организации музея большую работу провели А. П. Баженов, П. А. Берков, П. Я. Гречкин, К. К. Гильзен и другие.

Благодаря поддержке со стороны местной интеллигенции, особенно учителей, несмотря на финансовые трудности и тесноту помещения[1], естественноисторический музей к 1914 году пополнился значительным количеством экспонатов, в особенности по разделам орнитологии, энтомологии, ботаники, геологии и др. Фонды музея использовались для научно-просветительной работы среди учащихся симбирских школ.

С 1 сентября 1913 года при музее был открыт платный кинематограф[2], где демонстрировались учебные фильмы по астрономии, биологии, физике, химии, медицине, географии и др. Картинам, по возможности, предшествовали краткие объяснения. За 4 месяца 1913 года кинематограф посетила 21 тысяча человек[3].

Великая Октябрьская социалистическая революция, открывшая новую эру в истории всего человечества, коренным образом изменила положение и на музейном фронте.

После Октября двери музеев широко раскрылись для трудящихся. Величайшие сокровища культуры стали всенародным достоянием.

3 ноября 1917 г. народный комиссариат просвещения обратился к рабочим, крестьянам, солдатам, матросам и всем гражданам России со специальным воззванием. В воззвании говорилось: «Кроме богатств естественных, трудовой народ унаследовал еще огромные богатства культурные: здания дивной красоты, музеи, полные предметов редких и прекрасных, поучительных и возвышающих душу, библиотеки, хранящие огромные ценности духа и т. д.

Все это теперь действительно принадлежит народу. Все это поможет бедняку и его детям быстро перерасти образованностью прежние господствующие классы, поможет ему сделаться новым человеком, обладателем старой культуры, творцом еще невиданной новой культуры.

---

[1] Музей помещался в доме на углу Покровской ул. и Беляевского пер.

[2] Городская дума предоставила для кинематографа старый каменный сарай дома б. Филипп.

[3] См. «Хроника. Краткий обзор деятельности Симбирского областного музея за 1913 г.», стр. 4.

Товарищи, надо бдительно беречь это достояние народа!»[1].

Коммунистическая партия и лично В. И. Ленин придавали огромное значение сохранению художественных и исторических ценностей. В Петрограде, Москве и других крупных центрах по решению Советского правительства была проведена национализация музейных собраний, имеющих выдающееся значение.

Декретом о земле была ликвидирована помещичья собственность. Наряду с этим в руки народа были переданы огромные культурные ценности, сосредоточенные в «дворянских гнездах». В обращении к крестьянам, 8 ноября 1917 года В. И. Ленин призывал их строжайше оберегать «бывшее помещичье имущество, которое отныне стало общенародным достоянием и которое поэтому сам народ должен охранять».

Проведенная Советским правительством под непосредственным руководством В. И. Ленина национализация выдающихся собраний предметов старины и искусства обогатила музеи и сделала их основными хранилищами художественных сокровищ и исторических коллекций — национального богатства СССР. Капиталисты и помещики, бывшие царские генералы и чиновники оказывали отчаянное сопротивление мероприятиям Советской власти по охране памятников культуры. Они прятали, распродавали, вывозили, когда это им удавалось, за границу картины, скульптуры, хрусталь, фарфор, мебель, старинные вещи.

Советское правительство приняло энергичные меры к прекращению вывоза из пределов страны художественных и исторических ценностей.

19 сентября 1918 года Совнаркомом был утвержден специальный декрет по этому вопросу. «В целях прекращения вывоза за границу предметов особого художественного и исторического значения, угрожающего утратою культурных сокровищ народа, — говорилось в декрете, — воспрещается вывоз из всех мест республики и продажа за границу кем бы то ни было предметов искусства и старины...».

Виновные в нарушении этого декрета привлекались к «ответственности по всей строгости революционных законов, вплоть до конфискации имущества и тюремного заключения».

Этим декретом Советское правительство нанесло решитель-

[1] О вопросах музейного строительства в СССР в первые годы Советской власти, см. статью В. К. Гарданова. («История музейного дела в СССР»). М., 1957.

ный удар по представителям эксплуататорских классов, пытавшихся причинить урон молодой Советской республике, лишить ее культурных сокровищ.

10 октября 1918 года Совет Народных Комиссаров издал декрет «О регистрации, приеме на учет и охранении памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений». Важнейшей целью всех этих мероприятий, как указывалось в декрете, было «возможно более полное ознакомление широких масс населения с сокровищами искусства и старины, находящимися в России...».

Опираясь на целую систему мероприятий, проводившихся Советским правительством в масштабе всей страны, местные органы Советской власти, в том числе в Симбирской губернии, провели большую работу по организации учета и охране памятников культуры.

Вся эта работа проводилась в борьбе с саботажем буржуазии и помещиков, нежелавших добровольно расставаться с огромными ценностями, накопленными ими за счет эксплуатации рабочих и крестьян.

В мае 1918 года для руководства работой всех музеев при народном комиссариате просвещения был организован музейный отдел. В конце этого же года при губернских отделах народного образования стали организовываться подотделы по делам музеев.

В Симбирской губернии при ГУБОНО также был создан «подотдел по делам музеев и охране памятников искусства и старины». Заведующим подотделом был назначен один из местных энтузиастов музейного дела — П. Я. Гречкин.

В своей работе музейный подотдел опирался на большую помощь Губкома партии и губисполкома. Вопросам музейного строительства и охраны памятников культуры уделяли много внимания руководители местных партийных и Советских органов: И. М. Варейкис, М. А. Гимов, А. Швер, А. И. Измайлов и другие[1].

Политика охраны культурных ценностей — как всенародного достояния — проводилась со всей настойчивостью Советским правительством.

По всей стране разъезжали многочисленные эмиссары из центра и уполномоченные музейных подотделов. Они брали на государственный учет и под охрану памятники культуры.

---

[1] ГАУО (Государственный архив Ульяновской области). Фонд 968, оп. 1, д. 1, л. 23.

Особо тщательному осмотру при этом подвергались бывшие особняки капиталистов и имения помещиков, где зачастую были сосредоточены ценнейшие произведения искусства и памятники старины. Симбирским подотделом по делам музеев также посылались представители в уезды губернии, проводившие большую работу по розыску и взятию на учет исторических памятников и произведений искусства[1].

18 января 1919 г. в газете «Известия Симбирского губернского Совета рабочих и крестьянских депутатов» было опубликовано обязательное постановление губисполкома о приеме на учет и охране памятников науки, искусства и старины. Постановление сыграло важную роль в проведении огромной работы по спасению памятников культуры, сосредоточенных на территории губернии.

О том, как относилась наша партия, рядовые коммунисты в те трудные для страны годы к вопросам охраны музейных ценностей, свидетельствует хранящийся в Госархиве Ульяновской области небольшой, но характерный документ:

«РСФСР
Коллектив коммунистов
большевиков
при Симб. Горпродкоме
17 февраля 1919 г. № 27.
Отдел народного образования
Подотделу музейной секции.

Коллектив коммунистов препровождает при сем сто восемьдесят старинных монет для музея отдела народного образования.

Приложение 180 монет.
Председатель коллектива
Секретарь»[2].

В 1919 году в губернии во время подворной регистрации производился учет всех предметов исторического значения[3].

Необходимо отметить также помощь в спасении памятников культуры Симбирской Чрезвычайной комиссии (ЧК), которая направляла историко-художественные ценности, изы-

---

[1] ГАУО, ф. 968, оп. 1, д. 2, л. 66 и др.
[2] ГАУО, ф. 968, д. 1, л. 128.
[3] Там же, л. 38.

маемые у буржуазии, помещиков и спекулянтов в распоряжение музейного подотдела.

Большое количество ценностей было передано музеям контрольно-реквизиционной комиссией при Симбирском губисполкоме[1].

После Великой Октябрьской социалистической революции в Симбирске местными органами Советской власти были приняты энергичные меры к налаживанию работы музеев.

12 сентября 1918 года из города были изгнаны белогвардейцы и интервенты, а уже 11 октября — через месяц — в Доме имени Гончарова состоялось собрание местных любителей старины, искусства и природы. На собрании П. Я. Гречкин сделал доклад о положении симбирских музеев.

В городе имелось в это время два крупных музея — архивной комиссии и естественноисторический. Кроме этого, существовали небольшие музеи более узкого назначения — педагогический и церковный.

Музеи помещались в тесных, неприспособленных помещениях. Научно-просветительная пропаганда музеями не велась. Их фонды были фактически законсервированы.

На собрании было оглашено решение Губернского отдела народного образования об объединении всех симбирских музеев в единый народный музей с целью создать научно-просветительный центр для местного населения. Было решено также присоединить к народному музею физический и химический кабинеты бывшего кадетского корпуса. Единый народный музей было решено разместить в Доме-памятнике И. А. Гончарову. Для руководства работой по созданию единого музея был избран президиум, куда вошли местные любители природы и старины: Д. Е. Перкин, П. Мартынов, П. Я. Гречкин и другие.

В работе по созданию единого музея принимал участие председатель Губотдела народного образования А. И. Измайлов[2].

Помощь и внимание, оказанные партийными и советскими органами в деле создания и налаживания работы Народного музея, стали быстро сказываться.

Музей стал принимать участие в идейно-политическом воспитании и естественнонаучном просвещении трудящихся города Симбирска и губернии.

---

[1] ГАУО, ф. 968, д. 1, лл. 117 и 131.
[2] ГАУО, ф. 968, оп. 1, д. 2, л. 8.

С 1919 года музей начал систематически проводить политико-массовую работу[1]. Для студентов пролетарского Университета и других учебных заведений в аудиториях музея читались лекции[2].

Губком партии ориентировал Губотдел народного образования на скорейшую организацию при пролетарском[3] музее отдела по истории русской революции[4].

В соответствии с директивой Губкома партии коллектив музея начал вести собирательную работу. В фонды музея стали поступать историко-революционные материалы.

Среди поступлений следует отметить материалы по истории первой русской революции, в частности собрание сатирических журналов 1905—1907 гг.[5].

Наряду с собирательской деятельностью, коллектив музея совместно с архивом проводил большую работу по оборудованию кабинетов. В марте 1919 г. из Москвы было получено для кабинетов специальное оборудование[6].

Таким образом, уже в первые годы после Октября на музейном фронте вообще, в том числе и в Симбирской губернии, произошли коренные изменения. Музеи, ранее оторванные от жизни трудового народа, начинают активно включаться в борьбу за социалистическое переустройство общества, за коммунистическое воспитание трудящихся.

---

[1] ГАУО, ф. 968, оп. 1, д. 1, л. 25.
[2] Там же, л. 29.
[3] Название музея бытовало в первые годы после Октября, наряду с названием «народный».
[4] Там же, л. 102.
[5] Там же, д. 2, лл. 33—34.
[6] Там же, д. 3, л. 11.

РЕЦЕНЗИИ

И. П. ШМЫГИН,

кандидат исторических наук

ПОВОЛЖСКИЕ СБОРНИКИ О РЕВОЛЮЦИИ 1905—1907 гг.

Революция 1905—1907 гг. представляла собой целую историческую эпоху в развитии освободительного движения народов России и была, по определению В. И. Ленина, той гениальной репетицией, без которой «победа Октябрьской революции 1917 года была бы невозможна»[1].

Первая русская революция была по своему характеру буржуазно-демократической. Основными задачами ее были: свержение царского самодержавия, установление демократической республики, введение восьмичасового рабочего дня и уничтожение крупного помещичьего землевладения. Главным экономическим вопросом революции был аграрный вопрос, он определил ее национальную особенность.

Однако, говоря о революции 1905—1907 гг., нам хотелось бы в самых кратких чертах отметить и ее особенности, которые резко отличают ее от всех предшествующих ей буржуазных революций на западе.

Русская революция 1905—1907 гг. была первой народной революцией эпохи империализма. Новые исторические условия, в которых проходила эта революция, определили и ее своеобразие.

В. И. Ленин отмечает, что своеобразие первой русской революции заключается в том, что она была по своему социальному содержанию буржуазно-демократической, а по средствам борьбы — пролетарской.

Буржуазно-демократической она была потому, что целью своей ставила установление в России демократической республики, введение 8-часового рабочего дня и конфискацию крупного помещичьего землевладения.

Пролетарской же она была не только потому, что пролетариат высту-

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 11.

пал в ней руководящей силой, авангардом освободительного движения, но и потому, что главным средством борьбы была политическая стачка — специфически-пролетарская форма борьбы[1].

В первой русской революции буржуазия выступала не революционной, а контрреволюционной силой. И это не случайно. Там, где пролетариат ведет сознательно политическую борьбу, буржуазия не может выступать движущей силой и гегемоном революции.

Уместно отметить здесь и еще одно очень важное обстоятельство: международное значение первой русской революции. Известно, что революция 1905—1907 гг. явилась серьезным ударом по мировому капитализму, явилась огромным толчком в развитии мирового революционного рабочего движения в странах капитала и в подъеме национально-освободительного движения в колониальных и зависимых странах.

В. И. Ленин еще в 1902 году, в своей знаменитой книге «Что делать?», указывал, что весь объективный ход мирового рабочего движения выдвинет русский пролетариат в авангард международного революционного пролетариата. «И мы вправе рассчитывать, — писал Ленин, — что добьемся этого почетного звания...»[2].

Предвидение В. И. Ленина сбылось. Богатейший опыт революции 1905—1907 гг. доказал, что именно революционному пролетариату России и его боевой марксистско-ленинской партии принадлежит ведущая роль в международном рабочем и национально-освободительном движении.

Именно это обстоятельство и вызывает в широких кругах советской общественности и в кругах наших зарубежных друзей огромный интерес к истории первой русской революции.

* * *

В 1955 году народы Советского Союза с благоговением отметили пятидесятилетие первой русской революции. В городах, рабочих поселках и сельских местностях были проведены торжественные собрания, а в научных учреждениях и государственных архивах, кроме того, были проведены научные заседания или конференции. Многие республиканские и областные государственные архивы подготовили и опубликовали специальные документальные сборники о рабочем и крестьянском движении в период революции 1905—1907 гг.

По данным главного архивного управления МВД СССР (только архивными органами и государственными архивами СССР) было издано за 1955 и 1956 годы 35 сборников, в которых было опубликовано около 9000 документов, из них свыше 6000 документов были введены в научный оборот впервые.

---

[1] В. И. Ленин. Доклад о революции 1905 года. Соч., т. 23, стр. 228—246.

[2] В. И. Ленин. Соч., т. 5, стр. 345.

Большая и весьма ценная работа по выявлению и опубликованию документов, свидетельствующих о героической борьбе рабочих и крестьян в период первой русской революции, была проведена местными республиканскими областными, государственными и партийными архивами Поволжья.

В центральной части Поволжья, только саратовские архивные органы и архивы не сумели организовать подготовку и не выпустили в свет ни одного сборника документов о революции 1905—1907 гг., хотя в саратовских архивах хранятся ценнейшие документы, красноречиво свидетельствующие о больших революционных событиях в бывшей Саратовской губернии.

Не имея возможности в данной статье хоть сколько-нибудь подробно осветить содержание всей литературы о революции 1905—1907 годов, изданной в Поволжье, мы решили коротко остановиться лишь на отдельных публикациях.

Одним из первых документальных сборников, посвященных истории борьбы рабочих и крестьян в период первой русской революции на Средней Волге, был опубликован в г. Куйбышеве сборник «Революция 1905—1907 гг. в г. Самаре и Самарской губернии», вышедший в Куйбышеве в начале 1956 года.

Однако мы начинаем рассмотрение опубликованных документальных сборников с Куйбышевского сборника не столько потому, что он первым вышел из печати, сколько потому, что он является, по нашему мнению, одним из самых удачных сборников.

Начнем с того, что составители и редакторы этого сборника тщательно провели отбор документов. Из множества документов, хранящихся в архивах, в сборник вошли лишь самые ценные документы, свидетельствующие о борьбе рабочих и крестьян бывшей Самарской губернии с царским самодержавием, помещиками и полицией.

Сборник состоит из пяти разделов. Первый раздел — начало революции. Здесь представлены документы о революционной борьбе рабочих г. Самары сразу же после злодейского расстрела петербургских рабочих 9 января 1905 г. Освещена деятельность Самарского комитета РСДРП в период третьего съезда партии.

Во втором разделе представлены документы, характеризующие революционное движение рабочих и крестьян весной и летом 1905 г.

В третьем разделе показывается подъем революционного движения осенью и зимой 1905 года. Здесь широко представлены документы об Октябрьской политической стачке и декабрьском вооруженном восстании, о революционном движении крестьян и деятельности Самарского комитета РСДРП в деревне. В этом разделе помещены документы и о деятельности Советов рабочих депутатов.

В четвертом разделе помещены документы о революционной борьбе рабочих и крестьян в период отступления революции (1906—1907 гг.).

И наконец, пятый раздел — приложение. Здесь даны: список сокращений, примечания к тексту документов, хроника революционных событий, географический указатель, указатель промышленных предприятий и перечень документов, помещенных в сборнике.

Сборник открывается выдержкой из статьи В. И. Ленина «Против бойкота», в которой он, клеймя кадетов за их предательство в революции и низкопоклонство перед монархическим, конституционным строем, указывал на боевые дни октябрьской политической стачки и декабрьского вооруженного восстания и призывал нашу большевистскую партию всемерно изучать и пропагандировать героическую историю этих дней. В сборнике эпиграфом даны слова В. И. Ленина: «Нам надо позаботиться, — и кроме нас некому будет позаботиться, — о том, чтобы народ знал эти полные жизни, богатые содержанием и великие по своему значению и своим последствиям дни гораздо подробнее, детальнее и основательнее...»[1]

В сборнике дано большое количество документов, свидетельствующих о героической борьбе рабочих Самары и других городов губернии против царского самодержавия и его верных слуг, убедительно показана руководящая роль в революционной борьбе Самарского большевистского комитета РСДРП.

Широко и весьма убедительно представлен в сборнике второй раздел: «Нарастание революционного движения крестьян и деятельность Самарского комитета РСДРП в деревне». В этом разделе опубликовано 35 документов.

Из общего количества документов этого раздела наибольший научный и общественно-познавательный интерес представляет документ № 110 «Временный закон по Старо-Буянскому волостному народному самоуправлению».

Насколько политически острым был этот закон, видно уже из первой его части «Общего постановления». В нем говорится, что «Народный съезд Старо-Буянской волости постановляет: настоящего (царского.—**И. Ш.**) правительства не признавать и не считаться с его законами, так как действия правительства съезд считает вредным для народа».

Далее идут пункты, в которых говорится, что крестьяне будут признавать только такое правительство, которое будет избрано народом и что для избрания такого народного самоуправления в России необходим созыв учредительного собрания.

В сборнике опубликовано много других документов, исходивших непосредственно от рабочих и крестьян, и эти документы в значительной степени повышают идейную и научную ценность книги.

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 13, стр. 24.

Куйбышевский сборник ценен еще и тем, что в нем широко представлены листовки Самарского комитета РСДРП и небольшие, но яркие статьи из периодической печати и особенно из большевистских газет. С помощью этих документов составителям и редакторам сборника удалось полнее и убедительнее показать деятельность Самарского комитета РСДРП в период первой русской революции.

Следует отметить, что Куйбышевский сборник является лучшим, но не единственно хорошим документальным сборником о революции 1905—1907 гг. Справедливости ради нужно отметить как хороший сборник «Крестьянское движение в Симбирской губернии в период революции 1905—1907 гг.», выпущенный в свет в начале 1956 года издательством «Ульяновская правда».

В сборнике опубликовано 149 документов о крестьянском движении и революционной работе симбирских большевиков в деревне.

К сборнику приложена красочно оформленная карта с указанием распространения крестьянского движения в 1905—1907 гг., различного рода таблицы, даны обстоятельные примечания к содержанию текста документов, предметный, именной и географический указатели.

Следует отметить, что весь этот научно-справочный аппарат дан в таком объеме, что он ни в какой мере не отягощает документальный материал.

Много хорошего можно было бы сказать и о сборниках: «Революционное движение в Чувашии в период первой русской революции 1905—1907 гг.», «Революция 1905—1907 гг. на территории Мордовии», «Революционное движение в Татарии в 1905—1907 гг.».

Однако эти сборники не лишены и существенных недостатков. Общий недостаток всех этих сборников состоит в том, что они были выпущены в свет несколько позднее куйбышевского и ульяновского и в значительной мере дублируют одни и те же документы. Так, например, чувашский и мордовский сборники в значительной мере дублируют документы Ульяновского сборника, казанский дублирует куйбышевский.

Все это произошло потому, что по новому административному делению многие национальные районы отошли во вновь созданные национальные республики. Так, например, из бывшей Симбирской губернии отошли: Буинский уезд частью отошел в Татарскую АССР и частью в Чувашскую. Кроме того, в Чувашскую АССР из бывшей Симбирской губернии отошли Курмышский и Алатырский уезды, а в Мордовскую АССР—Ардатовский уезд. Из бывшей Самарской губернии в современную Татарскую АССР отошли Бугульминский уезд, а из Симбирской в Самарскую — Сызранский уезд.

Чтобы избежать в дальнейшем подобных недостатков при публикации документов дооктябрьского периода, следует кооперировать научные силы

и издавать документальные сборники по более крупным административным районам.

Говоря о документальных сборниках, посвященных первой русской революции, следует как положительное явление отметить отдельные издания большевистских листовок. Особенно хорошую инициативу проявляют в этом отношении работники института истории партии при Татарском обкоме КПСС. За послевоенные годы здесь было издано два таких сборника: «Листовки казанских большевиков 1903—1907 гг.» (Таттосиздат, 1948 г.) и «Листовки казанских большевиков в период первой русской революции 1905—1907 гг.» (Таткнигоиздат, 1955 г.).

Следует отметить, что второй сборник листовок Казанского комитета РСДРП не является простым повторением первого. В нем из 95 опубликованных листовок — 18 листовок опубликованы впервые.

Ценность сборника «Листовки казанских большевиков в первой русской революции 1905—1907 гг.» состоит в том, что в нем хорошо показана агитационно-пропагандистская роль Казанского большевистского комитета в годы первой русской революции.

Хорошо поступили и ульяновские товарищи, когда они в 1951 году издали небольшой сборник прокламаций Симбирской организации РСДРП в годы революции 1905—1907.

Приходится только сожалеть, что подобных сборников еще не появилось в свет ни в Куйбышеве, ни в Саратове, хотя всем известно, какую огромную агитационно-пропагандистскую и организаторскую работу вели в годы революции 1905—1907 гг. Самарский и Саратовский комитеты РСДРП.

Следует отметить, что вопрос о работе большевистских организаций Среднего Поволжья в период первой русской революции пока еще не разработан в исторической науке и литературы по этому вопросу не существует[1].

Не разработаны и не освещены в исторической литературе и такие темы, как рабочее и крестьянское движение на Среднем Поволжье в период первой русской революции.

Правда, в связи с подготовкой и проведением 50-летнего юбилея революции 1905—1907 гг. в областях и республиках Среднего Поволжья появились отдельные брошюры и небольшие монографии о революционном движении, но эти работы, к сожалению, не дают цельного представления о революции 1905—1907 гг. на Средней Волге, так как все опубликованные работы касаются лишь отдельных районов Поволжья.

В заключение необходимо отметить и те досадные ошибки, которые

[1] Автор настоящей статьи заканчивает сейчас подготовку к печати монографии «Большевистские организации Среднего Поволжья в борьбе за крестьянские массы в революции 1905—1907 годов».

бросились в глаза при чтении документальных сборников и монографий, посвященных истории первой русской революции.

Так, в хорошей и весьма ценной книге И. И. Фирсова «Мордовия в годы первой русской революции», выпущенной в 1955 году Саранским книжным издательством, автор на 228 странице книги утверждает, что в 1906 году крестьянское движение в Мордовии «было более массовым, более организованным и **наступательным** (подчеркнуто нами. — **И. Ш.**), чем в последней четверти 1905 года».

Подобное утверждение допускает в своей вступительной статье к документальному сборнику «Революционное движение в Татарии в 1905—1907 гг.» и Х. Хасанов. На странице 23 сборника Х. Хасанов пишет, что «1906 год был годом наивысшего подъема крестьянского движения в Татарии». Нам сдается, что подобные утверждения являются неправильными.

Известно, что В. И. Ленин разделял ход первой русской революции на два периода: период подъема (1905 г.) или «антиконституционный» период, как называл его В. И. Ленин, и период спада или «конституционный» (1906—1907 гг.). Первый период характеризовался завоеванием и осуществлением народной свободы без полицейского (монархического) конституционализма, второй период — угнетением и подавлением народной свободы посредством монархической «конституции»[1].

Этот ленинский анализ относится не только к рабочему движению. Он полностью относится и к крестьянскому движению в России, в том числе и к крестьянскому движению на территории Мордовии и Татарии.

Октябрь — декабрь 1905 года знаменовали собой высшую точку восходящей линии крестьянской революции. Именно в эти бурные месяцы народной революции в России шла настоящая гражданская война как в городах, так и в сельской местности. Это было время максимального расцвета народной самодеятельности, время, когда крестьяне почти всюду игнорировали старые порядки, не признавали представителей старой государственной власти.

Насколько сильным был в это время подъем крестьянского движения в России, в том числе и в губерниях Среднего Поволжья, говорит тот факт, что именно в это время было больше всего сожжено и уничтожено помещичьих усадеб. Так было повсюду, так было и в деревнях Мордовии, и Татарии. Вот характерный пример. В Ардатовском уезде, бывшей Симбирской губернии (территория этого уезда ныне вошла в Мордовскую АССР), крестьяне почти полностью уничтожили 17 помещичьих усадеб в 1905 году, а точнее — в конце 1905 года.

Характерным же для второго периода революции (1906—1907 гг.) было то, что крестьянство отступало в этой величайшей гражданской войне,

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 13, стр. 14—16.

причем отступало медленно, с большими боями. Правда, защищая завоеванное у помещиков в конце 1905 года, крестьяне нередко доводили свое сопротивление царским властям, войскам и полиции до вооруженной борьбы. Обороняясь от наступления реакции, крестьяне часто производили новые захваты помещичьих земель, делали новые самовольные покосы помещичьих лугов, прибегали к новым массовым порубкам помещичьих и удельных лесов, самовольно увозили с полей помещиков убранные и заскирдованные хлеба, устраивали поджоги помещичьих усадеб и т. д. Однако это был все-таки период спада, а не подъема революции, был период отступления, а не наступления революции.

Г. И. СЛЕПЧЕНКО,
кандидат исторических наук

ЦЕННЫЙ ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ СБОРНИК

К сорокалетию Великой Октябрьской социалистической революции издательство «Ульяновская правда» выпустило сборник документов партийного архива Ульяновского обкома КПСС и государственного областного архива — «Борьба за установление и упрочение Советской власти в Симбирской губернии (март 1917 г. — июнь 1918 г.)» на 278 стр., с картой Симбирской губернии и другими приложениями (статистические таблицы по экономике Симбирской губернии накануне Великой Октябрьской социалистической революции, примечания, предметный, географический и именной указатели, хроника важнейших событий).

Всего в сборнике опубликовано 250 документов. Состоит сборник из пяти разделов.

Раздел I. Симбирская губерния в период двоевластия (март — июнь 1917 г.), 46 документов.

Раздел II. Обстановка в Симбирской губернии в период подготовки и победы вооруженного восстания в Петрограде (июнь — октябрь 1917 г.), 43 документа.

Раздел III. Установление Советской власти в Симбирской губернии (октябрь 1917 г. — январь 1918 г.), 72 документа.

Раздел IV. Борьба за упрочение Советской власти в Симбирской губернии (февраль — апрель 1918 г.), 47 документов.

Раздел V. Симбирская губерния в период приступа к социалистическому строительству (май — июнь 1918 г.), 42 документа.

Книга издана под редакцией М. А. Гнутова. Составители: кандидат

исторических наук М. А. Гнутов, научный сотрудник партархива Ульяновского обкома КПСС Г. А. Сазонтов, старшие научные сотрудники Госархива Ульяновской области Н. Н. Смирнов, А. Ф. Варламова, В. Г. Григорченко и научный сотрудник Госархива Ульяновской области Л. А. Маслова. Вступительная статья М. А. Гнутова.

Раздел I. Симбирская губерния в период двоевластия (март — июль 1917 г.) открывается «Манифестом ЦК РСДРП(б) ко всем гражданам России» с призывом создать Временное революционное правительство, которое должно издать законы, защищающие «все права и вольности народа, конфискацию монастырских, помещичьих, кабинетских и удельных земель и передать их народу, введение 8-часового дня и созыв Учредительного собрания». (Борьба за установление и упрочение Советской власти в Симбирской губернии, изд. «Ульяновская правда», Сборник документов, 1957, стр. 25).

Манифест призывает трудящихся к продолжению борьбы: «По всей России берите в свои руки дело свободы, свергайте царских холопов, зовите солдат на борьбу» (там же, стр. 26).

В документах отражено положение в Симбирской губернии в период двоевластия.

Временное правительство назначило своим комиссаром по Симбирской губернии заместителя председателя Губернской земской управы Ф. А. Головинского 6 марта 1917 г. С другой стороны шел процесс организации революционных сил.

Из документа № 7 (архив ИМЛ), ответов Сызранского комитета РСДРП(б) на анкету ЦК следует, что в марте 1917 г. в г. Сызрани существовала организованная в 1914 г. при содействии Муранова самостоятельная большевистская организация, объединявшая до 200 членов партии, издававшая свой периодический орган — газету «Пролетарий». Совет рабочих и солдатских депутатов в Сызрани был создан 31 марта 1917 года. (Документ № 9, информ. газета «Известия Симбирского Совета»).

18 марта на собрании Симбирского Совета рабочих и солдатских депутатов был избран исполком Совета во главе со слесарем П. М. Шишиным.

Понимание народом действительного положения дел ярко отражено в приводимом в сборнике документе № 10, по газете «Правда» от 31 марта 1917 г., в котором делегат полкового комитета 142 полка Симбирского гарнизона Кузьма Пичугин обращается к рабочим Симбирска с призывом создать свою рабочую газету и подписываться на «Правду».

Он пишет, что борьба не окончена. «Вся буржуазия стала вдруг революционна, а где же наши вчерашние угнетатели? Они притаились на время, выжидая и собираясь с силами», поэтому пролетариату необходимо организоваться. (стр. 31).

О продолжавшейся революции свидетельствуют документы № 11 — постановление общего собрания крестьян с. Шуватова, Карсунского уезда, об аресте земского начальника, помещика Рютчи, за издевательство над крестьянами; документ № 13 — телеграмма губернского комиссара председателю Государственной думы Родзянко о недоверии крестьян к аграрной политике Временного правительства (этот документ получил недостаточно точное название, так как главное его содержание заключено в сообщении о самочинных захватах земли крестьянами, об устранении землевладельцев и их управляющих). Крестьяне решают вопрос о земле помимо Временного правительства, к которому «не могут не затаить недоверия [в] земельном вопросе и **стремятся закрепить победы революции** (подчеркнуто мною.—Г. С.), (стр. 33); в документе № 14 — о самовольном захвате удельных лесов крестьянами Алатырского и Ардатовского уездов, где крестьяне «совершенно не признают постановлений Временного правительства» (стр. 34); в документе № 15 — предписание губкомиссара Ундоровской волости о недопустимости решения экономических вопросов революционным путем; в документе № 17 — о захвате крестьянами-общинниками сел Баевки и Кузоватова, Сенгилеевского уезда, земель отрубщиков; в документе № 18 — о захвате помещичьих и церковных земель крестьянами с. Белозерья, Карсунского уезда, и др.

В документах сборника отражен процесс революционного вторжения рабочего класса в производство, введение 8-часового рабочего дня и контроля рабочих комитетов над производством и распределением.

Так, в документе № 19 (протокол заседания уполномоченных рабочего комитета Екатерининской суконной фабрики Сенгилеевского уезда) говорится, что с 15 марта 1917 г. по решению заседания уполномоченных рабочего комитета вводится на Екатерининской суконной фабрике 8-часовой рабочий день, для подростков — 6 часов и устанавливается новая заработная плата для всех категорий рабочих. Без ведома рабочего комитета владелец фабрики не имеет права нанимать или увольнять рабочих (стр. 37—38).

Требование передачи всей власти Советам содержится в резолюции митинга рабочих железнодорожников Сызрани от 16 мая 1917 г.

В приведенной в сборнике телеграмме в симбирских губернского и уездного комиссаров министру-председателю говорится о состоявшемся 15—17 мая 1917 г. симбирском уездном крестьянском съезде, который «...считает необходимым немедленное до созыва учредительного собрания объявление в виде общего закона — признание всех земель частновладельческих, монастырских и других общегосударственным достоянием с распределением земли по трудовому принципу» (стр. 45).

В постановлении крестьянского Союза сел Курмышского уезда, Симбирской губернии, и Васильсурского уезда, Нижегородской губернии, от 23 мая 1917 г. (докум. 31), подписанном 808 членами Союза, говорится,

что вся земля помещиков и кулаков (сверх трудовой нормы) «должна быть поделена между всеми членами нашего Союза».

Газета «Товарищ» — орган Сызранского комитета РСДРП(б) дает установки о немедленном захвате помещичьих, церковных и других земель и передаче их крестьянским комитетам (докум. 28, 32).

В резолюции общего собрания крестьян Репьевской волости, Сызранского уезда, при участии делегатов с фронта, от 28 мая выражено требование к Временному правительству о немедленной конфискации земель и передаче их местным крестьянским комитетам. «Если же оно откажется от издания такого закона, то считаем необходимым сейчас же приступить к пропаганде всеми имеющимися у нас средствами везде и всюду о немедленном захвате всей земли в руки народа, как это было сделано рабочими с восьмичасовым рабочим днем. Учредительное собрание, если оно только соберется, пусть станет перед совершившимся уже фактом» (стр. 51).

В сборнике помещен ряд документов, свидетельствующих о влиянии большевиков среди солдат, и той работе, которую партия вела в армии (№ 37, 40, 42, 44).

В обращении военной организации при Сызранском комитете РСДРП(б) «К солдатам» от 30 мая 1917 г. указывалось на необходимость сплочения и единых действий рабочих, солдат и крестьян, усиления политической пропаганды и агитации среди солдат.

Следствием работы партийных организаций в воинских частях явились отказ симбирских полков отправиться на фронт в середине июня 1917 г., организованное выступление солдат и рабочих Сызрани против контрреволюционных мер местных властей и соглашательства эсеро-меньшевистских Советов.

«Это недовольство прорвалось наружу 26 мая, на другой день после выборов на Всероссийский съезд, на котором одержали верх народники. Состоялась демонстрация: «Долой буржуазию из Советов!» Выступила сначала пехота и, несмотря на пущенный кем-то слух, что ленинцы собираются грабить город, кавалерия присоединилась к пехоте. В результате демонстрации Совет был переизбран, и большинство в нем составилось из большевиков и сочувствующих им беспартийных» (стр. 58).

Таким образом, документы архивов убедительно свидетельствуют, что революция шла вперед, втягивая в свою орбиту широкие массы трудящихся, что совершался поворот масс в сторону большевиков.

Раздел II. Обстановка в Симбирской губернии в период подготовки и победы вооруженного восстания в Петрограде (июль—октябрь 1917 года) содержит документы, ярко характеризующие растущую экономическую разруху и голод в губернии, как следствие саботажа и спекуляций буржуазии при поддержке Временного правительства; возрастающее политическое напряжение в связи с контрреволюционными действиями Вре-

менного правительства и его органов в губернии; рост активных выступлений рабочих, солдат и крестьян; переход основных масс трудящихся на сторону большевиков.

Особенно показательна в этом отношении Декларация, принятая Сызранским Советом рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, перешедших на сторону большевиков 8 октября 1917 г. в результате перевыборов исполкома Совета, куда вошло 60 человек, из них 58 большевиков, 1 эсер и 1 меньшевик.

Декларация выражала требование передачи всей власти в центре и на местах Советам, прекращения войны и разрухи, введения рабочего контроля, конфискации всей земли и передачи ее крестьянским комитетам, обеспечение политических свобод и т. п. (стр. 79—80).

Исполком Карсунского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов принял 23 октября 1917 г. резолюцию, в которой говорилось, «что организация власти на началах коалиции с кадетами и буржуазными классами показала всю несостоятельность и привела Россию только к корниловщине». Исполком Совета требует «передать всю власть Российской республики в руки революционной демократии в лице Советов солдатских, рабочих и крестьянских депутатов, которые должны выделить из себя Временное правительство, ответственное перед народом, не входя в коалицию с кадетами и буржуазными классами» (стр. 93).

Важно отметить, что в сборнике помещены документы, свидетельствующие о тесной связи партийных организаций Симбирской губернии с Центральным комитетом РСДРП(б), о руководстве и помощи, которые оказывал им ЦК. Публикуются письма ЦК РСДРП(б) Симбирскому и Сызранскому комитетам о высылке им литературы, командировании партийных работников и т. п.

Раздел III. Установление Советской власти в Симбирской губернии (октябрь 1917 г. — январь 1918 г.).

Исключительный интерес представляют документы, отражающие ход борьбы за установление Советской власти в Симбирской губернии: резолюции Сызранского Совета, солдат сызранского гарнизона, объединенного собрания Симбирского Совета рабочих депутатов и представителей профсоюзов губернии, объединенного собрания крестьян Шумовской волости, Симбирского уезда, и других, где горячо приветствуется свержение контрреволюционного Временного правительства, переход власти в руки Советов в центре и содержится призыв к передаче всей власти на местах.

Экстренное общее собрание сызранского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов от 28 октября 1917 г. вынесло решение о том, «...что с сегодняшнего дня в г. Сызрани власть находится исключительно в руках Совета солдатских, рабочих и крестьянских депутатов» (стр. 98).

Письма крестьян в газету «Известия Сызранского Совета» (ноябрь

1917 г.) показывают, что декрет II съезда Советов о земле сыграл решающую роль в деле окончательного освобождения трудового крестьянства из-под влияния эсеров и меньшевиков и в переходе их на сторону большевиков, что, в частности, проявилось также в выборах в Учредительное собрание, проходивших здесь в ноябре 1917 года.

19 ноября была провозглашена передача всей власти Совету в г. Ардатове и был избран революционный исполнительный комитет (стр. 118).

12 декабря исполком Сенгилеевского Совета рабочих и солдатских депутатов принял решение об установлении власти Советов в Сенгилеевском уезде (стр. 123).

В Симбирске вся власть перешла в руки Советов 10 декабря (стр. 125).

В резолюции общего собрания крестьян с. Болтина, Ардатовского уезда, от 26 декабря 1917 г. нашло отражение отношения крестьян к учредительному собранию. В ней говорится, что в «учредительное собрание прошло подавляющее большинство врагов трудового народа», высказано требование об удалении кадетов и соглашателей из учредительного собрания, которое крестьяне будут поддерживать «постольку, поскольку оно будет защищать интересы трудового народа, и требуем от учредительного собрания утверждения власти Советов и комитетов и перехода всей земли, без выкупа, народу» (стр. 131).

В крестьянских наказах представителям в Совет указывается, что если Учредительное собрание, члены которого выбирались не везде правильно, пойдет против воли и желаний трудящихся, то «будет и должно быть распущено» (стр. 134).

Документ № 138, протокол заседания исполкома Симбирского Совета рабочих и солдатских депутатов от 1 января 1918 г., свидетельствует об укреплении Советской власти в Симбирске. Принято решение о слиянии исполкомов Советов рабочих и солдатских депутатов, избран президиум, назначены комиссары для связи Совета с комитетами рабочих и служащих, для контроля над банками, почтой и телеграфом, принято решение о создании революционного суда и формировании Красной гвардии, о создании аппарата власти, продовольственного совета и организационной комиссии. Губернским комиссаром избран т. Крымов (стр. 139—140).

4 января 1918 г. губкомиссар Временного правительства Ф. А. Головинский был отстранен от должности без применения насилия, о чем свидетельствует документ № 141 (стр. 142).

Государственный банк в Симбирске был занят без кровопролития комиссаром Совета Першиным с вооруженным отрядом, после ареста управляющего банком Усяткина, отказавшегося признать власть Советов (там же).

Исполком Сызранского Совета рабочих и солдатских депутатов избрал 9 января 1918 г. президиум исполкома Совета и постановил: «Приветст-

вовать Ленина и приступить [к] плодотворной работе [по] закреплению Советской власти» (стр. 145).

Имеется также ряд документов о борьбе Советской власти с саботажем старых служащих и специалистов (№ 145, 146, 149), об установлении революционного порядка и борьбе с контрреволюцией (№ 142, 161) и борьбе с безработицей, о проведении в жизнь декрета о земле (№ 153, 155).

Установление Советской власти в Симбирской губернии проходило в жестокой классовой борьбе, но в этот период она носила мирный характер. Победа была завоевана малой кровью, без вооруженного восстания.

Раздел IV. Борьба за упрочение Советской власти в Симбирской губернии (февраль — апрель 1918 г.).

В сборнике обстоятельно освещается вопрос о конструировании органов Советской власти на местах.

Так, из протокола заседания исполкома Симбирского губернского Совета видно, что 14 февраля 1918 г. было избрано 13 губернских комиссаров, ведающих различными отраслями управления, производства, образования и т. п.

Протокол общего собрания крестьян Поповской волости, Сенгилеевского уезда, от 17 февраля 1918 г. показывает процесс ломки старого государственного аппарата на местах и создания органов Советской власти.

В этом протоколе говорится, что собрание упраздняет земство и всю власть передает в руки волостного Совета и ему же передает дела бывшего волостного земства (стр. 168).

Из проекта национализации частных и общественных банков и кредитных организаций в г. Симбирске, датированного 23 февраля 1918 г., видно, что Совет стремился использовать все полезное из старого аппарата управления, в частности, сохранялась система отделений акционерных банков, общества взаимных кредитов и городской банк, которые преобразовывались в местные отделения Государственного банка, полностью подчиненные ему (стр. 171).

Губернский Совет народных комиссаров г. Симбирска принимал решительные меры для укрепления Советской власти. Так, 23 февраля 1918 г. он вынес решение о роспуске Городской думы и аресте городской управы «за распространение контрреволюционного воззвания к населению» (стр. 172). Вслед за этим, 25 февраля Губсоветом народных комиссаров принято решение о конфискации типографии Токарева, в которой были напечатаны контрреволюционное воззвание Городской думы и московского патриарха Тихона с призывом к ниспровержению Советской власти (док. № 175, стр. 175).

Пятый Симбирский уездный съезд крестьянских Советов от 26—28 февраля 1918 г. признал «только власть Советов, как единственную

власть, выражающую волю и чаяния трудового народа, и для поддержания этой власти в борьбе с контрреволюцией отдаст все свои силы».

Документы № 181, 183, 184 и др. начала марта 1918 г. свидетельствуют о готовности трудящихся защищать Советскую власть. Ряд документов свидетельствует о борьбе деревенской бедноты с кулаками за укрепление Советской власти в деревне (в дер. Погребах, Симбирского уезда, в с. Русской Бектяшке, Сенгилеевского уезда, в поселке Орловском, Сызранского уезда).

3-й Курмышский уездный съезд Советов от 5 апреля 1918 г. вынес следующее решение: «Курмышский уездный съезд Советов выражает (полное) доверие политике Совета. Съезд заявляет, что крестьяне Курмышского уезда всеми силами будут поддерживать Советскую власть, которая не на словах, а на деле защищает интересы крестьян и рабочих от алчных кулаков и капиталистов» (стр. 199).

Наиболее полно по всем разделам представлены материалы по крестьянскому и аграрному вопросам и тесно связанному с ними вопросу о состоянии, настроениях и революционных действиях войск губернского гарнизона. Слабее дан материал о рабочем движении, о профсоюзах, о борьбе за введение рабочего контроля над производством и распределением.

Так, в данном разделе помещено лишь 3 документа о деятельности профсоюзов и рабочих комитетов (№ 162, 191, 192) по борьбе с разрухой, с саботажем предпринимателей и по организации производства. В этом разделе, как и в сборнике в целом, обстоятельно показана роль Коммунистической партии как вождя и организатора масс.

Протоколы организационных собраний Буинской и Ардатовской организации РКП(б) (апрель 1918 г.) свидетельствуют о понимании трудящимися руководящей роли Коммунистической партии в строительстве нового общества.

Так, в протоколе организационного собрания Ардатовской организации РКП(б) от 23 апреля 1918 г. говорится, что «отсутствие на местах какой-либо сильной и организованной партии большевиков, которая могла бы проводить в жизнь все декреты, выработанные Советом народных комиссаров, распространять учение партии и вести необходимую борьбу с партиями контрреволюционного направления, как, например, с партией эсеров, вести агитацию и пропаганду, требует немедленного осуществления организации Коммунистической партии (большевиков)» (стр. 205).

Раздел V. Симбирская губерния в период приступа к социалистическому строительству (май — июнь 1918 г.).

Этот раздел содержит несколько больше, чем предыдущие, документов о деятельности Советов и профсоюзов в области налаживания производства, осуществления рабочего контроля, организации обмена между городом и деревней, в поднятии трудовой дисциплины, повышении производи-

тельности труда, вовлечении всех слоев населения в общественно полезный труд.

Исполнительный комитет Симбирского губернского Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов вынес в мае 1918 г. решение «установить в наивозможно кратчайший срок рабочий контроль над фабриками Симбирской губернии» (стр. 215).

Фракция РКП(б) губернского съезда Советов на своем заседании 11 мая 1918 г. приняла решение направить все усилия «на организацию всенародного учета и контроля, на поднятие производительности труда и усиление промышленности и технической силы Советской республики» (стр. 219).

А 14 мая был образован Губернский Совет рабочего контроля из представителей профсоюзов, фабрично-заводских и железнодорожных комитетов и рабочих кооперативов.

В середине мая рабочий контроль был введен на всех суконных фабриках и на некоторых других предприятиях (стр. 266).

Чувством ответственности за судьбы Советского государства, за ход развития экономики страны проникнут доклад председателя правления союза текстильщиков Поволжского района (док. № 221), сделанный на 4-м делегатском съезде Союза.

Здесь был поставлен вопрос о том, что хищническая политика капиталистов, война и разруха привели к резкому падению производства в стране. Необходимо вопреки всем трудностям, при уменьшенном 8-часовом рабочем дне, добиться повышения производительности труда, осуществляя строгий контроль не только над хозяевами, но и над рабочими (стр. 227—228).

Сборник отражает большую работу Советов в деле организации производства. Для руководства и управления промышленностью губернии в мае 1918 г. был создан Совнархоз.

В Декларации исполкома губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов 6-го созыва (28 мая 1918 г.) говорилось: «... в области экономической политики с созданием теперь Губернского совета народного хозяйства направить свою деятельность к использованию естественных богатств губернии, поднятию сельского и фабричного хозяйства, сооружению новых железнодорожных путей, развитию обрабатывающей промышленности, устранению безработицы и окончательному уничтожению капиталистической эксплуатации» (стр. 242).

Исключительно интересна информация газеты «Известия Симбирского Совета» от 14 мая 1918 г., из которой видно, что с 5 июля 1917 г. по 18 апреля 1918 г. было создано в Буинском, Симбирском, Карсунском, Курмышском и др. уездах губернии 225 коопераций, из них 196 потребительских сельских коопераций, представляющих собой низшую форму коопе-

рирования, а также 126 кредитных товариществ, объединявших 117.960 членов.

В сборнике (IV и V разделы) помещены материалы о деятельности профсоюзов по укреплению Советской власти, об организации Союза социалистической молодежи «3-й Интернационал» в Симбирске.

Довольно полное и всестороннее представление о деятельности Советов с момента их возникновения по 5 ноября 1918 г. дают доклады Карсунского, Сенгилеевского, Ардатовского уездных и исполкома губернского Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов по национализации земли, фабрик, заводов, банков, по созданию Красной гвардии и борьбе против контрреволюции, по борьбе с голодом и разрухой путем введения рабочего контроля, организации комитетов бедноты и продовольственных отрядов, руководимых, как правило, коммунистами, по строительству нового государственного аппарата на предприятиях и учреждениях, в области народного просвещения, здравоохранения и культуры.

По известным историческим условиям, именно вследствие преобладания в губернии мелкобуржуазных слоев населения: крестьян, кустарей, ремесленников и т. п., была социальная база для мелкобуржуазных партий меньшевиков и эсеров, особенно эсеров, которые, например, даже в ноябре 1917 г. при выборах в Учредительное собрание получили 75 проц. голосов всех избирателей. Однако материалы, отражающие борьбу с эсеро-меньшевистским влиянием в массах, особенно агитационно-пропагандистского характера, отражены недостаточно.

В труднейших условиях войны и разрухи, голода, выступлений контрреволюции устанавливалась и укреплялась Советская власть в Симбирской губернии. «Но жестокая, упорная борьба выковывает сильную власть, а Симбирск, это контрреволюционное «дворянское гнездо», открывал широкое поле для этой борьбы, из которой народная власть вышла победительницей, выдвинув из своей среды стойких бойцов (стр. 275).

Следует подчеркнуть, что, кроме местного партийного и Государственного архива и перепечаток из местных органов печати (журналов и газет), привлечены также документы архива Института марксизма-ленинизма, Центрального государственного архива Октябрьской революции в Москве, Центрального государственного исторического архива Ленинграда, перепечатки из центральных органов Коммунистической партии, что дало возможность довольно полно показать руководство Центрального Комитета партии и центральных Советов партийными организациями и местными Советами Симбирской губернии.

Эта книга представляет собой ценный сборник документов, позволяющих глубже изучить историю Великой Октябрьской социалистической революции, историю большевистской партии.

Х. М. ЛЕВЯТОВА,
доцент пединститута

БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ СОВЕТОВ В СИМБИРСКОЙ ГУБЕРНИИ

Внимание исследователей за последнее время привлечено к истории местных партийных организаций. Выявлено большое количество интересных документов, впервые вводятся в научный оборот новые материалы, восстанавливающие картину деятельности партии на местах, ее кропотливую упорную работу по собиранию сил для создания политической армии революции, по подготовке и проведению Великой Октябрьской социалистической революции.

Большой интерес в этом отношении представляет сборник воспоминаний участников борьбы за установление и упрочение Советской власти «Борьба за власть Советов в Симбирской губернии» (февраль 1917 г. — июнь 1918 г.), подготовленный партийным архивом Ульяновского обкома КПСС, под редакцией кандидата исторических наук Н. Д. Фомина, вышедший в издательстве «Ульяновская правда» в 1957 году. Составители сборника проделали большую работу по сбору воспоминаний симбирских старых большевиков, проживающих в настоящее время в Москве, Смоленске, Ленинграде, в Омской, Ульяновской областях и в других местах.

Некоторые воспоминания печатаются по рукописям 1934 г. или статьям, издававшимся в разное время местной печатью, газетой «Пролетарский путь».

В сборнике удачно показаны первые шаги партийного строительства в Симбирске, борьба рабочих металлистов, текстильщиков, железнодорож-

ников за власть Советов, освещается деятельность большевиков за завоевание солдатских масс, за рост влияния среди крестьянства. Интересны воспоминания, освещающие борьбу бедноты с кулачеством, под руководством рабочих, солдат, вернувшихся с фронта, борьбу с эсерами, свившими себе гнездо в аграрной Симбирской губернии.

В ряде воспоминаний восстанавливается картина создания Советской власти в уездах Симбирской губернии. Эти воспоминания тем более ценны, что сохранившихся архивных материалов, по которым можно восстановить историю партийной организации, недостаточно. Многие документы уничтожались из соображений конспирации, а другие, например, протоколы, часто оставались в карманах отдельных лиц и до нас не дошли.

Конечно, в воспоминаниях могут быть некоторые неточности, но они могут быть исправлены путем сопоставления ряда воспоминаний, сохранившихся документов, в результате чего они могут служить в качестве материала для написания истории Симбирской организации.

В воспоминаниях Швера А. В., Крымова М. Д., Чистова Б. Н., Сыромятникова И. Я. освещаются первые шаги в создании Симбирской партийной организации, которая оформилась в сентябре 1917 г.

Правда, в воспоминаниях тт. Швера и Сыромятникова есть некоторые противоречия, но в целом они восстанавливают события довольно полно. Из воспоминаний И. Я. Сыромятникова выясняется, что уже в 1916 г. на 1-м чугунолитейном заводе имелась партийная группа в составе М. А. Гимова, слесаря Никитина А. В., токаря Сухова И. Н. и Сергея Жукова. Этой группе удалось в 1916 году провести маевку в Обрезковом саду над Воложкой, куда прибыли рабочие не только 1-го чугунолитейного завода, но и других предприятий.

Как утверждает Сыромятников, на митинге первым выступил М. А. Гимов, затем Никитин И. Я. Сыромятников пишет: «На маевке я понял, что Гимов и его друзья не просто «приятели», а что они спаяны еще и другими, общественными интересами».[1]

И. Я. Сыромятников определенно утверждает, что во время империалистической войны М. А. Гимов был уже членом РСДРП(б) и осуществлял линию партии, что вокруг него создалась партийная группа. Это противоречит утверждению Швера А. В., будто после разгрома Симбирской организации в 1907—1908 гг. остались отдельные лица из социал-демократов, которые «ушли в личную жизнь и не вели подпольной революционной работы»[2].

При этом Швер А. В. некритически использует документы жандармс-

---

[1] «За власть Советов» (Сборник воспоминаний), Ульяновск, 1957, стр. 48.

[2] Там же, стр. 8.

кого управления. А. В. Швер утверждает далее, что в начале 1916 г. до апреля 1917 г. революционных организаций в Симбирске не было. Но дальше он сам же признается, что ему не удалось завязать связь с рабочими «из-за отсутствия у меня среди них общих знакомых»[1]. А. В. Швер признает, что в апреле 1917 г. в Симбирске было 5 большевиков: Гимов, Сухов, Никитин, Фрейман Н. П. и Швер, но эти же лица, а именно: Гимов, Сухов, Никитин, а также не упоминаемый им Жуков, уже работали как организованная группа в 1916 г.

И. Я. Сыромятников также свидетельствует, что в Заволжье в годы мировой войны было привезено несколько сот рабочих из Петрограда. Летом 1917 г. там была уже значительная группа большевиков, имевших партбилеты, а еще больше было таких, которые считали себя большевиками, но партбилетов не имели. И. Я. Сыромятников перечисляет фамилии большевиков-петроградцев и говорит, что они «обладали уже некоторым партийным опытом»[2], следовательно, они не летом 1917 г. стали большевиками.

Ошибка А. В. Швера объясняется тем, что он не имел связей с рабочими, он работал с учащейся молодежью, а созданный им кружок, по его собственному признанию, не имея связи с рабочими, «так и повис в воздухе, без руля и без ветрил»[3].

Однако из всех воспоминаний видно, что полноценной жизнью зажила партийная организация тогда, когда она пополнилась партийными работниками, присланными ЦК партии, когда она выросла за счет рабочих, солдат гарнизона, демобилизованных из армии, с фронта. Этому способствовал разрыв с меньшевиками-оборонцами, с которыми симбирские большевики, допустив грубую политическую ошибку, объединились для совместной работы, вопреки указаниям Ленина, VII апрельской конференции и неоднократным решениям партийных съездов и конференций.

Оформление в самостоятельную организацию состоялось 15 сентября 1917 г.

Из воспоминаний Чистова Б. Н. видно, как постепенно под руководством ЦК партии, присланных им работников, Симбирская организация зрела идейно и организационно, преодолевался взгляд ряда местных работников, отождествлявших комитет партии с фракцией Симбирского Совета.

Некоторые, как утверждает Б. Н. Чистов, ошибочно считали, что фракция Совета должна быть выше партийного комитета и должна им руководить. Вскоре партийный комитет занял подобающее ему место в жизни

---

[1] «За власть Советов» (Сборник воспоминаний), Ульяновск, 1957, стр. 9.

[2] Там же, стр. 51.

[3] Там же, стр. 8.

губернии и стал руководить всей работой как партийной, так и советской.

В ряде воспоминаний ярко описывается ожесточенная борьба, какую пришлось выдержать против меньшевиков и особенно эсеров, ставшими рупором контрреволюции, руководителями кулацких мятежей.

Прытков И. Д. пишет: «На местах, в уездных центрах, борьба с эсерами принимала еще более острый характер. На первых порах там эсеры возглавляли часто ревкомы и чрезвычайные комиссии, чувствовали себя хозяевами положения, нередко терроризировали вновь нарождающиеся большевистские организации, дискредитируя на каждом шагу Советскую власть и партию большевиков».[1] Левые эсеры в Сенгилеевском уезде организовали дружину из кулацких сынков, которую они назвали «серыми кречетами». Правые эсеры организовали кулацкие мятежи в ряде районов Симбирской губернии: в Ардатове, Карсуне, Ключищах, Тереньге, Тагае, Каменке, Б. Березниках и в ряде других мест.

О работе большевиков в армии ярко повествует Самойлов Н. Г. Прежде всего, говорит Н. Г. Самойлов, была организована борьба против контрреволюционного офицерства, пытавшегося поддерживать в неприкосновенности старый воинский распорядок, не признававших исторического приказа № 1, изданного Петроградским Советом.

Среди солдат велась разъяснительная работа по вопросу о земле, о войне. Н. Г. Самойлов рассказывает о том, как стихийный подъем солдат против войны под влиянием большевистской агитации принимал все более организованные формы. Однако контрреволюционное офицерство, реакционные элементы из солдат провоцировали солдат на кровавые эксцессы, неорганизованные формы протеста.

Много пришлось приложить усилий, чтобы преодолеть разгул мелкобуржуазной стихии, разоблачить провокаторов, остановить вызванные ими погромы. Изложение этой части вопроса Н. Г. Самойлову весьма удалось. Интересно также разоблачение приемов «оборонческой» агитации со стороны правящей верхушки, в лице командующего гарнизоном и губкомиссара Временного правительства. Н. Г. Самойлов красочно описывает конфуз, который претерпели организаторы торжественной отправки на фронт женского «ударного батальона», который дальше ст. Инза не поехал. Все «ударницы» разбежались и разными путями вернулись по домам.

О работе среди солдат рассказывают Михайлов И. М., Иванников А. М. и др. авторы воспоминаний.

Ряд воспоминаний в сборнике посвящен работе среди крестьянства. Много интересного в этом отношении находим в рассказе Баранова Г. С.

---

[1] «За власть Советов» (Сборник воспоминаний), Ульяновск, 1957, стр. 43.

С большим чувством описывает Баранов Г. С. борьбу за делегатов V съезда крестьянских депутатов, которая происходила между большевиками, с одной стороны, и меньшевиками, эсерами и кадетами, с другой стороны. Решался вопрос — за кем пойдет V съезд крестьянских депутатов, за учредиловцами или большевиками; признает ли съезд власть Советов или власть учредительного собрания. Шла психическая атака на крестьянских депутатов, «шла решительная классовая борьба за Советскую власть и за трудовое крестьянство» [1].

Победили большевики, эсеро-меньшевистская резолюция была с треском провалена — «обедня за учредилку» была сорвана. За резолюцию большевиков голосовало 204 человека, против — 50, 12 — воздержалось.

Но эта победа далась нелегко, для ее достижения нужна была большая предварительная работа. Н. Г. Самойлов и об этом рассказывает в своих воспоминаниях.

Очень волнует описание переживаний первых представителей новой власти, не имевших опыта управления государственными делами, часто людей малообразованных, но знавших, за что они борются и преданных своему народу, делу пролетарской революции.

«Для новой власти, — пишет Г. С. Баранов, — стали подавать на разбор текущую почту и бумаги на подпись. Читаю их и подписываю, делаю вид, что я все понимаю, а в душе «кошки скребут». Красивый кабинет не помогает, боюсь как бы не пропустить вредную бумажку... Разбирать почту, писать на углах бумаг резолюции, составлять их мне было тяжелее, чем рубить лес и катать тачки с землей.., я доходил до одурения, пыхтел, сопел, потел, изнемогал больше, чем от рубки леса и копки земли. Я стыдился показать свое неумение и свою неграмотность»[2].

В воспоминаниях вскрываются и ошибки местных партийных организаций, допускавшиеся в борьбе за крестьянство.

Так, Шарапов К. Б. показывает, что Сызранский комитет РКП(б) практически недооценивал работу среди крестьян. Заготовки продовольствия не подкреплялись разъяснительной работой, в то же время с запозданием был проведен уравнительный раздел земли, что привело к запозданию в подготовке к весеннему севу. Неправильно, по мнению т. Шарапова, использовались кадры, знающие деревню. Недостаточная воспитательная работа в деревне привела к тому, что между рабоче-солдатской и крестьянской секциями Сызранского Совета весной 1918 г. обострились взаимоотношения, особенно тогда, когда усилились колебания среднего крестьянства, а «левые» эсеры пошли на срыв блока с большевиками.

---

[1] «За власть Советов». (Сборник воспоминаний), Ульяновск, 1957, стр. 125.

[2] Там же, стр. 129—130.

С интересом читаются строки из воспоминания т. Белоусова Н. А., посвященные описанию борьбы за упрочение Советской власти в Симбирской губорнии в период ее триумфального шествия. Он рассказывает о разгроме крупного офицерского заговора против Советской власти, осуществленного под руководством председателя Губисполкома Гимова М. А. К этому периоду относится и статья т. Агеева И. И. «Сорок лет назад», в которой автор описывает развертывание социалистической революции в деревне и сопровождавшие ее формы классовой борьбы. Опираясь на бедноту и добиваясь соглашения с середняками, большевики постепенно изолировали кулака. Но это давалось нелегко и не сразу, бывали временные поражения, приходилось действовать решительно, опираясь на диктатуру пролетариата.

Хорошо описана т. Агеевым И. И. борьба по продовольственному вопросу на VI губернском съезде Советов в Симбирске, заседавшем с 12 по 22 мая 1918 г. Борьба развернулась по вопросу, кто может давать разрешение на поездку в Сибирь за хлебом — сельсовет или губпродком. Победа первого предложения развязала бы стихию мешочничества и могла бы парализовать железнодорожное движение. Между тем большинство съезда склонялось на сторону первого решения. Только железная выдержка, твердость пролетарской классовой линии привела к победе, но колебания среднего крестьянства дали возможность «левым» эсерам временно усилить свои позиции. Интерес представляет описание И. И. Агеевым раздела земли в деревне на основе декрета о земле.

(Об этом же пишет и Грязнов А. А. в статье «Борьба крестьян за землю». Его воспоминания особенно ценны тем, что он, как зав. отделом губернской земельной политики, лично руководил делом распределения земли среди крестьян).

И. И. Агеев сообщает, что за основу было взято душевое распределение земли из расчета 1,5 га на душу населения. Больших конфликтов при распределении земли в губернии не было, за исключением одного конфликта в Карсунском уезде.

О выборах в учредительное собрание, об обмане крестьян, о подтасовке выборов в ряде мест рассказывают тт. Баранов Г. С., Кузнецов Р. П. и др.

Интересен такой факт: Р. П. Кузнецова выдвинули в список кандидатов в учредительное собрание от Сенгилея. Гавронский, член ЦК партии эсеров, говорит Р. П. Кузнецову: «Если не поступишь в нашу партию, забаллотируем». После отказа Кузнецова вступить в партию эсеров, представитель ЦК партии эсеров выдвинул кандидатуру Почекуева, а кандидатуру Р. П. Кузнецова предложил снять.

В день выборов в учредительное собрание наблюдалась такая картина; списков было 13. Крестьяне недоумевали — за какой же голосо-

вать. Стоявший у урны эсер говорил: «Да вот за № 2. (Список эсеров. — Х. Л.). Бросьте список в ящик». Так и прошло большинство эсеров[1]. Так же происходили выборы и в других местах.

Некоторый материал из истории большевистской организации Ульяновской области 1917 г. дают воспоминания о создании партийных организаций и Советской власти в уездах Симбирской губернии. Заслуживают внимания статьи Кисина В. В. «Из истории революционной борьбы в Мелекессе», Саблина С. К. «Октябрьские дни в Сенгилее» и некоторые другие.

Составители сборника впервые привлекли материал о революционной молодежи Симбирска в 1917 — 1918 гг. и о славных делах женщин — участниц Октябрьской революции. Но этот раздел представлен бедно, имеется лишь по одному воспоминанию, которые довольно слабо характеризуют работу этого большого отряда борцов за революцию.

Все воспоминания, помещенные в сборнике, показывают, как Советская власть возникала при прямой поддержке и инициативе самих трудящихся масс, под руководством большевиков, в процессе суровой борьбы не на жизнь, а на смерть с контрреволюционными классами, активно поддерживаемыми эсерами и меньшевиками.

Составители и авторы сборника сделали нужную, весьма ценную работу, имеющую большое научное и воспитательное значение. Отрадно отметить, что к сорокалетию Великой Октябрьской социалистической революции история партии обогатилась большим количеством новых материалов из истории местных партийных организаций.

Рецензируемый сборник явится хорошим пособием для пропагандистов, преподавателей истории КПСС и исследователей в этой области.

---

[1] «За власть Советов». (Сборник воспоминаний), г. Ульяновск, 1957, стр. 229.

И. С. РОМАШИН,
кандидат исторических наук

УДЕЛЬНЫЕ КРЕСТЬЯНЕ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ[1]
(Очерки)

История удельного крестьянства России является наименее изученной, почти не затронутой советскими исследователями, хотя удельное крестьянство, занимая третье по численности место (после помещичьих и государственных крестьян), являлось значительным отрядом российского крестьянства.

Помещичьи крестьяне России неоднократно являлись предметом изучения буржуазных и советских исследователей, работы которых хорошо известны нашим историкам. История государственных крестьян получила наиболее полное освещение в капитальном труде акад. Н. М. Дружинина, второй том которого вышел в этом году[2]. Иначе обстоит с изучением удельных крестьян, дореволюционная литература о которых крайне бедна. Писали, главным образом, чиновники Департамента уделов или лица, которые не стремились глубоко и всесторонне изучить историю этого крестьянства. В журнальных статьях затрагивались отдельные важные стороны из жизни удельной деревни, но в них искажалась историческая правда — писалось о преуспевании удельной деревни, она идеализировалась, утверждалась, что в удельных имениях не было таких волнений, как в помещичьих. В лучшем случае статьи являлись своеобразными экскурсами в историю удельных крестьян[3]. В единственной большой юбилейной работе «История уделов за столетие их существования» более полно,

---

[1] Ученые записки Чечено-Ингушского государственного педагогического института, выпуск 11, Грозный, 1959, 586 стр. Тираж 900. Цена 15 руб.

[2] Н. М. Дружинин. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева, т. I, Предпосылки и сущность реформы. Изд. АН СССР, М.—Л., 1946, 632 стр., т. II. Реализация и последствия реформы. Изд. АН СССР, М., 1959, 615 стр.

[3] И. И. Вильсон. Выкупные за землю платежи бывших удельных крестьян — Записки императорского русского географического общества по отделению статистики, т. V, 1878.

И. Красноперов. Экономическое положение бывших удельных крестьян в Симбирской губернии — журнал «Юридический вестник», 1888 г. В. А. Мякотин. Крестьянское самоуправление в удельных имениях— журнал «Русское богатство», 1903, кн. 6—7; П. Голубев. Удельные земли и их происхождение — журнал «Вестник Европы», 1907, кн. 10; В. А. Боголюбов. Удельные крестьяне — Сб-к «Великая реформа», т. II.

но с узко классовых позиций, в дворянско-монархическом духе излагалась история удельных крестьян [1]. Авторы ее извращали объективную истину в интересах первого помещика России — императорской фамилии Романовых.

Советские исследователи с марксистско-ленинских позиций, по-новому, осветили историю нашего крестьянства. В этих работах рассматривались отдельные стороны истории удельного крестьянства. Так, Я. И. Линков, наряду с волнениями помещичьих и государственных крестьян, описывал и волнения удельных крестьян [2].

П. А. Зайончковский в работе «Отмена крепостного права в России» писал о землепользовании, наделах удельных крестьян, о классовой борьбе и проведении реформы 1863 года в удельной деревне [3].

Поэтому, исходя из вышесказанного, следует приветствовать и отметить большое научное значение избранной Н. П. Гриценко темы, посвященной истории удельного крестьянства Среднего Поволжья за все 68 лет существования этой группы крестьянства (1797—1865 гг.). Среднее Поволжье являлось центром всего удельного хозяйства России, именно здесь правительство, усиливая феодальную эксплуатацию удельного крестьянства, начинало проводить всевозможные эксперименты (поземельный сбор и др.) по увеличению доходов в пользу императорской фамилии и лишь после этого переносило эти начинания и опыты на удельное крестьянство других губерний.

В Среднем Поволжье (Казанская, Симбирская и Самарская губернии) было сосредоточено 45 проц. всей массы удельного крестьянства России и поэтому работа имеет не только местное, но и всесоюзное значение и несомненно привлечет внимание всех интересующихся историей нашего крестьянства.

Особая ценность этой работы состоит в том, что она написана на архивных документах. В ней впервые широко использованы материалы архивов Ленинграда, Москвы, Казани, Куйбышева и Ульяновска. Наиболее полное отражение нашли документальные материалы Центрального государственного исторического архива Ленинграда и Государственного архива Ульяновской области [4].

Вышедшая книга Н. П. Гриценко представляет результат его длительной работы над архивными источниками по исследованию истории удель-

---

[1] История уделов за столетие их существования 1797—1897, т. 1—2, СПБ, 1902.

[2] Я. И. Линков. Очерки истории крестьянского движения в России в 1825—1861 гг. М., 1952.

[3] П. А. Зайончковский. Отмена крепостного права в России. М., 1954.

[4] Государственный архив Ульяновской области хранит богатейшие документальные материалы, насчитывающие свыше 20 тысяч дел по истории удельного крестьянства Среднего Поволжья. Фонды: Казанской удельной экспедиции, Казанской Алатырской, Симбирской, Сызранской и Самарской удельных контор, пяти отделений удельных контор, 30-ти удельных округов, 120-ти удельных имений и 19-ти сельских приказов — всесторонне отражают жизнь и быт удельной деревни, а также деятельность всех удельных учреждений.

ного крестьянства, нашедшее свое отражение в ряде ранее опубликованных им работ[1].

Труд Н. П. Гриценко состоит из предисловия и семи глав исследования.

В предисловии указываются задачи исследования, обосновывается важность и необходимость изучения этой проблемы, дается обзор дореволюционной и советской литературы об удельных крестьянах и характеристика привлеченных архивных материалов, а также анализируются правительственные акты, относящиеся к удельному ведомству.

Первая глава начинается справкой о том, как был образован разряд удельных крестьян на основе закона «Учреждение об императорской фамилии», в период когда прежнее дворцовое хозяйство и его крестьяне не могли удовлетворить возросших потребностей многочисленной императорской фамилии Романовых.

Потом выясняется положение удельного крестьянства, сходство и различие его с помещичьими и государственными крестьянами. Далее автор, показывая организацию управления удельными крестьянами, как она сложилась в начале XIX века — Департамент уделов — удельные конторы — сельские удельные приказы — совершенно правильно больше останавливается на анализе деятельности местной, главным образом, сельской администрации (приказов). На многих примерах, приведенных из жизни и быта приказного начальства, он показывает произвол этого начальства и удушающую атмосферу мелочной регламентации им не только хозяйственной, но и личной жизни удельного крестьянина. призванного создавать и увеличивать богатства царствующего дома.

В первом разделе второй главы сначала описывается практика проведения генерального межевания в Среднем Поволжье, позволившая помещикам этого края «округлить» свои владения за счет захвата земель государственных и удельных крестьян. Раздача Павлом I земель Поволжья помещикам еще больше сократила и ухудшила землепользование крестьян.

Потом показывается реализация мероприятий Департамента уделов по обеспечению удельных крестьян землей (переселение крестьян, покупка уделом земель и др.), которые большей частью были безрезультатны и нисколько не улучшили положение удельных крестьян.

Большой интерес в этом разделе представляют страницы, описывающие борьбу крестьян за землю, достигшую, особенно в период генераль-

---

[1] См. следующие статьи Н. П. Гриценко: 1. Волнения удельных крестьян Среднего Поволжья в связи с общественной запашкой (1828—1860) — Ученые записки Ульяновского пединститута, вып. V, 1953. 2. Борьба удельных крестьян Среднего Поволжья за землю — «Вопросы истории» № 10, 1954. 3. Усиление феодальной эксплуатации удельных крестьян в условиях кризиса крепостного права — «Исторические записки», вып. 58, 1956. 4. Развитие товарно-денежных отношений в удельной деревне в период разложения феодально-крепостнического строя (1797—1863). 5. Отмена крепостного права в удельной деревне Среднего Поволжья и волнения крестьян в связи с реформой 1863 года — Ученые записки Грозненского пединститута, № 9, серия историческая, вып. 2. 1956. 6. Организация управления удельными крестьянами и их эксплуатация. 7. Политика феодального «попечительства» удельного ведомства над крестьянами — Ученые записки Чечено-Ингушского пединститута № 10, 1958.

ного межевания, небывалого до того напряжения. Второй раздел этой самой обширной главы (137 стр.) полностью посвящен развитию сельского хозяйства удельных крестьян Поволжья в первой половине XIX века (почвенно-климатические условия, способы обработки, выращиваемые культуры и урожайность, животноводство, огородничество, садоводство и пчеловодство). На основе обширного статистического материала автор приходит к выводу, что удельная деревня Поволжья в этот период сделала дальнейший шаг в развитии производительных сил, хотя феодальные порядки и тормозили это развитие[1].

В третьей главе «Развитие товарно-денежных отношений в удельной деревне в первой половине XIX века» на большом фактическом материале, показывается широкое развитие ремесла и промыслов, рост кулачества и усиление роли его в удельной деревне, дальнейшее развитие торговли, выразившееся в росте сельских базаров и ярмарок. Приведенные данные этой главы с еще большей уведительностью, чем в предыдущей, подтверждают вывод о росте товарно-денежных отношений в удельной деревне.

В четвертой главе рассматриваются повинности удельных крестьян. Сначала указываются размеры подати и оброка удельных крестьян в конце XVIII века, рост их в первой четверти XIX века и особенно после введения поземельного сбора (1830 г.). Автор подробно освещает и другие повинности (дорожная, подворная, квартирный постой, рекрутская и «мирская»). Потом освещается мало изученный проект князя Волконского о введении общественной запашки в удельной деревне, ее крепостническое содержание, практика введения ее и упорное сопротивление этому мероприятию со стороны крестьян, а также волнения в связи с общественной запашкой.

Приведенные автором яркие и волнующие факты сопротивления крестьян этому бюрократическо-крепостническому мероприятию правительства читаются с неослабным интересом (стр. 324—348).

Пятая глава, озаглавленная «Усиление феодальной эксплуатации удельных крестьян в условиях кризиса крепостного строя», рассматривает этот процесс на реализации двух крупных мероприятий правительства: обменной операции — передачи государственных земель и крестьян Симбирской губернии в удельное ведомство и поземельного сбора, способствовавших усилению феодальной эксплуатации удельного крестьянства. После краткого анализа проекта Перовского и Волконского об обмене малодоходных удельных имений, разбросанных по разным губерниям (сдаваемых в казну), на более доходные государственные земли в Симбирской губернии (передаваемых в удел), автор подробно описывает процесс подготовки и проведения этой обменной операции, почти не освещенной в исторической литературе. В результате обмена удельное крестьянство в Симбирской губернии возросло с 40 тыс. до 240 тыс. душ, а вместе с другими крестьянами, отошедшими в управление удела, — до 289 тыс. душ. Этот грандиозный обмен являлся фактически грандиозным обманом крестьян, попавших в удел: возросли платежи, стали тяжелее повинности, ухудши-

---

[1] Интересно отметить, что в 1846 году на полях удельных крестьян Симбирской губернии выращивалась кукуруза давшая огромный урожай — сам—90. О дальнейшей судьбе этого опыта не известно (стр. 159).

лось положение крестьян, и они ответили на это новыми волнениями. Зато изрядно повысились доходы царствующего дома.

Потом автор рассматривает подготовку и введение поземельного сбора, этой своеобразной формы феодальной ренты, просуществовавшей с 1830 по 1863 г., усилившей феодальную эксплуатацию. Н. П. Гриценко оценивает введение поземельного сбора как компромисс между крепостническими и буржуазными тенденциями, с некоторым преобладанием второй, необходимый правительству в период дальнейшего развития внутреннего рынка и роста капиталистических элементов в деревне.

Шестая глава полностью посвящена политике феодального «попечительства» удельного ведомства над своими крестьянами. Под попечительством понималась совокупность мероприятий по повышению хозяйственного и культурного уровня удельной деревни — земледельческое училище, образцовые удельные усадьбы и разведение улучшенных пород скота и птицы, образцовое удельное село Царево-Никольское в Симбирской губернии, ремесленные училища и сельские школы, больницы, аптеки и фельдшерские пункты, а также ликвидация курных изб и лучшая планировка удельной деревни в целях борьбы с пожарами. Все эти сами по себе неплохие мероприятия были жалкой подачкой удельному крестьянству, видимостью заботы о нем и большая часть этих учреждений была закрыта, а оставшиеся давали крайне мизерные результаты. Так, в условиях феодально-крепостнического строя, в атмосфере удушающей опеки и вопиющих злоупотреблений удельного начальства глохли хорошие начинания, а деньги, собранные с населения, попадали в бездонные карманы местной удельной администрации.

В седьмой, заключительной, главе рассматриваются подготовка и проведение крестьянской реформы в удельной деревне и крестьянские волнения в связи с реформой.

Первая часть главы открывается описанием борьбы удельного крестьянства накануне реформы, здесь приведены интересные факты растущего беспокойства удельной деревни, в частности таблица, характеризующая рост судебной и административной расправы над крестьянами, очень убедительно подтверждает это (стр. 492). Далее описывается подготовка, условия освобождения крестьян от удела, реализация этой реформы и сопротивление крестьян составлению и введению уставных грамот.

В оценке реформы автор подчеркивает, что «буржуазная сущность реформы 1863 года выступила сильнее, чем в Положениях 1861 года» (стр. 526). Удельные крестьяне через два года переводились на обязательный выкуп, т. е. из временно-обязанных становились крестьянами-собственниками и тем самым освобождались от феодально-крепостнической зависимости удельного ведомства. Удельным крестьянам не запрещалось отказываться от надела и переходить в другие сословия. Они не знали и дарственного надела. Автор видит причину бо́льшей уступчивости правительства в том, что подготовка и реализация реформы 1863 года проводилась в обстановке не прекращающихся крестьянских волнений. Автор, указывая, что удельные крестьяне получили больше земли, чем помещичьи, опровергает утверждение Е. Мороховец о том, что удельные крестьяне якобы получили всю землю, а в отдельных случаях даже имели прирезку. У удельных крестьян, как и у помещичьих, часть земли была отрезана, так землепользование удельного крестьянства Среднего Поволжья сократилось по губерниям от 5 до 12 проц. — в среднем на 9 проц. (стр. 542).

Во второй части этой главы рассматриваются крестьянские волнения.

в связи с реформой. Автор, указывая, что крестьяне «вначале встретили реформу настороженно, а затем враждебно» (стр. 547), дает яркую картину волнений удельного крестьянства Самарской и Симбирской губерний, причинами которых были большие отрезки и высокие выкупные платежи. Анализируя эти выступления, автор показывает различие в причинах волнений в этих двух смежных губерниях. Если в большеземельной Самарской губернии крестьяне отказывались от больших наделов ввиду высоких выкупных платежей, то в Симбирской губернии наоборот, — боролись за возвращение отрезков. В этой губернии волнения удельных крестьян приняли более острую форму и проходили так бурно, что в 1865 году в удельные селения более 30 раз посылались военные команды (стр. 572).

Краткий обзор содержания работы Н. П. Гриценко показывает, что ему удалось подробно и ярко показать хозяйственную жизнь удельной деревни Среднего Поволжья и методы управления ею Департаментом уделов. Очень ценно, что автор в конце разделов и глав последовательно формулирует подробные и аргументированные выводы, а в конце книги придает им развернутый и обобщающий характер. Выводы и заключение автора не вызывают особых возражений и подтверждают указанную выше научную ценность этой работы.

Однако в исследовании имеются отдельные недостатки или замечания, на которых и следует остановиться.

Обзор литературных и архивных источников, данный в предисловии, следовало бы сделать более обстоятельным. Ссылка на то, что литературы по этому вопросу мало, неосновательна. Наоборот, чем меньше ее, тем с большей тщательностью она должна быть проанализирована. Особенно важно было бы дать более детальную характеристику архивных источников. Может быть, целесообразно было бы дать обзор самостоятельной вводной главой.

В первой главе, в вопросе «организация управления удельными крестьянами и их эксплуатация» автор фактически не осветил вторую часть этого вопроса. Изложенный им в этом месте интересный материал больше характеризует форму и методы сельской приказной администрации точнее — здесь приводятся многочисленные факты произвола и злоупотреблений приказной администрации. Не отразилось это и в выводах. Видимо, подзаголовок не совсем правильно сформулирован.

Во второй главе, где впервые упоминается термин — оброчные статьи (стр. 79, 92 и др.) следовало бы дать понятие о сущности этого термина. Не дано это объяснение и в пятой главе, хотя там есть подобный заголовок (стр. 434).

В той же главе, в таблице об урожаях (стр. 127) лучше бы цифровые данные семян, валового сбора и урожайности выразить в пудах, а не в четвертях и самах или в крайнем случае дать соотношение в пудах в сноске.

В оценке покупки Департаментом уделов помещичьих имений (стр. 110—116) автор вступил в некоторое противоречие. Если удел покупал земли с крестьянами и надел их был невелик, то это, разумеется, не оказывало влияния на малоземельных удельных крестьян. Но если покупка земли совершалась без крестьян (например у графа Орлова, стр. 115), то это влияло на землепользование удельных крестьян. Поэтому нам представляется спорным вывод Н. П. Гриценко, что «как правило, удельные крестьяне не получали купленных Департаментом земель» (стр. 117). Кто же их тогда получал? Ведь удел для того их и покупал, чтобы немед-

ленно пустить в эксплуатацию для получения дохода, хотя бы в качестве оброчных статей. Косвенно и сам автор это подтверждает «во второй трети XIX века помещичье хозяйство подтачивалось и разлагалось, хозяйство удельного ведомства крепло и расширялось» (стр. 115).

Незаконченным и потому наясным является утверждение автора о росте денежной ренты за 92 года (1732—1825) в 22—25 раз (стр. 315—316). Денежное выражение ренты не отражало реальной тяжести этой ренты для крестьян. Здесь следует учитывать курс рубля и только после этого можно судить реально о тяжести ее для крестьянина. Аналогичная неясность встречается и в других местах (стр. 274, 312, 444, 451).

Результаты «попечительных мер» удельного хозяйства (гл. VI) даны, на наш взгляд, автором чересчур негативно. Автор, приводя факты и цифры открытия училищ и школ, образцовых усадьб, больниц и фельдшерских пунктов и т. п., правильно указывает, что это было мизерной подачкой для удельного крестьянства. Но нельзя отрицать что эти мероприятия в известной мере были прогрессом в удельной деревне. Вряд ли критерии XX века можно применять к тому времени.

Крайне досадно, что издательство при выпуске книги допустило в ней опечатки и не исправило их (в книге нет листка с исправлением опечаток), что в некоторых случаях затрудняет читателю правильно понять мысль автора (стр. 509, 518, 526, 542—543).

Все вышеизложенные замечания не умаляют научного достоинства этой книги. В итоге более чем десятилетней упорной работы Н. П. Гриценко написал капитальное исследование по истории удельного крестьянства, значение которого далеко выходит за рамки Среднего Поволжья.

Исследователи истории нашего крестьянства, научные работники исторических дисциплин и студенты исторических факультетов наших вузов и все интересующиеся историей найдут в книге много нового и полезного для себя. В книге впервые на основе марксистско-ленинской методологии наиболее полно и правдиво показывается жизнь удельного крестьянства — одного из отрядов многомиллионного крестьянства дореформенной России.

БИБЛИОГРАФИЯ

ОКТЯБРЬ И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В СИМБИРСКОЙ ГУБЕРНИИ

(1917—1919 гг.)

Указатель литературы

Указатель включает сборники документов, книги, статьи из сборников и журналов, изданные в 1925—1958 гг., и статьи из центральных, областных и районных газет за 1957—1958 гг.

Указатель рассчитан на подготовленного читателя, поэтому в него включен ряд работ, требующих критического подхода.

Работы, отдельные положения которых ошибочны, включены в указатель с оговорками в аннотации.

Указатель состоит из 4-х разделов: 1. Борьба за установление и упрочение Советской власти в Симбирской губернии (февраль 1917 — июнь 1918 гг.). 2. Симбирская губерния в годы гражданской войны (июль 1918—1919 гг.). 3. Активные участники установления Советской власти и гражданской войны в губернии. 4. Художественная литература.

Два первых раздела имеют более дробные деления, соответствующие отдельным историческим событиям. Материалы, содержащие сведения по ряду вопросов, соответствующих подразделам указателя, во избежание дублирования помещаются за более крупной рубрикой.

В связи с тем, что материалы об отдельных участниках установления и упрочения Советской власти в губернии со-

держат описание их деятельности за ряд лет, то также, чтобы избежать дублирования, литература о них собрана в отдельном разделе.

Внутри раздела материал располагается по степени важности. Там, где это возможно — в хронологии событий и по территориальному признаку.

Географические границы территории, охватываемой материалами указателя, соответствуют современным границам области.

Районные газеты, использованные в указателе:

1. «Голос колхозника» — Сурский район.
2. «Голос ударника» — Радищевский район.
3. «Заря коммуны» — Павловский район.
4. «Знамя коммунизма» — Мелекесский район.
5. «Коллективная правда» — Астрадамовский район.
6. «Коллективный труд» — Кузоватовский район.
7. «Колхозная правда» — Богдашкинский район.
8. «Колхозный труд» — Тереньгульский район.
9. «Коммунист» — Барышский район.
10. «Красная жатва» — Карсунский район.
11. «Ленинец» — Майнский район.
12. «Ленинская искра» — Старо-Майнский район.
13. «Ленинский путь» — Сенгилеевский район.
14. «Ленинское знамя» — Ново-Спасский район.
15. «Путь Ленина» — Ульяновский район.
16. «Путь Октября» — Вешкаймский район.
17. «Ударник» — Инзенский район.

1. БОРЬБА ЗА УСТАНОВЛЕНИЕ И УПРОЧЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В СИМБИРСКОЙ ГУБЕРНИИ (февраль 1917 г. — июнь 1918 г.)

Борьба за установление и упрочение Советской власти в Симбирской губернии (март 1917 г. — июнь 1918 г.). Сборник документов. Под ред. М. А. Гнутова. Ульяновск, изд-во «Ульяновская правда», 1957. 343 стр. (Госархив Ульяновской области. Партархив Ульяновского обкома КПСС).

Рец. Горбачева А. История великих свершений. «Ульяновская правда», 1957, 26 ноября.

Борьба за власть Советов в Симбирской губернии. (Февраль 1917 г. — июнь 1918 г.). Сборник воспоминаний

участников борьбы за установление и упрочение Советской власти. Под ред. Н. Д. Фомина. Ульяновск, изд-во «Ульяновская правда», 1957, 292 стр. (Партархив Ульяновского обкома КПСС).

Установление Советской власти в Мордовии. Документы и материалы. Саранск, Мордовское книжное изд-во, 1957. 391 стр.

Ряд документов о Симбирской губернии с октября 1916 г. по май 1918 г. Часть из них публикуется впервые.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Самарской губернии. Документы и материалы. Куйбышевское областное изд-во, 1957. 521 стр.

Упоминаются Мелекесс, Н.-Спасское, Павловка, Симбирск на стр. 33, 49, 100, 124, 129, 130, 131, 138, 150, 179, 246.

Адреса местных организаций РСДРП (1917 — 1918 гг.). Адресная книга ЦК РСДРП(б) «Исторический архив», 1956, № 6.

Приведены адреса организаций Симбирской губернии и отдельных лиц Симбирска, Сенгилея, Языкова, Ждамирова, Карсуна, Мелекесса, с которыми ЦК вел переписку.

Переписка секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями. Сборник документов. М., Госполитиздат, 1957. 2 тома:

т. I (март—октябрь 1917 г.) стр. 30, 61, 67, 77, 95, 222—223, 245—246, 252—254, 260, 326, 332, 362—364, 367, 395—396, 397, 418—419.

т. II. (ноябрь 1917 — февраль 1918 г.) стр. 12, 59, 123, 137, 168—169, 192—193, 347, 358, 388—389, 414—419.

Большевистские организации накануне VII съезда РКП(б). Документы Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. «Исторический архив», 1958, 4, стр. 25—38.

Приведена анкета делегата съезда от Сызранской, Симбирской и Сенгилеевской организации РСДРП Ф. М. Ткачева, включающая 44 вопроса об организации, ее работе, роли в Советах и т. д. (стр. 31).

Медведев Е. И. Установление и упрочение Советской власти на Средней Волге. Ред. И. М. Разгон и Н. Н. Яковлев, т. I. Куйбышев, 1958. (Куйб. пед. ин-т. Ученые записки).

Капитанов М. Л. и Грен В. Н. Ульяновск за 40 лет

Советской власти. Ульяновск, 1957. 40 стр. На правах рукописи. (Общество по распространению политических и научных знаний РСФСР. Ульяновское областное отделение).

На стр. 8—12 — об установлении и упрочении Советской власти в Симбирске.

Алексеев В. Н. Два года борьбы. Октябрь и гражданская война в губернии. Предисловие А. Швера. Ульяновск, 1927 (Истпартотдел Ульяновского губкома ВКП(б).

Цифры и факты, приведенные автором, представляют интерес.

Волнующие, незабываемые дни «Знамя коммунизма», 1957, 12 мая.

Из истории Мелекесской партийной организации 1916—1918 гг. Освещена ее роль в установлении и упрочении Советской власти в Мелекессе. Страница подготовлена по материалам Мелекесской газеты «Рабоче крестьянская правда» за 15 марта 1923 г.

Дырченков С. Из истории развития печати в Мелекессе (1917—1920 гг.) «Знамя коммунизма», 1957, 15 марта.

Рыженков К. Гимовцы в борьбе за установление и упрочение Советской власти. «Путь Ленина», 1957, 7 июня.

1917—1918 гг. в Ишеевке.

а) Борьба за установление Советской власти в губернии

Гнутов М. А., Чистов Б. Н. и Афанасьев Б. Н. Установление Советской власти в Симбирской губернии. Ульяновск, 1957. 83 стр. (Общество по распространению политических и научных знаний РСФСР. Ульяновское областное отделение).

Головчинер Я. М. Установление Советской власти в Симбирске. Ульяновск, 1957. 46 стр. (Ульяновский областной краеведческий музей им. И. А. Гончарова).

Кривов М. И. Установление Советской власти в Симбирской губернии. «Блокнот агитатора», 1957, № 20, стр. 1—11.

Гнутов М. А. Победа Советской власти в Симбирской губернии. «Ульяновская правда», 1957, 24 декабря.

Белокриницкий Е. Языком документов. — «Ульяновская правда», 1957, 6 октября.

Рассказывается об экспозиции выставки в Краеведческом музее, посвященной борьбе за установление Советской власти в Симбирской губернии.

Кисин В. От подполья к Октябрю. — «Знамя коммунизма», 1957, 21—23 июня.

Автор — старый большевик рассказывает, как создавалась большевистская организация в Мелекессе.

Алексеева А. Волнующие, незабываемые дни. — «Блокнот агитатора», 1957, № 20, стр. 12—18.

Воспоминания о революционных событиях в Мелекессе.

Алексеева А. Мелекесские большевики в борьбе за власть Советов. — «Знамя коммунизма», 1957, 27 марта.

Гнутов М. А. Установление Советской власти в Сенгилеевском уезде. «Блокнот агитатора», 1957, № 11, стр. 31—46.

Ивлиев А. Игнатовская суконная фабрика имени Степана Разина. Ульяновск, 1954. 92 стр.

Рассказывая об истории фабрики, автор характеризует положение рабочих перед революцией и их борьбу за установление Советской власти. Показана работа фабкома в марте—ноябре 1917 г. и провозглашение Советской власти 7(20) ноября.

Наумов А. Ишеевская суконная фабрика имени Гимова (1802—1952). Ульяновск, из-во «Ульяновская правда», 1952. 126 стр.

Автор, привлекая архивные материалы и воспоминания рабочих, описывает революционные события 1917 г. в Ишеевке и особенно на суконной фабрике (стр. 46—56).

Шмыгин И. П. Из истории борьбы крестьян села Большого Нагаткина за свободу и землю. Популярный очерк. Ульяновск, 1957. 24 стр.

Характеризуя тяжелое положение крестьян, автор рассказывает о многочисленных революционных выступлениях в селе. Подробно описана борьба крестьян Б. Нагаткина за землю и конфискацию помещичьей собственности в 1917 году.

Морозов С. Установление Советской власти в Барышской Слободе. — «Голос колхозника», 1957, 23 июня.

Прытков И. Д. Установление Советской власти в селе Тушне. «Ленинский путь», 1957, 6 ноября.

Кузьмин И. и Казаков С. Становление Советской власти в Горюшке. — «Колхозный труд», 1957, 7 июня.

* * *

Ниже указаны материалы, характеризующие отдельные этапы борьбы за установление Советской власти в губернии в феврале—декабре 1917 года.

Великая Октябрьская социалистическая революция. Хроника событий. В 4-х томах. т. I. 27 февр. — 6 мая 1917 года. М., изд-во Академии наук СССР, 1957.

О Симбирске и Симбирской губернии на стр. 47, 94, 110, 123, 252, 325, 342, 343, 361, 429, 483, 567, 612, 632, 659, 699.

Революционное движение в России после свержения самодержавия. Документы и материалы. М., изд-во Академии наук СССР, 1957, стр. 298, 548, 592, 676, 714.

Гнутов М. А. Февральские дни в Симбирской губернии. — «Ульяновская правда», 1957, 12 марта.

Мельников В. И. Демонстрация в Мелекессе. — «Ульяновская правда», 1957, 12 марта.

Автор — члены первого Мелекесского Совета депутатов трудящихся вспоминает о демонстрации и митинге в городе в связи с известием о Февральской революции.

Редькин П. В. Февральские дни в Карсуне. — «Ульяновская правда», 1957, 10 марта.

Дворянкин Ф. А. Радостный гудок. — «Ульяновская правда», 1957, 12 марта.

О митинге на Гурьевской фабрике в связи с известием о свержении самодержавия. Выборы фабкома.

Копков А. Молодежь в борьбе за власть Советов. — «Заря коммуны», 1957, 8 сентября.

Участник революционных событий в Павловке рассказывает о том, как в село дошло первое сообщение о Февральской революции, как развертывались события в последующие месяцы.

Макаров П. В бурный 1917 год. — «Коммунист», 1957, 19 мая.

О восстании рабочих на бумажной фабрике в Барыше (ныне фабрика им. Воровского), захвативших фабрику в свои руки в марте 1917 года.

Крестьянский съезд Симбирской губернии 20—21 марта 1917 года. Протокол и резолюции. Симбирск, 1917, 35 стр.

Наумов А. Незабываемые дни. — «Сельское хозяйство», 1957, 28 апреля.

Борьба крестьян губернии за землю в марте—апреле 1917 г. Описана работа губернского крестьянского съезда в марте 1917 г.

Борьба крестьян за землю. — «Ульяновская правда», 1957, 30 апреля.

Крестьянское движение Симбирской губернии в марте—апреле 1917 г.

Кузнецов Р. П. Крестьянский депутат. — «Ульяновская правда», 1957, 13 августа.

Автор — депутат первого губернского и Всероссийского крестьянских съездов, рассказывает о ходе съездов и о борьбе крестьян Симбирской губернии за землю (особенно в с. Чириково, Баевка, Томылово).

Самойлов Н. Г. Борьба за солдатские массы. — «Ульяновская правда», 1957, 12 марта.

Автор рассказывает о своей работе среди солдат 97 пехотного запасного полка в Симбирске в марте—апреле 1917 г., о создании и работе солдатского комитета.

Сазонтов Г. 1 мая 1917 года в Симбирской губернии. — «Блокнот агитатора», 1957, № 8, стр. 41—44.

Фомин Н. В. Первое мая в Симбирске. — «Ульяновская правда», 1957, 1 мая.

Гнутов М. А. Революционные действия крестьян. — «Ульяновская правда», 1957, 31 мая.

Аграрное движение в Симбирской губернии в мае 1917 г. Отклики в губернии на выступление В. И. Ленина на Всероссийском съезде крестьянских депутатов с призывом к немедленному организованному захвату помещичьих земель.

Гнутов М. В Симбирском гарнизоне. — «Ульяновская правда», 1957, 24 июля.

Выступления солдат гарнизона против отправки на фронт в июне — июле 1917 г.

Соболев Л. Июльские дни 1917 г. в Поволжье. — «Ленинский путь», 1957, 7 июля.

Июльские дни в Симбирске, Сенгилее и других пунктах Симбирской губернии. Отмечена связь симбирских большевиков с Самарской группой РСДРП.

Сергеев С. Первый съезд учащихся. — «Ульяновская правда», 1957, 19 июля.

Первый Всероссийский съезд представителей учащихся землемерных училищ проходил в июле 1917 г., в Симбирске. Отмечена организующая роль симбирских большевиков.

Селиванов К. А. Июнь—июль 1917 года в нашем районе (Майнский район) — «Ленинец», 1957, 31 июля.

Кисин В. и Матвеев В. Послеиюльские дни в Мелекессе. — «Знамя коммунизма», 1957, 31 июля.

Крымов М. — секретарю ЦК РСДРП Е. Д. Стасовой. Об образовании Симбирского комитета большевиков. — «Ульяновская правда», 1957, 6 октября.

Сообщение в ЦК о создании в Симбирске большевистской партийной организации.

Сазонтов Г. Симбирская большевистская. — «Ульяновская правда», 1957, 23 сентября.

Краткая справка о создании 15 сентября 1917 года Симбирской (Ульяновской) организации КПСС.

Белокриницкий Е. Первая Симбирская конференция большевиков. «Ульяновская правда», 1957, 11 октября.

Гнутов М. А. Перед штурмом. — «Ульяновская правда», 1957, 28 сентября.

Революционные выступления рабочих и крестьян Симбирской губернии осенью 1917 г. Оформление городской и губернской организации большевиков. Работа большевиков в период выборов в Учредительное собрание.

Афанасьев Б. На путях к Октябрьской революции в Симбирской губернии.—«Ульяновская правда», 1957, 11 июля.

Рогачев Я. Большевистская печать о событиях в Мелекессе. — «Знамя коммунизма», 1957, 25 сентября.

Обзор статей о революционных событиях в Мелекессе в июне—сентябре 1917 г., опубликованных в газете «Приволжская правда» — ежедневной рабочей газете Самарского комитета РСДРП.

Матвеев В. Октябрьские дни в Мелекессе. — «Ульяновская правда», 1955, 5 ноября.

Столяров И. Как создавалась профсоюзная организация у нас в районе. — «Коммунист», 1957, 11 августа.

Создание профсоюзов в Барышском районе в июне—октябре 1917 г.

Дом, в котором в Симбирске была провозглашена Советская власть. — «Ульяновская правда», 1956, 4 ноября.

Кузнецов Р. П. Установление Советской власти в Кузоватовском районе. — «Коллективный труд», 1957, 24, 26 июля.

Гайдамак А. Революционные события в Карсуне. — «Ульяновская правда», 1957, 28 сентября.

Установление Советской власти в Карсуне.

Редькин П. В. Накануне Октября. — «Красная жатва», 1957, 15, 17, 20 марта.

Редькин П. В. Борьба за Советскую власть в Карсуне. — «Красная жатва», 1957, 24 марта.

Андриянов А. Я — за своих... — «Голос колхозника», 1957, 23 августа.

Воспоминания о том, как проходили выборы в Учредительное собрание в селе Сыреси.

б) Первые месяцы Советской власти в Симбирской губернии (январь — июнь 1918 г.)

К истории организации советского государственного аппарата (1917—1918 гг.) — «Исторический архив», 1956, № 5, стр. 63—87.

Есть сведения о партийном составе Симбирского губсовдепа, о рассылке агитаторов по губернии, выдаче литературы.

Чебаевский Ф. В. О строительстве местных Советов в 1917—1918 гг. — «Исторические записки», т. 61, М., изд-во Академии наук СССР, 1957.

О Симбирской губернии на стр. 235, 251, 256.

Аграрная политика Советской власти (1917—1918). Документы и материалы. М., изд-во Академии наук СССР, 1954, 551 стр.

В сборник включены отчеты о работе Мелекесского и Ардатовского земельных отделов в 1918 г. (стр. 272—273, 347—349).

Моисеева О. Н. Ликвидация земельных банков в 1917—1918 гг. — «Исторические записки», т. 61, М., изд-во Акад. наук СССР, 1957.

О Симбирской губернии, стр. 274.

Загайнов А. Борьба за хлеб в Симбирской губернии в 1917—1920 гг. В кн. «Сборник студенческих работ», вып. 1. Ульяновск, 1956, стр. 3—20 (Ульяновский педагогический институт им. И. Н. Ульянова).

Автор, привлекая архивные материалы, характеризует продовольственную политику советских губернских органов, работу комбедов и продотрядов на территории губернии.

Медведев Е. И. Аграрные преобразования в Самарской деревне в 1917—1918 гг. Куйбышевское кн. изд-во, 1958, 88 стр.

В книге имеются сведения о левобережных районах нашей области, в прошлом входивших в состав Самарской губернии.

Аверьянов Т. Героические годы. — «Блокнот агитатора», 1957, № 16, стр. 27—38.

Автор вспоминает о том, как создавались в Симбирске первые советские органы и учреждения.

Беспалов Ф. Первые очаги культуры в Симбирске. — «Ульяновская правда», 1957, 9 июня.

Работа Народного дома в Симбирске, открытого в декабре 1917 г.

Соболев А. Мелекесский уездный съезд Советов в 1918 году. — «Знамя коммунизма», 1957, 17 марта.

Соколов Н. Борьба за Советскую власть в Карсуне. — «Ульяновская правда», 1956, 31 октября.

Потехин И. С. Установление Советской власти в Сурском. — «Голос колхозника», 1957, 10 апреля.

Первые дни Советской власти в Сурске (январь 1918 г).

Соловьев А. Рассказы о прошлом Красного Бора. — «Путь Октября», 1957, 2, 7, 12, 19, 23 июня; 3, 5, 7, 12, 17, 21, 23 июля.

История села Красный Бор (быв. Соплевка) от основания села до наших дней. Наиболее подробно освещен период установления Советской власти, проведение в жизнь первых ее декретов, классовая борьба в селе.

Киселев И. Г. В борьбе за Советскую власть. — «Голос ударника», 1957, 5 июля.

Первые месяцы Советской власти в Белогородовке и Чаушах (Радищевский район).

Круглов К. Сосновка до революции и теперь. — «Ленинец», 1957, 18 августа.

В статье приводятся сведения о первых месяцах Советской власти в Сосновке, об ожесточенной классовой борьбе в селе.

Разматов Н. Революция в деревне. — «Коммунист», 1957, 21, 26, 28 апреля.

То же — «Колхозная правда», 1957, 16, 25 августа и дальше под заглавием «Классовая борьба в деревне».

Эпизоды классовой борьбы в Верхних Тимерсянах в декабре 1917—1918 гг.

Разматов Н. Борьба на хлебном фронте. «Колхозная правда», 1957, 27 октября.

Работа комбеда с. Верхние Тимерсяны 1918 г.

Блохинцев С. Первые Советы Ждамировской волости. — «Голос колхозника», 1957, 7 ноября с портр.

Куваев Я. В борьбе и труде. — «Заря коммуны», 1957, 3, 6 ноября.

О первых мероприятиях Советской власти в селе Павловка.

Афанасьев И. Советы крепли в борьбе. — «Коллективная правда», 1957, 6 сентября.

Установление и укрепление Советской власти в с. Никитино.

Штыркин П. А. В первые годы Советской власти. — «Путь Ленина», 1957, 23 июня.

Воспоминания о событиях 1918 г. в селе Эмбулатове.

II. СИМБИРСКАЯ ГУБЕРНИЯ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ
(июль 1918—1919 гг.)

Ленин В. И. К питерским рабочим. 12 июля 1918 г. Сочинения, т. 27, стр. 495—496.

В. И. Ленин рассказывает, что побывавший в Симбирской губернии тов. Каюров, наблюдал там враждебное отношение кулаков к бедноте и к Советской власти. Ленин призывает питерских рабочих организовать массовый поход в деревню, чтобы, объединив вокруг себя бедноту, разбить кулаков.

Ленин В. И. Тезисы по продовольственному вопросу. Сочинения, т. 28, стр. 28.

История СССР. Эпоха социализма. (1917—1957). Учебное пособие. М., Госполитиздат, 1957, стр. 150, 156.

История гражданской войны в СССР. (1917—1922). Т. 3. Упрочение Советской власти. Начало иностранной военной интервенции и гражданской войны (ноябрь 1917 — март 1919 г.), М., Госполитиздат, 1957, стр. 357—358, 382—407.

Симбирская губерния в годы гражданской войны (май 1918—март 1919 г.). Сборник документов. Под ред. Ф. В. Герасина, М. А. Бутаева, М. И. Астапова, Н. Н. Смирнова, Г. Н. Федорова и М. А. Гнутова. Ульяновск, Ульяновское книжное изд-во, 1958.

Симбирская губерния в 1918 — 1920 гг. Сборник воспоминаний. Под ред. Н. Д. Фомина. Ульяновск, Ульяновское книжное изд-во, 1958, 432 стр. (Партархив Ульяновского обкома КПСС).

Комсомольская юность. Сборник воспоминаний старейших комсомольцев Ульяновской области. Ульяновск, Ульяновское книжное изд-во, 1958.

Рогачев Я. Борьба за установление и упрочение Советской власти в Мелекессе. Мелекесс, 1958. 13 стр. (на правах рукописи).

А. БОРЬБА ПРОТИВ БЕЛОЧЕХОВ И БЕЛОГВАРДЕЙЦЕВ
(июль — сентябрь 1918 г.)

Ленин В. И. Успехи и трудности Советской власти. Сочинения, т. 29, стр. 39—69, особенно стр. 49, 62—64.

Оценивая положение в стране летом 1918 года, В. И. пишет о том вреде, который нанесли республике измена левого эсера Муравьева и мятеж купленных французами и англичанами чехословаков.

Куйбышев В. В. Эпизоды из моей жизни. М., «Молодая гвардия», 1957, 78 стр.

То же в кн.: В. В. Куйбышев. Избранные произведения. М., Госполитиздат, 1958.

Главы «Под маской революционера» и «Борьба за Симбирск».

Военно-политическая деятельность В. В. Куйбышева на Восточном фронте. (Документы). — «Исторический архив», 1958, № 4, стр. 85—122.

Документы августа—сентября 1918 г. касаются действий 1-й армии на Симбирском фронте, боевого состояния частей армии, политической работы среди крестьян и т. д. (стр. 92—98).

Гай Г. Д. В боях за Симбирск. (Краткий очерк гражданской войны в губернии). Ульяновск, 1928.

Автор книги — командир Железной дивизии дает краткую историю дивизии и освещает ход военных действий на территории губернии в 1918 г. Подробно описаны бои за освобождение Симбирска и его оборона 12—28 сентября 1918 г. В книге недостаточно четко определены причины чехословацкого мятежа.

Гай Г. Д. Борьба с чехословаками на Средней Волге. М., Воениздат, 1931, 76 стр.

Содержание книги почти полностью совпадает с предыдущей. Дополнительно приведено ряд схем военных действий и воспоминания участников боев за Симбирск.

Березов П. И. Валериан Владимирович Куйбышев. М., «Молодая гвардия», 1959, 286 стр.

О Симбирской губернии в годы гражданской войны (стр. 149—191). Спорным является утверждение, что В. В. Куйбышев был с Симбирске 10—11 июля.

Борьба за Советскую власть в Самарской губернии. Куйбышев, книжное изд-во, 1957, 290 стр.

Последние главы освещают период гражданской войны в Поволжье. Приводятся факты о действиях боевых дружин при освобождении Мелекесса и других населенных пунктов.

Наумов А. Ишеевская суконная фабрика имени Гимова (1802—1952). Ульяновск, изд. «Ульяновская правда», 1952. 126 стр.

О борьбе рабочих фабрики против белочехов и белогвардейцев в 1918 г. и против Колчака в 1919 г. (стр. 56—68).

Ивлиев А. Игнатовская суконная фабрика имени Степана Разина. Ульяновск, 1954, 92 стр.

Игнатовцы в период гражданской войны (стр. 35—42).

Алексеев В. Н. Два года борьбы. Октябрь и гражданская война в губернии. Ульяновск, 1927, 96 стр. (Истпартотдел Ульяновского губкома ВКП(б).

Глава «Гражданская война» (стр. 63—96) содержит значительный фактический материал.

Чистов Б. Н. Симбирск в годы гражданской войны. (Исторические очерки). Ульяновск, 1951.

Автор неверно оценивает причины успехов контрреволюции летом 1918 г. Отдельные события освещены не точно.

Соболев А. Материалы о В. В. Куйбышеве. — «Знамя коммунизма», 1958, 6 июня.

О пребывании В. В. Куйбышева в Симбирске, Мелекессе, Сенгилее, Инзе.

Соболев А. Здесь жил и работал В. В. Куйбышев. «Ленинский путь», 1958, 6 июня.

Эпизоды о пребывании В. В. Куйбышева в Сенгилее.

Соболев А. Г. Д. Гай в Сенгилее. — «Ленинский путь», 1958, 28 февраля.

Приводятся биографические сведения о Гае.

Гай Г. Д. Большая Советская Энциклопедия, изд. 1-е, т. 14, стр. 304.

Медведев Е. и Худавердян К. Герой гражданской войны Гай. — «Известия» (Акад. наук. Арм. ССР). Обществ. науки, 1958, № 7, стр. 87—93.

Мордвинов Р. Волжская военная флотилия в гражданской войне (1918—1920 гг.). М., Военмориздат, 1952. 224 стр.

Описание военных действий флотилии, принимавшей участие в боях за Симбирск в июле и сентябре 1918 г. (стр. 60—63, 89—92).

Пушкарев С. Ф. Имени Великого Ленина. — «Ульяновский комсомолец», 1958, 23 февраля.

Краткая история Ульяновского гвардейского Краснознаменного танкового училища имени В. И. Ленина, получившего первое боевое крещение в июле—сентябре 1918 г. в боях за Симбирск.

1918 год на родине Ленина. (Сборник). Куйбышев, 1936.

Освещается борьба Советской власти с чехословацким мятежом на территории губернии. Подробно рассматривается авантюра Муравьева, ее значение преувеличено.

Наумов В. П. К историографии белочешского мятежа в 1918 году. В кн. сборник статей по истории рабочего класса и советской историографии. М., 1958, стр. 142—181. (Академия Общественных наук при ЦК КПСС).

а) Левоэсеровский мятеж Муравьева и его ликвидация (июль 1918 года)

Ленин В. И. Телеграмма комиссару Иванову. 11 июля 1918 г., Воронеж. Сочинения, т. 36, стр. 447.

В. И. Ленин извещает о ликвидации левоэсеровского мятежа и измены Муравьева и отмечает необходимость усиления помощи Восточному фронту.

Куйбышев В. В. Муравьевский мятеж. Из телеграммы политического комиссара Первого Восточного фронта тов. В. В. Куйбышева председателю ВЦИК тов. Я. Свердлову. В кн.: В. В. Куйбышев. Избранные произведения. М., Госполитиздат, 1958, стр. 86—87.

Сообщение о том, как был ликвидирован мятеж Муравьева в Симбирске.

Бонч-Бруевич М. Д. Вся власть Советам. Воспоминания. М., Воениздат, 1957.

Глава книги посвящена истории возникновения чехословацкого мятежа и измены Муравьева. Приводятся сведения о прошлом Муравьева (стр. 290—302).

Швер А. Убийство Муравьева. — «Советский общественник» (Ульяновск), 1925, № 4—5, 6.

Автор — участник разоблачения измены Муравьева, вспоминает подробности событий.

Алексеев В. Восстание главкома Муравьева. Сталинград. 1936.

Приводя значительный фактический материал, автор, однако, преувеличивает значение авантюры Муравьева в определении причин временных успехов контрреволюции на Восточном фронте летом 1918 года.

Авров Н. Там, где опасность. — «Нева», 1958, № 3, стр. 150—159 с портрет.

Из биографии Д. Н. Аврова, в 1918 г., работавшего в Симбирском ревкоме, участника раскрытия мятежа Муравьева.

Юсупов А. Парень с нашей улицы. — «Коммунист», 1958, 20 июня.

О Бякире Белоусове — члене коллегии Симбирского губчека, принимавшем участие в ликвидации авантюры Муравьева и в обороне Симбирска.

Рогачев Я. Военком Парадизов. — «Знамя коммунизма», 1958, 2 февраля.

Характеризуется роль В. Н. Парадизова в ликвидации волнений мобилизованных в Мелекессе 12 июля 1918 г., вызванных авантюрой Муравьева.

б) Оборона Симбирска (июль 1918 г.)

Ленин В. И. Разговор с И. В. Сталиным по прямому проводу 24 июля 1918 г. Сочинения, т. 27, стр. 508.

В. И. Ленин сообщает о взятии белыми Симбирска.

Ленин В. И. Речь на объединенном заседании ВЦИК, Московского Совета, фабрично-заводских комитетов и профессиональных союзов Москвы 29 июля 1918 г. Сочинения, т. 28, стр. 1—17.

Характеризуя положение в стране, создавшееся благодаря иностранной интервенции и белогвардейских мятежей, Ленин отмечает причину захвата чехословаками Симбирска и говорит о том, что среди крестьян Симбирской губернии замечается перелом — они становятся ярыми защитниками власти Советов (стр. 14—16).

Ленин В. И. Речь на митинге в Басманном районе 30 августа 1918 г. (Краткий газетный отчет). Сочинения, т. 28, стр. 70.

В. И. Ленин говорит, что белогвардейцы и интервенты, свергнув Советы на Волге, упраздняют завоевания революции и восстанавливают власть капиталистов и помещиков.

Ленин В. И. О современном положении и ближайших задачах Советской власти. Сочинения, т. 29, стр. 420—421.

Говоря о положении в стране в июле 1919 г., Ленин припоминает события июля 1918 г. и характеризует политические, продовольственные и военные трудности, переживаемые тогда страной.

Полупанов А. В. Свобода или смерть. (Воспоминания командира бронепоезда) Симферополь, Крымиздат, 1958, 192 стр.

Гл. XII. «На родине Ленина» (стр. 110—130). Об участии бронепоезда «Свобода или смерть» в боях за Симбирск в июле 1918 г.

Ивженко П. Обелиск на берегу Волги. — «Ульяновский комсомолец», 1957, 19 апреля.

О курсанте Иванове, героически погибшем при обороне Симбирска в июле 1918 года.

Аверьянов Т. Героические годы. — «Блокнот агитатора», 1957, № 16, стр. 27—38.

Автор вспоминает, как в Симбирске, захваченном белогвардейцами и белочехами, господствовал террор.

Рогачев Я. Незабываемый 1918 год. — «Знамя коммунизма», 1957, 6 октября.

Используя архивные материалы, автор рассказывает о трехмесячном хозяйничании белочехов в Мелекессе в июле—октябре 1918 г. и о первых днях после освобождения города.

Ершов П. Семь безвестных героев. — «Ульяновская правда», 1957, 6 августа.

Ершов П. Вечная слава героям. — «Ленинский путь», 1957, 9 августа.

Обе статьи о зверской расправе белогвардейцев над ранеными красноармейцами в с. Тушне, Сенгилеевского района, летом 1918 г. На их могиле открыт памятник-обелиск.

Заваляев Ф. С. Из-под расстрела. — «Голос колхозника», 1957, 21 августа.

Эпизод борьбы с белобандитами в с. Сары.

Смирнов И. История одного памятника. — «Заря коммуны», 1958, 12 февраля.

О памятнике жертвам белогвардейского террора в с. Павловке.

в) Освобождение Симбирска и Симбирской губернии от белочехов и белогвардейцев (сентябрь 1918 г.)

Телеграмма Ленину о взятии Симбирска 12 сентября 1918 г. Совнарком. Ленину. В кн.: В. В. Куйбышев. Избранные произведения, М., Госполитиздат, 1958, стр. 88.

Ленин В. И. Телеграмма В. В. Куйбышеву. Сочинения, т. 28, стр. 75.

В. И. Ленин поздравляет красноармейцев в связи с освобождением Симбирска 12 сентября 1918 г. В примечаниях на стр. 469—470 текст телеграммы 1-й армии В. И. Ленину.

Циркулярное письмо Центрального Комитета ко всем членам партии, комиссарам, командирам и красноармейцам. «Ленинский сборник», т. XXXIV, стр. 44—45.

В письме характеризуются причины военных успехов на Восточном фронте в сентябре 1918 г.

Боевые подвиги частей Красной Армии (1918—1922). Сборник документов. М., Воениздат, 1957, 239 стр.

Документы о награждении воинских частей и соединений, отличившихся в боях за Симбирск (стр. 175—176, 197, 213).

Боевое содружество трудящихся зарубежных стран с народами Советской России (1917—1922). Документы и материалы. Сборник I. М., «Советская Россия», 1957, стр. 13, 101, 111, 139—140, 142, 161—166, 179, 327—335, 351—353.

В сборник вошли документы, характеризующие участие интернациональных отрядов в составе Симбирской Железной дивизии и Инзенской стрелковой дивизии в боях за Симбирск и другие населенные пункты губернии.

Корицкий Н. И. За родину Ленина. Из воспоминаний о гражданской войне в Симбирской губернии в 1918 году. — «Ульяновская правда», 1957, 13, 30 июля, 3 августа.

Автор — нач. штаба Первой Красной Армии рассказывает о боях на подступах к Симбирску в августе—сентябре 1918 г. и боях за Симбирск 10—12 сентября.

40 лет со дня освобождения Ульяновска от белогвардейщины. — «Блокнот агитатора», 1958, № 16, стр. 1—7.

Устинов П. Взятие Симбирска. — «Ульяновская правда», 1958, 12 сентября.

Устинов, бывший командир 1-го полка Железной дивизии.

Уральцев А. С именем Ленина. — «Ульяновская правда», 1958, 12 сентября.

Лонин О. Моя вторая родина — «Ульяновская правда», 1958, 12 сентября.

Автор — венгр по национальности, участвовал в боях за Симбирск.

Казюхин В. Вместе с русскими братьями. — «Ульяновская правда», 1958, 12 сентября

Об Иосифе Поспешиле — чешском коммунисте, политическом комиссаре Симбирской Железной дивизии в сентябре 1918 г.

Афанасьев Б. Н. Фронт прорван. — «Ульяновская правда», 1958, 24 августа.

Описание боевых действий 9 сентября на подступах к Симбирску.

Афанасьев Б. Н. Схватка на станции. — «Ульяновский комсомолец», 1958, 3 сентября.

Бои 1-го Симбирского полка за ж. д. станцию Охотничья.

Зубов М. В боях за Симбирск. — «Голос колхозника», 1957, 19 мая.

Шигаев А. В. В суровый восемнадцатый год. (Из воспоминаний). Чувашгосиздат, 1959, 51 стр.

Автор — батальонный политический комиссар 3-го Симбирского полка — участник освобождения Симбирска.

Как это было... Воспоминания пулеметчика И. Долинского — участника боев за освобождение г. Симбирска от белогвардейцев. — «Ульяновская правда», 1956, 12 сентября.

Кротов А. Боевые будни. — «Коллективный труд», 1957, 22 февраля.

Воспоминания о штурме моста через Волгу у Симбирска 14 сентября.

Галактионов И. За ранение Ильича. В кн.: Сквозь вьюгу пуль. Москва — Самара, 1932, стр. 55—56.

Участие Самарского партизанского отряда в освобождении Симбирска.

Афанасьев Б. Обелиск на Венце. — «Ульяновский комсомолец», 1957, 2 июня.

Кириллов В. Утро на Новом Венце. — «Ульяновская правда», 1958, 12 сентября.

О братской могиле на Новом Венце и людях там похороненных.

Чистов Б. Н., Афанасьев Б. Н. По путям боев Железной дивизии. (В помощь учителю). Ульяновск, книжное изд-во, 1958 (Институт усовершенствования учителей).

Описывая историю создания дивизии, авторы подробно рассказывают о штурме Симбирска в сентябре 1918 г. Наиболее детально показана история 1-го и 2-го симбирских полков. Даны рекомендации по проведению экскурсий по местам их боев.

Сазонтов Г. А. Имя: 24-я, Фамилия: Железная. — «Ульяновская правда», 1957, 24 марта.

Приводится послужной список Железной дивизии, составленный ее первым командиром Г. Д. Гаем.

Исбах А. Двадцать четвертая Железная. — «Новый мир», 1958, № 2, стр. 197—207.

Аксенов В. Боевой путь старейшего соединения. — «Военный вестник», 1958, № 2, стр. 38—41.

Иванов А. Нетленные славные традиции. 40 лет Самаро-Ульяновской Железной дивизии». — «Ульяновская правда», 1958, 3 августа.

Соболев А. Двадцать четвертая Железная... — «Ленинский путь», 1958, 6 августа.

Рассказывает о том, как сенгилеевцы хранят память о дивизии и ее командире Г. Д. Гае. Приведено письмо Гая пионерам Сенгилеевского детдома.

Кузьмин И. Получая приказ Чапаева. — «Колхозный труд». 1957, 6 ноября.

Боец 24-й Железной дивизии т. Кузьмин рассказывает о действиях дивизии на территории Симбирской и Самарской губерний.

Ноздряков Г. И. За власть Советов. — «Колхозный труд», 1957, 23 октября.

О том, как защищали Советскую власть крестьяне с. Тумкино. Отряд добровольцев влился в состав Железной дивизии.

Страхов А. 40 лет тому назад... — «Блокнот агитатора», 1957, № 20, стр. 19—23.

Рассказ о первых мероприятиях рабочего комитета Екатерининской суконной фабрики в 1917 г., о добровольческом отряде текстильщиков в составе Железной дивизии, защищавшем завоевания Октября.

Кондратьев Н. Д. Начдив 15-й Инзенской. В кн.: Н. Д. Кондратьев. Сыны народа. Очерки. Рига, Латгосиздат, 1956, стр. 199—260.

Очерк о формировании дивизии в Инзе, ее первых боях против белочехов на линии Инза—Сызрань и о ее боевом командире Я. Я. Лацисе.

Кириллин Н. Ф. Из прошлого Инзенской дивизии. — «Ударник», 1957, 25 сентября.

Бывший боец-доброволец рассказывает о формировании Инзенской дивизии и ее первых боях.

Луконин Ф. В. Грозные годы гражданской. — «Коллективная правда», 1957, 3 ноября.

Борьба с белогвардейцами и белочехами в июле—сентябре 1918 г. в Астрадамовке.

Родин В. За власть Советов! — «Коллективный труд», 1957, 12 июля.

1918—1919 гг. в селе Паркино, Астрадамовка.

Дунаев Т. В боях рождались и крепли Советы. — «Коллективная правда», 1957, 7 ноября.

Автор воспоминаний в числе других вернувшихся домой революционных солдат и матросов отстаивал завоевания Октября в с. Паркино и других селах Астрадамовского района.

Морозов Г. Боевые революционные. — «Ленинская искра», 1957, 18 августа.

О действиях Кременского революционного отряда, руководимого М. И. Кузнецовым и И. И. Пекарским.

Тимушев Х. Текстильщики в борьбе с контрреволюцией. — «Коммунист», 1957, 11 августа.

Белочехи в Гурьевке. Формирование отрядов текстильщиков и их боевые действия в Барыше, Кузоватове.

Аипов Х. Против внешней и внутренней контрреволюции. — «Коммунист», 1957, 19 июня.

О действиях Симбирского красногвардейского отряда текстильщиков в Барышском районе.

Размaтов Н. Возмездие. — «Колхозная правда», 1957, 11 сентября.

Участие крестьян Верхних Тимерсян в борьбе с белочехами и кулацкими бандитами.

Николаев И. Памяти павших бойцов. — «Ульяновская правда». 1958, 18 января.

Верхние Тимерсяны.

Кожевников И. С. Вспоминая Октябрьские дни... — «Коллективный труд», 1957, 7 ноября.

О классовой борьбе в с. Старая Ерыкла. Автор воспоминаний вместе с другими добровольцами из села участвовал в борьбе с белочехами.

Поздяев К. Это было 40 лет назад... (Рассказ участника гражданской войны). — «Коллективный труд», 1957, 4 октября.

Борьба с белогвардейцами и чехами в Кузоватове. Автор рассказывает о белочешском терроре.

В боях за родную власть (воспоминания И. А. Капустина, Е. П. Лукъянова и А. А. Яшина. Записал А. Петрушин). — «Коллективный труд», 1957, 29 сентября.

Участие крестьян села Баевка в защите завоеваний Октября.

Лукьянов А. Они сражались за Родину. — «Коллективный труд», 1958, 24 января.

Борьба с белогвардейцами на территории Кузоватовского района осенью 1918 г.

Францев Ф. Жизнь — подвиг. — «Ленинское знамя», 1957, 7 ноября.

О М. Н. Сергееве — комиссаре бронепоезда, принимавшем участие в боях с белочехами за Ново-Спасское.

Щукин Е. П. В эшелоне смерти. (Из воспоминаний участника гражданской войны). — «Голос ударника», 1957, 11 сентября.

Борьба с силами контрреволюции в Радищеве.

Федоров К. Так завоевывалась власть Советов. (1918 г. в с. Радищеве). — «Голос ударника», 1957, 8 сентября.

Степанов Н. Это было в 1918 году... — «Голос ударника», 1957, 17 июля.

Хозяйничание белогвардейцев в Радищеве и разгром их в августе 1918 г.

Зуботыкин В. И. Годы борьбы. — «Заря коммуны», 1957, 13, 15, 18, 20 сентября.

Воспоминания активного участника установления Советской власти в селах Павловского района. Подробно автор рассказывает о гражданской войне на территории района.

Кляузов М. Шел 1918 год. — «Заря коммуны», 1957, 24 июля.

Т. Кляузов рассказывает о боях 2-го Петроградского морского полка на линии Кузнецк—Сызрань за Тамышево, Б. Репьевку.

Копков А. Молодежь в борьбе за власть Советов. — «Заря коммуны», 1957, 8 сентября.

Участник революционных событий в Павловке пишет о борьбе революционного крестьянства против белогвардейцев и местного кулачества, о создании и работе первой комсомольской ячейки на селе.

Ивашин О. Сенгилеевцы в боях за Советскую власть. — «Ленинский путь», 1957, 21 июня.

Автор описывает один из боевых эпизодов партизанского отряда и героический подвиг Михаила Ивашина.

Б. УКРЕПЛЕНИЕ ТЫЛА. БОРЬБА С КУЛАЧЕСТВОМ И ПОМОЩЬ ФРОНТУ

Агитпоездки М. И. Калинина в годы гражданской войны. Документы и материалы. — «Красный архив», 1938, № 1, стр. 93—114.

Приведена запись беседы М. И. Калинина с крестьянами Ново-Майнской волости Мелекесского уезда 13 мая 1919 г., речь в Алатыре на первомайском митинге и др.

Калинин М. И. Речь на объединенном заседании рабочих организаций в Симбирске 9 мая 1919 г. — «Известия Симбирского губернского Совета рабочих и крестьянских депутатов», 1919, 11 мая.

Калинин М. И. Из беседы с крестьянами Тетюшской волости Симбирского уезда и губернии 11 мая 1919 г. В кн.: М. И. Калинин. Вопросы советского строительства. Статьи и речи. М., Госполитиздат, 1958, стр. 20—24.

Калинин М. И. Итоги поездок по РСФСР в поезде «Октябрьская революция». (Доклад на заседании ВЦИК VI созыва 23 октября 1919 г.). В той же книге, стр. 42—51.

Максакова Л. В. Агитпоезд «Октябрьская революция» (1919—1920). М., Изд-во Акад. наук СССР, 1956. 176 стр.

Бутаев М. и Сазонтов Г. Агитпоезд «Октябрьская революция» в Симбирске. — «Ульяновская правда», 1959, 13 мая.

Соболев А. Агитпоезд «Октябрьская революция» в Симбирске и Мелекессе. — «Знамя коммунизма», 1959, 28 апреля.

Белоусов Н. В селе Тетюшском. (Агитпоезд «Октябрьская революция»). — «Ульяновская правда», 1959, 13 мая.

Бабурин Д. С. Наркомпрод в первые годы Советской власти. — «Исторические записки», т. 61, М., изд-во Акад. наук, 1957.

О Симбирской губ. стр. 350—351.

Баевский Д. Первые социалистические преобразования в экономике России. В кн.: победа Великой Октябрьской социалистической революции. Сборник статей. М., Госполитиздат, 1957. стр. 474—539.

О Симбирской губ. стр. 527.

Астахов Н. В борьбе с трудностями. — «Блокнот агитатора», 1957, № 17, стр. 37—45.

О трудностях работы железнодорожников в первые месяцы после освобождения Симбирска. Роль партийной и профсоюзной организаций в организации борьбы с разрухой и т. д.

Астахов Н. Незабываемые дни. Симбирские железнодорожники в борьбе за упрочение Советской власти. — «Ульяновская правда», 1957, 28 сентября.

Кривов М. И. Из истории комсомола в Симбирске. — «Блокнот агитатора», 1957, № 15, стр. 1—16.

Селиванов К. А. Так мы вступали на новый путь. Из записок сельского учителя. — «Учительская газета», 1957, 17 октября.

Работа Карлинской школы (Майнский район) в 1917—1919 гг. Первые мероприятия местных органов Советской власти в области народного образования, роль коммунистов в деле перестройки школы.

* * *

Лебедев В. и Ананьев К. М. Д. Фрунзе (1885—1925). М., «Молодая гвардия», 1957, стр. 160—172.

Документы о герое Советского Союза Д. М. Карбышеве с портретом. — «Исторический архив», 1957, № 3, стр. 48—79.

В октябре 1918 г. Д. М. Карбышев был назначен начальником военно-полевого строительства Восточного фронта, проводившего работы в районе Симбирска, Сызрани. Публикуются письма Д. М. Карбышева начальнику инженеров Восточного фронта Г. П. Вискунову, в которых характеризуется ход оборонных работ в Симбирской губ. в октябре—декабре 1918 г.

Крекшин В. и Грачев Е. Жизнь в борьбе. — «Ульяновская правда», 1957, 29 июня.

О боевых делах бронепоезда, построенного по инициативе машиниста М. Г. Назарова в Симбирске. Под командованием Назарова бронепоезд вел активные действия против отрядов Колчака.

Бизяева М. Из истории организации оборонной промышленности в годы гражданской войны (1918—1919 гг.). По материалам металлообрабатывающей промышленности. В кн.: Из истории Октябрьской революции социалистического строительства в СССР. М., 1957, стр. 112—147.

Кулагина Ф. Так они защищали Советскую власть. — «Красная жатва», 1957, 11 октября.

Гордеев Д. Ценою многих жертв. — «Красная жатва», 1957, 11 октября.

Статьи о кулацком мятеже в Карсуне в марте 1919 г.

Афанасьев И. Советы крепли в борьбе. — «Коллективная правда», 1957, 6 сентября.

Борьба с чапанным восстанием в селах Никитино, Киватъ.

Куваев Я. В борьбе и труде. — «Заря коммуны», 1957, 3, 6 ноября.

Первые годы Советской власти в с. Павловка. Борьба с контрреволюционными выступлениями кулачества.

III. АКТИВНЫЕ УЧАСТНИКИ УСТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В ГУБЕРНИИ

Участники борьбы за власть Советов в Симбирске (на правах рукописи), Ульяновск, 1957, 54 стр. (Общество по распространению политических и научных знаний РСФСР. Ульяновское областное отделение).

Сборник очерков о жизни и деятельности М. А. Гимова, В. Г. Пеньевского, А. З. Жукова, К. А. Бутырова, И. С. Космовского, С. Л. Репинского, Е. Н. Аблова, В. Л. Вишнякова — активных участников установления и укрепления Советской власти и гражданской войны в Симбирске и губернии.

Ларин Е. Встреча гвардейцев революции. — «Ульяновская правда», 1957, 24 мая.

О совещании в обкоме партии участников Октября и гражданской войны в Симбирской губернии. Приводятся выдержки из их выступлений.

Кривов М. Михаил Андреевич Гимов. — «Блокнот агитатора», 1957, № 11, стр. 47—51.

Краткая биография революционера, профессионала, первого председателя президиума Губернского Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, активного участника ликвидации контрреволюционных выступлений в Симбирске.

Сазонтов Г. Михаил Дмитриевич Крымов. — «Блокнот агитатора», 1957, № 11, стр. 52—54.

М. Д. Крымов был командирован ЦК партии в Симбирск. Отмечается роль М. Д. Крымова в налаживании партийной работы, его участие в установлении и упрочении Советской власти в Симбирской губернии.

Поручик Иван Григорьевич Новиков. — «Блокнот агитатора», 1957, № 11, стр. 55—56.

Очерк о И. Г. Новикове — члене Симбирского комитета РСДРП, активном агитаторе среди солдат гарнизона, участнике обороны Симбирска в июле 1918 г. от белочехов.

Чистов Б. Н. Петр Харитонович Гладышев. — «Блокнот агитатора», 1957, № 11, стр. 57.

О деятельности П. Х. Гладышева, члена Симбирского губисполкома, комиссара Симбирского сводного красногвардейского отряда, одного из организаторов профессионального союза текстильщиков в Поволжье.

Сазонтов Г. А. Большевик Александр Швер. — «Ульяновская правда», 1957, 4 сентября.

Статья об одном из организаторов установления Советской власти в Симбирской губернии, первом редакторе губернской газеты «Известия Симбирского Совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов».

Сазонтов Г. А. Дедушка Жуков. — «Ульяновская правда», 1957, 5 мая.

Очерк о жизненном пути активного участника установления и укрепления Советской власти в Симбирске Александра Захаровича Жукова.

Чистов Б. Н. Комбриг Пеньевский. — «Ульяновская правда», 1957, 23 августа.

Очерк о военной деятельности В. Г. Пеньевского, одного из организаторов 1-го Симбирского полка, участника разгрома белогвардейцев в губернии.

Чистов Б. Н. Солдат революции. — «Ульяновская правда», 1957, 2 июня.

Описан боевой путь большевика И. С. Космовского, командира Симбирского районного полка.

Петров И. Е. И: С. Космовский. Чебоксары. Чувашгиз, 1958, 47 стр.

Дырченков С. и Сазонтов Г. Евгений Николаевич Аблов. — «Блокнот агитатора», 1957, № 12, стр. 42—48.

Первый председатель Мелекесского Совета Е. Г. Аблов. — «Ульяновская правда», 1957, 25 июня.

Хмарский И. Сын партии. Очерк. — «Знамя коммунизма», 1957, 20 окт.

О рабочем большевике В. Кисине, участнике борьбы за установление и укрепление Советской власти в Мелекессе.

Кисин В. Путь большевика. — «Ульяновская правда», 1957, 28 июня.

Чистов Б., Кисин В. и Рогачев Я. Путь большевика. — «Знамя коммунизма», 1958, 3, 5, 7, 9, 12 сентября.

Статьи о Я. С. Пискалове — председателе Мелекесского Совета, делегате Первого Всероссийского съезда Советов.

Кисин В. и Рогачев Я. Женорганизатор Мария Пискалова. — «Знамя коммунизма», 1957, 18 сентября.

Дырченков С. Они были первыми. — «Знамя коммунизма», 1958, 20 августа.

А. Хмельницкий и Д. Марфин — юные коммунисты, участники установления Советской власти в Мелекессе.

Кисин В. Секретарь укома. — «Знамя коммунизма», 1957, 7 ноября.

А. Д. Козлов.

Рогачев Я. Партработник, журналист, писатель. — «Знамя коммунизма», 1957, 15 ноября.

О Н. Кочкурове, известном под псевдонимом Артем Веселый.

Георгиев С. Евдокия Мироновна Наумова. — «Знамя коммунизма», 1957, 27 января.

Учительница-революционерка, участница борьбы за установление Советской власти в Мелекессе.

Гарина В. Организатор Советской власти в Карсуне. — «Ульяновская правда», 1957, 14 мая.

Очерк о деятельности В. Л. Вишнякова — председателя Совета, созданного в Карсуне 5 мая 1917 г., зверски убитого по дороге на III Всероссийский съезд Советов.

Бутаев М. А. Организатор большевиков в Карсуне. — «Ульяновская правда», 1957, 16 июля.

К. А. Бутыров — участник борьбы за власть Советов в Карсунском уезде.

Редькин П. Константин Андреевич Бутыров. — «Красная жатва», 1957, 28 апреля.

Хрусталев И. Чтобы знать, гордиться, подражать. — «Ульяновский комсомолец», 1957, 25 января.

Заметка о рядовых участниках установления Советской власти и гражданской войны в Карсуне.

Дулкин Х. Заслуженный человек. — «Заря коммуны», 1957, 3 июля.

Об участнике гражданской войны Насибе Азизовиче Абуталикове.

Данилов А. Первый председатель волисполкома. — «Колхозный труд», 1957, 6 ноября.

Статья о Г. А. Данилове — первом председателе Горюшкинского волисполкома, активном борце за установление и укрепление Советской власти в родном селе, погибшем во время кулацкого мятежа весной 1919 г.

Селиванов К. А. Петр Васильевич Евтов. (Из воспоминаний).— «Ленинец», 1957, 9 октября.

Очерк о П. В. Евтове — одном из первых большевиков с. Карлинское, инициаторе создания комитетов взаимопомощи.

Федоров Г. Организатор Советской власти в деревне. — «Колхозный труд», 1957, 7 июля.

О Родионе Прокофьевиче Кузнецове — участнике установления Советской власти в селе Чирикове.

Морозов Г. и Слесарев П. От чего голова поседела... — «Ленинская искра», 1957, 4 августа.

Очерк об организаторе Советской власти в Кременках, командире красногвардейского отряда во время борьбы в белочехами Михаиле Ивановиче Кузнецове.

Морозов Г. и Слесарев П. 1. Так начиналась юность. 2. В огне великой борьбы. 3. Боевые революционные. — «Ленинская искра», 1957, 11, 16, 18 августа.

Очерки о революционной юности И. И. Пекарского и боевой деятельности М. И. Кузнецова, Н. Е. Устимова, И. И. Пекарского и др. в годы установления и укрепления Советской власти в селах Заволжья (Кременки, Головкино, Урень).

Делегат от первого Промзинского Совета. — «Голос колхозника», 1957, 10 июля.

Об А. Н. Миусове — делегате VI Чрезвычайного Всероссийского съезда Советов от Симбирской губернии.

Мишин Ю. За власть Советов. — «Ленинская искра», 1957, 30 августа, 1, 4 сентября с портр.

О борьбе за Советскую власть в Старой Майне и ее организаторе — первом секретаре партийной организации села Г. Н. Меркулове.

Азаров П. Вестник ленинской правды. — «Голос колхозника», 1957, 21 апреля.

О солдате-большевике Петрове, разъяснявшем жителям Сурска политическую обстановку в мае 1917 г. Под его руководством созданы в 1918 г. партийная ячейка и комитет бедноты.

Азаров П. Организатор Советской власти в Белом Ключе. — «Голос колхозника», 1957, 13 сентября.

О первом председателе Бело-Ключевского волисполкома П. Г. Протасове — петроградском рабочем-большевике, присланном в Симбирскую губернию для оказания помощи в установлении Советской власти. Протасов пал жертвою кулацкого «чапанного восстания».

Редькин П. Семен Львович Репинский. — «Красная жатва», 1957, 5 мая.

Хмарский И. Солдат революции. — «Ульяновская правда», 1957, 6 ноября.

О М. И. Шаткове.

IV. ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Болотин С. и Сикорская Т. Железная дивизия. Стих. — «Ульяновский комсомолец», 1958, 12 сентября.

Гимн Железной. (Песня сложена в годы гражданской войны) — «Ульяновский комсомолец», 1958, 6 августа.

Ефимов В. Комиссар Репинский. Стих. — «Ульяновская правда», 1957, 13 октября.

Иванов Н. Наступление. Стих. — «Ульяновская правда», 1958, 12 сентября.

Комский Б. Песня о наших героях. — «Ульяновский комсомолец», 1958, 6 августа.

* * *

Анисимова А. Фрося. Роман. Кн. первая. Пенза, книжное изд-во, 1954, 106 стр.

Веселый А. Чапаны. Повесть. Историческая справка Б. Чистова. Куйбышев, Кр. изд-во, 1936. 168 стр.

Герман Ю. и Фарфель С. Этих дней не смолкнет слава. Рассказы по истории гражданской войны. Л. Детгиз, 1957. Рассказ «Письмо Ильичу», стр. 36—39.

Голубов С. Когда крепости не сдаются. Кн. 1. М., «Советский писатель», 1955. 536 стр.

Дмитриев И. Колесо истории. Рассказ. — «Ульяновская правда», 1957, 19 ноября.

Полынин В. Золотник, Очерк. — «Ульяновская правда», 1957, 22 сентября.

Салмин А. С. Буря на Волге. Кн. 2. Казань, Таткниготорг, 1958, стр. 182—188.

Скиталец С. Г. Дом Черновых. Роман. М., ГИХЛ, 1935, 431 стр.

Составитель Н. НИКИТИНА —
зав. библиограф. отд. областной
библиотеки им. В. И. Ленина.

КНИЖНАЯ ПОЛКА КРАЕВЕДА

В 1958—1959 гг. вышли в свет следующие книги:

Дом-музей В. И. Ленина в Ульяновске. (Путеводитель). Ульяновск, Кн. изд. 1959. 47 стр.

На обороте титульного листа составители:

А. Н. Капранова и А. И. Томуль.

КАРАМЫШЕВ А. Л. Симбирская гимназия в годы учения В. И. Ленина. Ульяновск, Кн. изд., 1958. 120 стр.

МАКАРОВ М. П. Илья Николаевич Ульянов и просвещение чуваш. Чебоксары, Чувашгосиздат, 1958. 159 стр.

ЯКОВЛЕВ И. Я. (Саламбек). Симбирская учительская школа и ее роль в просвещении чуваш. Под ред. М. Я. Си-

роткина. Чебоксары, Чувашгосиздат, 1959. 144 стр. (Научно-исслед. ин-т языка, литературы и экономики при Совете Министров Чувашской АССР).

ЯКОВЛЕВ И. А. Иван Яковлевич Яковлев. (1848—1930). Изд. 2-е. Под ред. Ф. Н. Петрова. Чебоксары, Чувашгосиздат, 1958, 119 стр.

Листовки большевиков Среднего Поволжья к крестьянам в период революции 1905—1907 гг. Сост. сборника и автор вводн. статьи доц. И. П. Шмыгин. Ульяновск, 1959. 131 стр. (Ульян., Гос. пед. ин-т им. И. Н. Ульянова, Ученые записки. т. XIV).

ШМЫГИН И. П. Об участии сельских учителей в крестьянском движении Среднего Поволжья в революции 1905—1907 гг. Ульяновск, 1958. 26 стр. (Ульян. гос. пед. ин-т. им. И. Н. Ульянова. Ученые записки, т. 10. вып. 5)

Симбирская губерния в годы гражданской войны (май 1918 — март 1919 гг.). Сборник документов, т. I. Гл. редактор кандидат историч. наук Ф. В. Герасин. Ульяновск. Кн. изд., 1958, 488 стр. 5 л. илл. (Партархив Ульян. обкома КПСС. Архивн. отд. УВД Ульян. облисполкома, Госархив Ульян. области).

Симбирская губерния в 1918—1920 гг. Сборник воспоминаний. Ред. канд. ист. наук Н. Д. Фомин и др. Ульяновск, Кн. изд., 1958. 432 стр. (Партархив Ульян. обкома КПСС).

Комсомольская юность. Сборник воспоминаний старейших комсомольцев Ульяновской области. Ульяновск. Кн. изд. 1958, 112 стр. с илл. (к сорокалетию ВЛКСМ).

Краеведческие записки. Вып. 2.

БЕЙСОВ П. С. Горький и Симбирск. (Связь Горького с Симбирском. «По поводу» в Симбирской печати. Борьба вокруг «Детей солнца». Дело о «Разрушенном Моле». Письмо Горького в 1910 г. Симбирской газете «Жизнь». Симбирские молодежные журналы в 1905—1909 гг. Письмо Горькому от ульяновцев в 1928 г.). Ульяновск, 1959 (Ульян. Гос. пед. ин-т им. И. Н. Ульянова, Ученые записки. т. XV, вып. 1)

СЕЛИВАНОВ К. А. По литературным местам Ульяновской области. Краткий путеводитель для школ, преподавателей литературы. Ульяновск, 1958. 36 стр. (Ульян. обл. отдел народ. образов., ин-т усовершенствования учителей).

КАБАНОВ К. А. Полезные ископаемые Ульяновской области. Ульяновск, Кн. изд., 1958, 36 стр. с илл.

ХРОНИКА

ТОРЖЕСТВЕННОЕ ЗАСЕДАНИЕ НАУЧНЫХ СОВЕТОВ АРХИВНОГО ОТДЕЛА И КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

11 июля 1958 г. состоялось совместное юбилейное заседание научного совета архивного отдела управления внутренних дел Ульяновской области и ученого совета Ульяновского краеведческого музея им. И. А. Гончарова, посвященное 40-летию со дня подписания В. И. Лениным декрета Совета Народных Комиссаров РСФСР «О реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР», заложившего основу советского архивного строительства.

На заседании присутствовало свыше 100 человек: члены научного совета архивного отдела УВД, ученого совета Краеведческого музея, представители партийных, советских и общественных организаций города и заведующие районными государственными архивами области.

Заседание открыл небольшой вступительной речью директор Краеведческого музея М. Х. Валкин.

Ленинский декрет, сказал тов. Валкин, определил основные принципы архивного строительства в Советском Союзе и положил начало созданию сети архивных учреждений.

Свое сорокалетие советские архивисты встречают в расцвете творческих сил. Под руководством Коммунистической партии и Советского правительства в нашей стране создана наиболее совершенная и научно обоснованная организация архивного дела, обеспечивающая сохранность богатейших документальных материалов многовековой истории народов нашей страны и всестороннее использование их в народнохозяйственных, научных и культурных целях.

Тов. Валкин поздравил коллектив архивистов Ульяновской области и пожелал им дальнейших успехов в работе.

Слово для доклада «О работе архивных учреждений Ульяновской об-

ласти за 40 лет» было предоставлено председателю научного совета, начальнику архивного отдела УВД тов. Редькину Д. Ф.

После доклада члены Совета и приглашенные гости посетили специальную документальную выставку, открывшуюся в музее в канун 40-й годовщины архивного строительства. На самом видном месте, в рамке, — Ленинский декрет «О реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР».

Представленные на выставке экспонаты (диаграммы, таблицы, фотокопии) всесторонне отражают работу архивных учреждений Ульяновской области за прошедшие 40 лет. Здесь можно найти показательные, убедительные цифры.

Так, например, за 1919 год в архиве наведено было всего 2 справки по двум поступившим запросам от граждан, а в 1957 году — 5000 справок.

В 1919 г. в Госархиве имелось 74 экземпляра справочной литературы, а сейчас — свыше 16.000 многотомных научных работ, собраний, монографий, брошюр и периодических изданий и свыше 15.000 экземпляров местных газет.

Выставка поучительна и наглядна.

12 июля в клубе управления внутренних дел Ульяновского облисполкома состоялся вечер, посвященный 40-летию архивного строительства. С большим вниманием участники вечера заслушали доклад начальника архивного отдела УВД тов. Редькина Д. Ф. «О работе архивных учреждений Ульяновской области за 40 лет».

После доклада были зачитаны приветственные телеграммы, поступившие в адрес архивного отдела УВД Ульяновской области от архивистов Куйбышевской и Пензенской областей, Татарской и Чувашской АССР.

Архивисты Чувашии писали:

«Поздравляем сотрудников архивных учреждений [с] сорокалетием архивного строительства. Выражаем сердечную благодарность за содействие [в] комплектовании Госархива Чув. АССР и выявлении источников [по] истории чувашского народа. Высоко оцениваем итоги вашей работы, желаем дальнейших успехов».

В заключение официальной части заместитель начальника УВД тов. Богатский В. В. огласил выписки из приказа Министра внутренних дел РСФСР за 1958 г. об объявлении благодарности и награждении денежной премией Редькина Д. Ф. — начальника архивного отдела УВД Ульяновской области и Григорченко В. Г. — ст. научного сотрудника облгосархива за активное участие в научно-исследовательской работе и своевременную подготовку к изданию сборника документов в связи с 40-летием Великой Октябрьской социалистической революции, о награждении Почетной грамотой МВД РСФСР Яниной Е. И. — ст. архивариуса облгосархива, проработавшей в архиве более 20 лет.

За долголетнюю и активную работу в архивных учреждениях, в связи с 40-летием архивного строительства в СССР, решением исполкома Ульяновского областного Совета депутатов трудящихся и приказом начальника управления внутренних дел Ульяновской обл. награждены Почетными грамотами облисполкома и УВД сотрудники архивных учреждений:

Маслова Л. А. — ст. научный сотрудник облгосархива.
Петрова И. Ф. — ст. научный сотрудник архивного отдела УВД.
Кукарина З. Г. — зав. библиотекой и читальным залом госархива.
Варламова А. Ф. — ст. научный сотрудник госархива.
Апраксина А. Ф. — зав. Тереньгульским райгосархивом.
Бамзуров И. М. — зав. Сурским райгосархивом.
Кириллова М. А. — зав. Мелекесским горгосархивом.
Кляузов М. Н. — зав. Павловским райгосархивом.
Марьина Т. С. — зав. Инзенским райгосархивом.
Милованова З. И. — зав. Карсунским райгосархивом.
Некрасова А. М. — зав. Старо-Майнским райгосархивом.

За активное участие в работе научного совета при архивном отделе УВД награждены Почетными грамотами облисполкома члены совета:

Бейсов П. С. — кандидат филологических наук, доцент Ульяновского госпединститута.

Бутаев М. А. — кандидат исторических наук, доцент Ульяновского сельхозинститута.

Кабанов К. А. — геолог-краевед.

Кривов М. И. — зав. сектором информации Ульяновского обкома КПСС.

Лубянецкий С. А. — доктор ветеринарных наук Ульяновского сельхозинститута.

За добросовестное и честное отношение к исполнению своих служебных обязанностей приказом по УВД объявлена благодарность:

Васильевой И. М. — научному сотруднику архивного отдела УВД.
Виноградовой Л. А. — ст. инспектору отдела.
Дерябиной А. И. — научному сотруднику облгосархива.
Макаровой А. Н. — ст. архивариусу облгосархива.
Цветковой Г. А. — ст. архивариусу облгосархива.
Забродиной В. С. — уборщице облгосархива.

С приветственным словом к юбилярам выступил активный член научного совета при архивном отделе УВД, кандидат исторических наук, доцент Ульяновского государственного сельскохозяйственного института М. А. Бутаев.

Анализ деятельности архивных учреждений Ульяновской области за 40 лет, сказал тов. Бутаев, показывает, что достигнутые успехи являются лишь началом выполнения большой программы, которую предстоит осуществить архивистам Ульяновской области в свете решений XX съезда КПСС и последующих постановлений партии и правительства по обеспечению сохранности документальных материалов и всестороннему их использованию в интересах дальнейшего развития исторической и других отраслей наук с тем, чтобы в ближайшее время превратить областной государственный архив в подлинно научно-исследовательское учреждение.

Руководствуясь Ленинским декретом «О реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР», сорокалетний юбилей которого мы сегодня отмечаем, работники архивных учреждений Ульяновской области сумели не только сосредоточить архивные фонды в хранилищах, но и организовать их практическое использование в интересах Советского государства.

Бурное развитие экономики и культуры нашей области за последние годы обязывает всех работников архивных учреждений области к тому, чтобы идти в ногу с этим развитием.

Тов. Бутаев далее говорит, что по поручению своих товарищей по исследовательской работе в архиве и от своего имени ему хочется выразить особую благодарность и признательность старейшему архивному работнику, бывшему старшему научному сотруднику облгосархива, ныне пенсионеру, Николаю Николаевичу Смирнову, ушедшему год тому назад на пенсию.

Нет сомнения в том, говорит далее тов. Бутаев, что работники архивных учреждений Ульяновской области, отмечая 40-летие Ленинского декрета, мобилизуют все силы и знания к тому, чтобы с честью выполнить поставленные перед ними задачи и тем самым внесут свой скромный вклад в дело построения коммунистического общества в нашей стране.

Интересный вечер архивистов закончился концертом артистов Ульяновской областной филармонии и Ростовского театра музыкальной комедии.

* * *

40-летие Ленинского декрета по архивному строительству было широко отмечено общественностью города Ульяновска.

В областной газете «Ульяновская правда» от 1 июня и 18 июля 1958 г. были помещены две статьи: П. Евдокимова и П. Кулагина «40 лет советского архивного строительства в Ульяновской области» и «Советскому архиву 40 лет», освещающие историю архивного строительства в Ульяновской области и знакомящие с составом и содержанием документальных материалов, хранящихся в облгосархиве.

В газете «На боевом посту» — органе управления и парткома УВД

исполкома Ульяновского областного Совета депутатов трудящихся — 6 июня 1958 г. целая полоса была посвящена сорокалетнему юбилею архивного строительства. Здесь были напечатаны статьи: «Отмечая славную дату», «Скромные труженики», «Труд на благо обществу», «Люди облгосархива» и «Цифры и факты», которые знакомят с документальным богатством и деятельностью архивных учреждений Ульяновской области, со скромными архивными тружениками.

Коллектив архивистов Ульяновской области, вдохновляемый намеченной КПСС грандиозной программой коммунистического строительства, направит все свои усилия на обеспечение сохранности и всестороннее использование архивных материалов в интересах дальнейшего развития народного хозяйства, науки, культуры, просвещения, на руководство и контроль за работой ведомственных архивов, на оказание им организационно-методической и практической помощи в работе в соответствии с новым Положением о государственном архивном фонде Союза ССР в свете решений XXI съезда КПСС.

А. ВАРЛАМОВА,
ст. научный сотрудник облгосархива.

О ЗАСЕДАНИЯХ НАУЧНОГО СОВЕТА в 1958—59 гг.

В период с 26 декабря 1958 г. по 24 июля 1959 г. состоялось 3 заседания научного совета при архивном отделе УВД Ульяновской области.

На первом заседании (26 декабря 1958 г.) были обсуждены обзор АУ МВД РСФСР документальных сборников, изданных архивными учреждениями к 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции, и обзорное письмо института марксизма-ленинизма о публикаторской работе местных партийных архивов.

При рассмотрении обзора отмечался большой размах публикаторской деятельности центральных и местных архивных учреждений Российской Федерации. В 1957 г. вышло в свет 106 сборников документов по истории Октябрьской революции, из которых 16 издано в Москве, а 90 — в республиках и областях. За 1957 год опубликовано столько документальных сборников, сколько их вышло за 39 прошлых лет.

По Российской Федерации издано 54 сборника, вместо предполагавшихся 50, в объеме 1362 печатных листов. В научный оборот введено свыше 16 тыс. документов (вместо намечавшихся 10 тыс.), причем большинство из них публикуется впервые.

В подготовке сборников по всему Советскому Союзу участвовали сотрудники института истории АН, институтов истории республиканских АН, института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, местных партийных архивов, ГАУ МВД СССР, АУ МВД РСФСР и большинства государственных архивов страны.

Авторы обзора отмечают недостатки в подготовке публикаций: невнимательное отношение к организации изучения литературы по теме сборников; не проводятся специальные семинары, не обсуждаются темы сборников. В обзоре обращается внимание на необходимость первоочередного

составления хроники событий, как методического начала при создании документального сборника.

Общим недостатком всех сборников является неполное, а иногда неудовлетворительное комментирование документов. Но, несмотря на эти недостатки, издание документальных сборников имеет огромное общественно-научное значение.

Заведующая партийным архивом при Ульяновском обкоме КПСС тов. **Шитова Г. Е.**, выступившая по второму вопросу, дала краткую характеристику сборников, изданных партархивами на местах, указав на их положительные стороны и наиболее общие, типичные недостатки. Документы сборников показывают, что организующей и направляющей силой при проведении Великой Октябрьской социалистической революции была Коммунистическая партия и ее Центральный Комитет во главе с В. И. Лениным.

Опубликованные в сборниках документы раскрывают картину колоссальной работы Коммунистической партии по завоеванию масс, по укреплению организационной мощи своих рядов. Они рассказывают о деятельности боевых отрядов Коммунистической партии — местных партийных организаций, о том, как на пути к Октябрю создавался союз рабочих, крестьян и солдат — основная общественная сила Октябрьского переворота.

Документальные публикации по истории Октября на местах раскрывают своеобразие и особенности революционной борьбы в разных районах страны, на богатейшем фактическом материале свидетельствуют о том, что Октябрьская революция в нашей стране произошла в результате глубоких исторических закономерностей социально-экономического развития не только России, но и мировой капиталистической системы в целом.

Через все документы сборников красной нитью проходит идея о глубоко народном характере Октябрьской революции.

Далее тов. **Шитова Г. Е.** подробно остановилась на основных требованиях документальных публикаций: они должны отражать деятельность местных партийных организаций, как части партии. История местных партийных организаций должна быть дана с позиции большевистской партийности. Основным методологическим принципом в освещении событий должен быть глубокий историзм, т. е. при раскрытии политических событий необходимо исходить из документов об экономическом положении рабочего класса и крестьянства, их борьбы. В основе каждого документального сборника должны лежать партийные решения и директивы.

С интересными сообщениями выступил ряд членов научного Совета.

На заседании 15 мая 1959 г. судебно-медицинский эксперт Ульяновской областной больницы, врач **Евдокимов П. П.** рассказал об архивных и литературных материалах, отражающих революционную деятельность

медицинских работников Симбирской губернии — З. И. Соловьева, Д. И. Ульянова (брата В. И. Ленина) и Т. Ф. Кудрявцева в период подготовки первой русской революции.

Тов. Евдокимов П. П. указал, что вместе с рабочим классом и крестьянством вела борьбу с самодержавием и лучшая передовая часть нашей интеллигенции и привел много интересных документов, касающихся революционной деятельности врачей Симбирской губернии.

Выступивший затем доктор ветеринарных наук Ульяновского государственного сельскохозяйственного института **Лубянецкий С. А.** сказал, что медицинские работники оказывали большое влияние на революционное движение. С ними приходилось считаться земской управе. Тов. Лубянецкий привел факт о том, как одному симбирскому земскому врачу, отбывшему срок заключения за революционную деятельность, земская управа оплатила жалование полностью за весь срок заключения.

Старший научный сотрудник партархива при Ульяновском обкоме КПСС тов. **Сазонтов Г. А.** отметил большой познавательный интерес сообщения тов. Евдокимова, поскольку лишь узкий круг людей знает наших земляков, известных в медицине до революции.

Тов. Смирнов подчеркнул исключительную значимость таких исторических сообщений. Они раскрывают все новые и новые ранее неизвестные страницы в истории нашего края.

Такие исторические сообщения следует практиковать в будущем в более широкой форме. Конкретно тов. Смирнов предложил подготовить историческое сообщение ко дню столетнего юбилея реформы 1861 года и провести заседание научного совета в селе.

Тов. Михайлова В. М. предложила тов. Евдокимову продолжить исследование архивных материалов по этой теме и расширить хронологические рамки: показать деятельность врачей Симбирской губернии в период гражданской войны и т. д. Эту мысль поддержал и начальник госархива Ульяновской области тов. **Уразманов Ф. А.**, который также одобрил работу тов. Евдокимова.

Председатель научного совета — начальник архивного отдела УВД Ульяновской области тов. **Редькин Д. Ф.** в своем выступлении отметил, что среди медицинских работников гор. Ульяновска мало исследователей, занимающихся историей медицины нашего края. Тов. Редькин рекомендует ставить такие сообщения на проходящих съездах и конференциях медицинских работников.

С большим интересом был заслушан на этом же заседании доклад члена научного совета тов. **Смирнова Н. Н.**, который поделился своим опытом описания столбцов Симбирского Покровского мужского монастыря за 1807—1813 гг.

Тов. Смирнов подчеркнул, что в монастырях собирались и хранились

письменные памятники вплоть до правовых актов. Многочисленные документы Покровского монастыря Н. Н. Смирнов разделил на группы — по разновидностям, способам воспроизведения и содержания и дал характеристику каждой группе.

По разновидностям выделены следующие группы:

а) копии императорских манифестов, указов, указы Казанской духовной консистории, сообщения, отношения гражданских властей г. Симбирска;

б) сообщения, рапорты, донесения монастыря;

в) приходо-расходные книги (записи), входящие и исходящие регистры, списки вещей, ценностей монастыря.

По технике воспроизведения — рукописные и печатные (манифесты, указы).

Все документы столбца подобраны в хронологической последовательности (в порядке их поступления, выпуска или составления) и пронумерованы. Всего в столбце 1816 листов. Высота столбца — 14 см.

Группы документов по содержанию

1) Документы о фактах и событиях общегосударственного значения (об учреждениях губернского земского войска, об отношениях между Россией и Францией, о контроле над расходованием государственных средств и пр.).

2) Указы Казанской духовной консистории (о подписке денежных сумм в пользу Московского библейского общества, утвержденного Бантыщ-Каменским и др.).

3) Документы о землях, рыбных ловлях, покосах и др. угодиях Покровского монастыря и церквей, находящихся в его ведении.

4) О монастырских зданиях и постройках.

5) Документы по учету денежных ценностей, сокровищ монастыря.

6) Документы о монастырских штатах (прием, назначение и др. вопросы, связанные с пребыванием в монастыре).

7) О неблаговидных поступках духовных лиц.

8) О взаимоотношениях между монахами Покровского и др. монастырей.

9) Об участии монастыря в гражданских делах.

10) О духовных церемониалах в связи с событиями в царствующем доме и в связи с дворянскими, купеческими и мещанскими выборами в г. Симбирске.

11) О церковной литературе.

12) Об исполнении церковных треб и о неблаговидном поведении гражданских лиц во время церковных богослужений.

13) Об обследовании монастырей и церквей, находящихся в ведении Покровского монастыря, об имуществе этих монастырей и духовенстве их.

14) О постройке церквей и их освящении.

Такой метод описания монастырских столбцов позволяет проследить деятельность монастыря не только в области духовной, но и в области гражданской жизни того времени. Кроме того, сами документы монастыря могут быть использованы для антирелигиозной пропаганды, что еще раз подчеркивает их значимость.

Выступая по докладу тов. Смирнова, доцент Ульяновского государственного пединститута тов. **Бейсов П.** заострил внимание на документах монастыря, как богатых и интересных памятниках истории края, особо выделив антирелигиозное содержание некоторой части этих документов. Тов. Бейсов рекомендовал продолжить работу по описанию монастырских столбцов по принципу Н. Н. Смирнова, выделив материалы, имеющие значение для антирелигиозной пропаганды.

На заседаниях научного совета 24 июля с. г. широко обсуждалась проблема о наиболее целесообразных формах и видах публикаций, о методах работы над ними. Останавливаясь на требованиях рецензий, в частности, на обязательных поисках документов в других архивах, член научного совета Смирнов Н. Н. высказал мнение, что каждый историк должен глубоко изучить и в совершенстве знать историю своего края, а для составителей сборника это вдвойне обязательно. Хорошее знание местных источников поможет отобрать для публикаций наиболее ценные и интересные документы и сбережет тем самым немалые государственные средства.

Член научного совета тов. **Бутаев М. А.** в своем выступлении также отметил, что при издании публикаций нужно ориентироваться прежде всего на местный материал, но ограничиваться одними только местными источниками нельзя. Необходимо выявлять документы и в других областях и в центральных архивах.

Документальные сборники, по мнению М. А. Бутаева, являются наиболее целесообразной формой публикации. Пофондовые публикации обычно менее ценны.

Присутствовавший на заседании бывший член научного совета, ныне доцент Грозненского пединститута тов. **Гриценко Н. П.** поделился своими впечатлениями о работе научного совета в г. Грозном. Тов. Гриценко порекомендовал чаще поднимать вопросы о публикациях, шире знакомить читателей с местными документальными сборниками.

Член научного совета тов. **Кривов М. И.** предложил издавать популярные брошюры под названием «Библиотека краеведа», в которых содержался бы материал по истории местного края.

Работа научного совета, вопросы, которые поднимаются в исследованиях, — все это свидетельство повседневного интереса широкого круга

нашей интеллигенции к истории нашего края. Увеличивается число краеведов, и то, что еще вчера было достоянием архивных хранилищ, сегодня становится достоянием масс.

Е. И. КОВАЛЕВА,
научный сотрудник облгосархива.

СЕМИНАР РАБОТНИКОВ РАЙОННЫХ АРХИВОВ

При архивном отделе УВД Ульяновской области с 15 по 20 декабря 1958 г. было проведено совещание заведующих районными государственными архивами. На совещании были подведены итоги работы районных архивов за 1958 год. Работа Тереньгульского, Павловского, Мелекесского, Старо-Кулаткинского, Ново-Спасского райгосархивов отмечалась как удовлетворительная; работа Кузоватовского и Ульяновского райгосархивов подверглась резкой критике. Как положительный момент в работе большинства районных архивов отмечалась справочная работа.

В 1958 году районными архивами выдано 5724 справки.

Основным недостатком в работе Кузоватовского и Ульяновского районных архивов является слабая практическая помощь заведующих этими архивами работникам ведомственных архивов в приведении документальных материалов ведомственных архивов в научно-технический порядок.

В целях повышения квалификации заведующих районными государственными архивами на совещании были изучены «Правила работы районных государственных архивов», утвержденные начальником Главного архивного управления МВД СССР № 37 от 22 июня 1957 г.

Эту работу провел старейший сотрудник госархива Ульяновской области (ныне пенсионер) Смирнов Н. Н. Беседа прошла хорошо. Участники совещания задали Н. Н. Смирнову много вопросов по теории и практике архивного дела.

И. ВАСИЛЬЕВА,
научный сотрудник архивного отдела УВД.

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

Сообщения и материалы

Рецензии

Библиография

Хроника

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
143	3 снизу в сноске	Архипов	Арапов
189	9 снизу	с архивом	с активом
203	10 снизу	телеграмме в симбирских	телеграмме симбирских
216	5 сверху	осуществленного	осуществленном
239	19 сверху	об учреждениях	об учреждении

Цена 6 руб. 50 коп.